

**«Слово благодарственное
на освящении Академии художеств»
М.В. Ломоносова и «Медный всадник»
А.С. Пушкина: описание городского пространства**

© *Е. М. МАТВЕЕВ,*
кандидат филологических наук

В настоящей статье вступление к пушкинскому «Медному всаднику» сопоставлено со «Словом благодарственным на освящении Академии художеств» М.В. Ломоносова (1764, опубликовано в 1871), которое ранее напрямую с пушкинской поэмой не сравнивалось. Сопоставительный анализ позволяет увидеть, как вступление к «Медному всаднику» сохраняет «риторический каркас» композиции городского панегирика, которая была выработана русской литературой XVIII века с опорой на классическую риторику.

Ключевые слова: Ломоносов, ораторская проза, Пушкин, Медный всадник, петербургский текст.

DOI: 10.31857/S013161170001610-0

My paper focuses on the comparison of *descriptio urbis* in «Medniy vsadnik» by A.S. Pushkin and «Slovo blagodarstvennoe na osvyashchenii Akademii hudozhestv» by M.V. Lomonosov (1764, published 1871) – an oratorical speech in which specifically Petersburg topics was formed. Such comparison seems to be relevant because, when analyzing the connections of «Medniy vsadnik» with 18th century Russian literature, scholars usually limit them to poetic tradition leaving aside the tradition of oratorical prose. The analysis revealed a special rhetorical framework which allows us to see the dialogue between Pushkin and 18th century Russian panegyric literature.

Keywords: Lomonosov, oratorical prose, Pushkin, «The Bronze Horseman», Petersburg text.

В 1764 году М.В. Ломоносов написал свое последнее ораторское произведение – «Слово благодарственное на освящении Академии художеств». Оно было приурочено к планировавшейся инаугурации петербургской Академии художеств, то есть своего рода ее повторному торжественному

открытию Екатериной II, которая утвердила устав и регламент этого учреждения.

Слово выстроено по всем правилам панегирического искусства. Во вступлении автор восхваляет императрицу, радеющую «о благоденствии общества» и пекущуюся «о приращении общих удовольствий торжественным освящением сего важного учреждения». Далее говорится о той пользе, которую может принести России «трудолюбие художеств» — «архитектурного искусства», «скульптурного художества», «живописных хитростей» [1. С. 735–736]. В центре ломоносовского слова — два панегирика, панегирик российскому народу нового времени, который «яко важнейший член во всей европейской системе, требует величеству и могуществу своему пристойнаго и равномернаго великолепия» (С. 737), и панегирик Петербургу, один из самых ярких примеров петербургского панегирика XVIII века. Комментаторы академического полного собрания сочинений Ломоносова дают следующую характеристику ломоносовскому панегирику Петербургу: «Это замечательное описание Петербурга при всей своей риторичности полно такой искренней любви к городу, где прошла вся зрелая жизнь Ломоносова, что может сравниться в этом отношении с посвященными той же теме знаменитыми строфами “Медного всадника”» (С. 168). Действительно, сопоставление с «Медным всадником» напрашивается само собой, но не столько благодаря «искренней любви» к городу, сколько благодаря определенным риторическим моделям, которые присутствуют в обоих текстах.

В данной статье сопоставлены ломоносовский панегирик Петербургу и вступление к пушкинскому «Медному всаднику». Актуальность такого сопоставления связана с тем, что, выявляя связи «Медного всадника» с литературной традицией XVIII века, исследователи, начиная с классической статьи Л.В. Пумпянского 1939 года «“Медный всадник” и поэтическая традиция XVIII века» [2], как правило, ограничивались поэтической (прежде всего одической) традицией, в то время как позднейшие исследования (в частности книга Р. Николози «Петербургский панегирик XVIII века» [3]) показали, что ораторская проза в формировании образа Петербурга в русской литературе играет не менее важную роль, чем ода.

Рассмотрим сходные элементы двух текстов в том порядке, в каком они встречаются у Ломоносова и Пушкина.

1. В начале обоих фрагментов помещено описание географического положения Петербурга. В это описание включено два повторяющихся компонента: *море* и *Европа*. У Ломоносова: «На западе разливается море, отверзая ход во все страны вечерняя» (С. 738); у Пушкина: «В Европу прорубить окно, / Ногою твердой стать при море» [4. С. 380].

2. Следующим повторяющимся мотивом является описание ландшафта и упоминание природной горизонтали. У Ломоносова: «Ровную и низкую

земли плоскость подостлала натура» (С. 739). У Пушкина: «Один у низких берегов» (С. 381).

3. Далее в обоих произведениях контрастом по отношению к природной горизонтали показана архитектурная вертикаль. Ломоносов пишет: «<...> хотя нет здесь натуральных возвышений, но здания огромныя вместо их восходят» (С. 739). В следующем предложении упоминаются «великолепные Монаршеские дома» (Там же). У Пушкина этому фрагменту также находится соответствие: «Громады стройные теснятся / Дворцов и башен» (С. 381).

4. Следующий мотив — обилие кораблей. У Ломоносова идет речь о «плавающих многочисленных судах разнаго рода» (С. 739), у Пушкина: «корабли / Толпой со всех концов земли / К богатым пристаням стремятся» (С. 381).

5. Далее рассмотрим вместе два повторяющихся мотива, которые помещены у Ломоносова и Пушкина рядом, правда, порядок их следования в двух текстах не одинаков. Это мотив стройности Петербурга и мотив соперничества между новой и старой столицами. У Ломоносова сначала речь идет о «строгом, стройном виде» города: «Взойдет кто на высокое здание, увидит, кругом осматривая, якобы плавающая на водах дома и токмо разделенныя прямыми линиями, как бы полки, поставленные урядными строениями» (С. 739) — отметим попутно, что здесь мотив идеального геометрического облика города осложняется сравнением, в результате которого подключаются военные коннотации. В следующем фрагменте Ломоносов говорит о Петербурге и Москве: «Церквей благоговейное множество, хотя числом старинной столице уступает Петрополь, но красотою превосходит. Она древностию благороднее, сей новостию счастливее, чуднее скорым возвращением, основателем преславнее» (Там же). У Пушкина последовательность иная: сначала говорится о соперничестве между двумя столицами («И перед младшею столицей / Померкла старая Москва»), а затем следуют строки «Люблю тебя, Петра творенье, / Люблю твой строгий, стройный вид» (С. 381). Для нас важно отметить, что эти два мотива вместе появляются в соседних фрагментах обоих рассматриваемых текстов.

6. Наконец, в последних частях панегириков опять-таки повторяются сходные топосы. В первую очередь это описание жизни города, соотнесенной с различными временами года, причем с особым акцентом на празднично-развлекательные события. Ломоносов пишет: «Соответствуют сему многоразличныя народныя увеселения и удовольствия своими переменами по местам и по временам года». Далее он говорит о «выездах в увеселительные дома» «по вступлении весны», особо отмечает «скрытие и отверстие рек» и «звучныя обучения полков и торжественных дней изьявление пальбою» (С. 740). Пушкин, в отличие от Ломоносова, описывает летний, потом зимний, потом весенний Петербург, но в соответствующем фрагменте его вступления

находится соответствие каждому из отмеченных только что ломоносовских мотивов. Он также пишет о городских увеселениях («И блеск, и шум, и говор балов, / А в час пирушки холостой / Шипенье пенистых бокалов / И пунша пламень голубой» (С. 382)), затем описывает военную столицу (ломоносовским «звучным обучением полков» соответствует у Пушкина «пехотных ратей и коней однообразная красивость», «пальба» у Ломоносова соотносится с «дымом и громом твердыни» у Пушкина), у Пушкина также повторяется мотив весеннего «отверстия рек»: «Или, взломав свой синий лед, / Нева к морям его несет» (Там же).

Итак, сопоставительный анализ показывает, что ломоносовский и пушкинский тексты не просто содержат повторяющиеся образы и топоры, но что и их последовательность в обоих текстах является в значительной степени идентичной. Используя терминологию классической риторики, можно сказать, что два описания Петербурга обладают сходством не только на уровне *inventio* (изобретения), но и на уровне *dispositio* (расположения).

Конечно, ни в коем случае нельзя говорить о полном соответствии ломоносовского текста и пушкинского; прежде всего потому, что последний наделен немислимой в литературе XVIII века смысловой глубиной и неисчерпаемостью. Р. Николози справедливо называет петербургскую литературу XIX века постпанегирической и говорит о том, что «в таких текстах, как “Прогулка в Академию художеств” К.Н. Батюшкова (1814), “Петербург” П.А. Вяземского (1818), “Петроград” С.П. Шевырева (1829) и особенно “Медный всадник” Пушкина (1833), топические элементы “истощенного” панегирика деконтекстуализировались и встраивались в новый философский, исторический (историософский) и литературный контекст» [3. С. 186]. На мотивном уровне тексты существенно отличаются: у Ломоносова есть множество мотивов, которых нет у Пушкина, и наоборот. Однако в целом представленный материал демонстрирует значительное сходство композиционной структуры двух описаний Петербурга. Повторяющиеся элементы ощущаются как некий риторический каркас, который скрепляет описание города и у Ломоносова, и у Пушкина.

Как можно это интерпретировать? Прежде всего, можно было бы предположить, что ломоносовское слово — это один из источников «Медного всадника». Однако непосредственным источником ломоносовская речь для Пушкина быть не могла. «Слово благодарственное на освящении Академии художеств» впервые было опубликовано А.С. Будиловичем в книге «Ломоносов как писатель» (СПб., 1871). Но исследователи «Медного всадника», выявляя те или иные переклички между пушкинской поэмой и другими произведениями, зачастую предпочитают не говорить о заимствованиях, а использовать термин «диалогизм». Так, например, Н.А. Рябина отмечает: «Представление о “влиянии” и, более конкретно, “заимствовании” в основании своем

связано с актом некоего перенесения в ткань произведения готовых художественных формул, “чужих” слов, мотивов, образов, имен и т. д. Это представление, предполагающее неподвижность, несопротивляемость “чужого” “материала” в процессе его художественного освоения, существенным образом меняется, когда мы обращаемся к пушкинской эпохе» [5]. Если посмотреть на рассмотренный нами материал с этой точки зрения, то можно сказать, что обнаружение при сопоставлении мотивной структуры и – что кажется более важным – композиции двух описаний Петербурга у Ломоносова и у Пушкина некоего единого риторического каркаса позволяет на новом материале (не торжественной оды, а ораторской прозы) еще раз увидеть, как Пушкин вступает в диалог с панегирической литературой XVIII века. Восходящий к античности риторический канон *descriptio urbis* [3. С. 131–132], в рамках которого в петербургской литературе середины XVIII века формируется собственно петербургская топика [Там же. С. 155], без значительных изменений сохраняется в пушкинской поэме, представляющей собой ядро петербургского текста.

Литература

1. *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч. В 10 т. М. – СПб., 2011–2012. Т. 8: Поэзия, ораторская проза, надписи, 1732–1764 гг. М. – СПб., 2011. Далее указ. только стр.
2. *Пумпянский Л.В.* «Медный всадник» и поэтическая традиция XVIII века // Пумпянский Л.В. Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы. М., 2000. С. 158–196.
3. *Николози Р.* Петербургский панегирик XVIII века: Миф – идеология – риторика. М., 2009.
4. *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. В 10 т. Изд. 3-е М., 1962–1965. М., 1963. Т. 4. Далее указ. только стр.
5. *Рябина Н.А.* К проблеме литературных источников поэмы А.С. Пушкина «Медный всадник» // Болдинские чтения. Горький, 1977. С. 80–83.

*Санкт-Петербургский государственный университет /
Институт лингвистических исследований РАН*

Роль музыки в повести И.С. Тургенева «Клара Милич»

© О. С. БЫКОВА

Музыкальные и звуковые образы в художественном произведении чаще всего выполняют вспомогательную роль, добавляя к характеристике персонажа или идее текста новые смыслы. В повести И.С. Тургенева «Клара Милич» музыка не просто дает дополнительную характеристику героине, а является одним из главных средств создания ее образа. В данной статье анализируются ключевые для создания образа главной героини музыкальные эпизоды, определяется их влияние на истолкование конфликта. Также внимание уделяется функции звуковых образов в создании символического подтекста повести.

Ключевые слова: И.С. Тургенев, «Клара Милич», «таинственные повести», звуковые и музыкальные образы в художественном произведении, музыка и литература, синтез искусств.

DOI: 10.31857/S013161170001612-2

Music and acoustic images tend to fulfill a supporting role in fiction, adding new meanings to the character profile or to the text idea. In I.S. Turgenev's «Clara Milich» novel music does not only provide an additional characterization of the heroine, but is one of the main means of creating its image. This article analysis musical episodes that have key importance in the creation of images of main characters, determines their influence on the interpretation of the conflict. Attention is also paid to the function of acoustic images to create a symbolic subtext of the story.

Keywords: I.S. Turgenev, «Clara Milich» novel, «mysterious story», music and acoustic images in the artwork, music and literature, synthesis of arts.

Повесть «Клара Милич (После смерти)» относится к числу тех произведений И.С. Тургенева, центральной темой которых является

«таинственное». Мистика, влияние на жизнь человека неизвестных законов природы, вопросы соотношения жизни и смерти, любви и смерти – вот те доминанты, вокруг которых выстраивается сюжет произведения.

Однако есть существенная черта, отличающая данную повесть от других «таинственных повестей». В «Кларе Милич», наряду с «таинственной» составляющей, всегда присутствует «второе» толкование [1], то есть объяснение сверхъестественных событий не с точки зрения потустороннего влияния, а с точки зрения естественных законов природы, а также с позиции восприятия мира главным героем. Данную мысль подтверждает и высказывание А.Б. Муратова: «Здесь, как уже сказано, нет неведомых сил природы, противостоящих человеку. Необычна сама неустойчивая, а затем больная психика героя» [2]. Тем не менее полностью исключить версию о влиянии потустороннего мира на судьбы героев писатель не стремится и оставляет право читателю увидеть причину случившегося с Аратовым не в нем самом, а в «таинственной» стороне жизни.

Музыка же в этом случае будет способствовать раскрытию мистического, «таинственного» содержания повести, но не отрицать его. Кроме того, велика будет ее роль и в раскрытии внутреннего мира главных героев, их психологии.

В тексте повести упоминаются два известных русских романа: «Только узнал я тебя...» М.И. Глинки и «Нет, только тот, кто знал свиданья жажду...» П.И. Чайковского.

Оба романа, включенные Тургеневым в повесть, прозвучали в исполнении Клары на литературно-музыкальном утре. Описывая его атмосферу, Тургенев намеренно сгущает отрицательные образы исполнителей, подчеркивая их заурядность и даже комичность: «Первым на эстраде явился флейтист чахоточного вида и престарательно проплевал... то бишь! просвистал пьеску тоже чахоточного свойства <...>. Потом какой-то толстый господин в очках, очень на вид солидный и даже угрюмый, прочел басом щедринский очерк; хлопали очерку, не ему; потом явился фортепианист, уже знакомый Аратову, и пробарабанил ту же листовскую фантазию; фортепианист удостоился вызова. Он кланялся, опершись рукою на спинку стула, и после каждого поклона взмахивал волосами, совсем как Лист!» [3. С. 75]. Превосходное по своей сатиричности описание скучного концерта и его участников потребовалось, чтобы на его фоне подчеркнуть музыкальный талант девушки, ее исключительность.

Первым Клара пела романс Глинки «Только узнал я тебя...». Текст романа символичен для повести, так как предсказывает события и те душевные изменения, которые произойдут с Аратовым впоследствии. Приведем слова романса А.А. Дельвига:

Только узнал я тебя —
И трепетом сладким впервые
Сердце забилось во мне.
Сжала ты руку мою —
И жизнь, и все радости жизни
В жертву тебе я принес.
Ты мне сказала «люблю» —
И чистая радость слетела
В мрачную душу мою.
Молча гляжу на тебя, —
Нет слова все муки, все счастье
Выразить страсти моей.
Каждую светлую мысль,
Высокое каждое чувство
Ты зарождаешь в душе [4. С. 162].

Присутствовавший на литературно-музыкальном утре Аратов вспомнил, что видел Клару еще при первом посещении салона грузинской княгини. Именно пристальный взгляд темных глаз девушки запомнился ему. С первой же встречи ее образ, пусть и подсознательно, становится частью жизни Аратова. Ее тайная власть заставляет Якова переживать злобу, страх, вину, а затем и первую любовь, ставшую для него единственной. Оказавшись под властью Клары, он действительно принес ей в жертву «и жизнь, и все радости жизни». Жертвенность любви, объединяющая повесть с другими произведениями Тургенева, возникает в романсе Глинки как вектор развития сюжета.

Тема власти одного человека над другим в любовных отношениях отчетливо выражена в этой повести. Несмотря на то что «Клара Милич» лишена явно мистических сцен, «таинственный» подтекст в раскрытии этой темы в ней присутствует. Так, например, Аратову не особенно понравилось пение Клары, а также чтение письма Татьяны, однако «оно его беспокоило, это чтение; оно казалось ему резким, негармоническим... Оно как будто нарушало что-то в нем, являлось каким-то насилием» [С. 78]. Действительно, чтение Klarой письма Татьяны отличается отрывистостью, резкой сменой и настроения, и интонации: «Первый стих: “Я к вам пишу... чего же боле?” — она произнесла чрезвычайно просто, почти наивно <...>; но уже начиная со стихов: “Другой!.. Нет, никому на свете не отдала бы сердца я!” — она овладела собою, оживилась — и когда она дошла до слов: “Вся жизнь моя была залогом свиданья верного с тобой”, — ее до тех пор довольно глухой голос зазвенел восторженно и смело — а глаза ее так же смело и прямо вперились в Аратова. <...> Последнее четверостишие она совсем, как говорится, скомкала <...>» [С. 77–78]. Но декламация Клары говорит не только о «негармоничности» ее природы, здесь важно и то, какие смысловые акценты она расставляет при чтении. Заметим, что Клара особо выделяет — и голосом, и взглядом — следующие строки:

Другой!.. Нет, никому на свете
Не отдала бы сердца я!
То в вышнем суждено совете...
То воля неба: я твоя;
Вся жизнь моя была залогом
Свиданья верного с тобой;
Я знаю, ты мне послан богом,
До гроба ты хранитель мой... [5]

Совершенно ясно, что эти строки героиня адресует Аратову, с помощью них пытаясь донести до молодого человека свои чувства и воздействовать на него. Но они в то же время проясняют сущность чувства героини и читателю — любовь Клары к Аратову предопределена свыше, сама она не властна над ней. Строчка же «До гроба ты хранитель мой» и вовсе предсказывает дальнейшее развитие событий повести — мысли о Clare и ее образ будут преследовать Аратова не только до самой смерти героини, но и после нее.

Так постепенно демоническая, «темная» сторона природы Клары, завладевая сознанием Аратова помимо его воли через пение и декламацию. Не меньшее впечатление на него производят и внешний облик девушки, и ее манера держаться на сцене — в них он тоже улавливает некоторую дисгармонию. Так, после замечания Купфера о Clare: «Зато какая душа!», Аратов подумал: «Душа! С таким неподвижным лицом!» [С. 77]. Позднее, вспоминая подробности литературно-музыкального утра, он еще раз отметит странную неподвижность лица девушки, но на этот раз не оставит без внимания и его выразительность: «Не красавица... а какое выразительное лицо! Неподвижное... а выразительное! Я такого лица еще не встречал» [С. 91]. Впечатление от первой встречи с Klarой еще более проясняется в первом сне Аратова, который представляет собой частично переработанный и дополненный текст стихотворения в прозе «Встреча. Сон» (1878). В нем Клара, ее лицо и облик тоже неподвижны: «Лицо ее было белое, белое как снег; руки висели неподвижно. Она походила на статую» [С. 93].

«Негармоничность» свойственна и всей натуре Клары: «Она была вся — огонь, вся — страсть и вся — противоречие: мстительна и добра, великодушна и злопамятна <...>» [С. 98]. Да и внешность героини тоже негармонична: «лицо смуглое, не то европейского, не то цыганского типа», «тонкие губы с красивым, но резким выгибом», «низкий неподвижный, точно каменный, лоб, крошечные уши» [С. 75]. Но именно эта противоречивость, «негармоничность» связывает ее с хаосом, дает ей возможность подчинить себе Аратова. У него же, в свою очередь, тоже есть предрасположенность к некоторому рода дисгармонии. В начале повести упоминается, что у него «в кабинете <...> находилось пианино, на котором он изредка брал аккорды с уменьшенной септимой» [С. 71], а уменьшенная

септима – созвучие, построенное на диссонансе. Значит, Аратова тоже привлекала дисгармоничность, вероятно, поэтому он и почувствовал ее в Кларе.

Несмотря на то что Клара овладевает чувствами и мыслями Аратова, его нельзя считать только жертвой. Клара Милич отчасти тоже не властна над своей судьбой, она как будто бы не владеет собой, когда исполняет романсы: «Он [Аратов] находил, что она и держится, и движется, как намагнетизированная, как сомнамбула» [С. 77]. Клара сама находится словно под властью или гипноза, или собственного пения, или же уже зародившейся в ее душе любви к Аратову. И выбирает она Аратова не сама, а как будто бы некая сила через нее делает это. Выбор этот бессознателен и в некотором роде необъясним, что подтверждается последующим недоумением Аратова: «Но с какой стати она именно *меня* выбрала?» [С. 91]. Потому и Аратов, и Клара – в равной степени жертвы судьбы и иррациональных сил природы и любви. Описанная в первом сне Аратова встреча с Кларой лишь подтверждает эту мысль, так как в определенный момент оба героя в этом сне уподобляются мертвецам, а значит, становятся равноправны перед лицом любви и смерти.

Вторым произведением, прозвучавшим на «утре», стал романс Чайковского «Нет, только тот, кто знал...» Слова романса – довольно точный перевод Л.А. Мея песни арфиста из романа И.В. Гёте «Ученические годы Вильгельма Мейстера» (кн. 4, гл. 11). Романс Чайковского, как и романс Глинки, становится «пророческим». Подобно лирическому герою произведения Чайковского, Аратов последние свои часы проводит в ожидании встречи с Кларой («Ах, только тот, кто знал свиданья жажду, / Поймет, как я страдал и как я стражду»). Аратова ожидают страдания из-за человека, который его «любил и знал», но теперь он «далеко». Чтобы намеченная параллель была понятнее, приведем полный текст романса:

Нет, только тот, кто знал
Свиданья жажду,
Поймет, как я страдал
И как я стражду.
Гляжу я вдаль... нет сил —
Тускнеет око...
Ах, кто меня любил
И знал, — далёко!
Вся грудь горит... Кто знал
Свиданья жажду,
Поймет, как я страдал
И как я стражду [4. С. 414].

Интересно заметить, что отношение Чайковского к любви имеет много общего с тургеневской концепцией. «Петр Ильич Чайковский очень любил трагедию Шекспира “Ромео и Джульетта” и называл ее “архигениальной”. Она совпадала с тем представлением об идеальной любви, которое

проступает во многих сочинениях композитора, начиная от опер, симфоний, квартетов и заканчивая лирическими романсами. В большинстве произведений прекрасная романтическая любовь соприкасается с трагедией и развивается идея рока, невозможности достижения полного, вечного счастья. Любовь и рок – эта тема раскрывается П.И. Чайковским с огромной, страстной силой великого романтика» [6].

Важно и то, какие стихотворения избирал Чайковский для создания своих вокальных произведений. Основная часть его романсов написана на тексты поэтов XIX века: А. Толстого, Майкова, Тютчева, Фета, Полонского, Плещеева, Мея, Некрасова, Хомякова. Однако поэзия Пушкина, служившая неистощимым источником вдохновения для большей части русских музыкантов – современников Чайковского, в творчестве самого композитора представлена лишь одним романсом «Соловей», и то не на оригинальный, а на переводной текст.

Объяснить этот парадокс может замечание Б.М. Эйхенбаума по поводу «глухоты» Л.Н. Толстого к пушкинской лирике: «Толстому уже нужны были нажимы, выкрики, а стихи Пушкина строились на обратном принципе, на равновесии, на гармонии элементов, на полном и равном звучании их». Чайковский мог восторгаться удивительной стройностью и гармоничностью стихов любимого им поэта, но в себе, вероятно, не находил им отклика [7]. Романс Чайковского как нельзя лучше выражает страстность натуры Клары. Очень важно, как он исполняется: «Этот романс она спела иначе, чем первый – вполголоса, словно усталая... и только на предпоследнем стихе: “Поймет, как я страдал” – у нее вырвался звенящий, горячий крик. Последний стих: “И как я страдаю”... она почти прошептала, горестно растянув последнее слово» [С. 76]. Этот страшный «шепот» приоткрывает сущность демонической природы музыкальной ауры облика Клары. Крик и шепот, быстро сменявшие друг друга в пении, должны вызвать у слушателей ощущение дисгармонии.

Таким образом, романсы Глинки и Чайковского выполняют в сюжете повести прогностическую функцию, предсказывая развитие событий, а также играют немаловажную роль в раскрытии образа Клары и темы трагической связи любви и смерти. Тексты романсов заставляют исследовать мистическую власть Клары над душой Аратова. Следствием станет раскрытие роли музыки в интерпретации таинственного содержания повести.

Романсы Глинки и Чайковского интересны и с точки зрения их исполнения, и с точки зрения их смысла – текст, пожалуй, имеет здесь решающее значение. Музыкальные цитаты в этом отношении приравниваются к литературным цитатам – вспомним, к примеру, аналогии с Klarой Мобрай из романа Вальтера Скотта «Сен-Ронанские воды» или же с Грушей (Груней) из пьесы А.Н. Островского «Не так живи, как хочется», которые также либо предсказывают дальнейшую судьбу Клары Милич, либо позволяют глубже

понять сущность ее характера. Таким образом, подчиняясь общей цели, музыка и литература здесь выступают в синтетическом единстве.

Кроме конкретных музыкальных произведений, на страницах повести возникают и другие звуки — это звуки, предвещающие явление героини Аратову после ее смерти. Как и в других «таинственных повестях», в «Кларе Милич» звуковая составляющая повести связана со скрытой от глаз таинственной силой. Появление духа Клары соответствует мифологическим представлениям об акустическом поведении нечистой силы. Связь с потусторонним миром происходит, как правило, ночью, когда для восприятия окружающего мира обретает важность слух, а не зрение. Заволаживающие музыкальные звуки, стоны и нечленораздельная, загадочная речь становятся признаками появления темной силы. Первое появление духа Клары, произошедшее сразу после возвращения Аратова из Казани, куда он ездил, чтобы навестить мать и сестру покончившей с собой девушки, описывается именно так: «И вот ему почудилось: кто-то шепчет ему на ухо... “Стук сердца, шелест крови...”», — подумал он. Но шепот перешел в связную речь. Кто-то говорил по-русски, торопливо, жалобно — и невнятно. Ни одного отдельного слова нельзя было уловить... Но это был голос Клары! <...> Чьи-то пальцы пробежали легкими арпеджиями по клавишам пианино... Потом голос опять заговорил. Послышались более протяжные звуки... как бы стоны... всё одни и те же. А там начали выделяться слова... <...> и вдруг ему почудилось, что какой-то мягкий, бесшумный вихрь пронесся через всю комнату, через него, сквозь него — и слово “Я!” явственно раздалось в его ушах...» [С. 106–107]. Заметим, что последнее описание, связанное с «бесшумным вихрем», можно соотнести с более ранним, похожим на него «предвестником» появления Клары. В этой связи показательной будет встреча Аратова и Клары на Тверском бульваре, когда Аратову «почудилось, что кто-то подошел и близко стал сзади его... чем-то теплым повеяло оттуда... Он оглянулся... Она!» [С. 82]. В эпизоде встречи на бульваре описаны осязательные ощущения героя, в то время как в сцене появления духа Клары к ним прибавляются еще ощущения и слуховые, за счет чего образ становится синэстетичным.

Были ли это звуки потустороннего мира или же только слуховые галлюцинации Аратова, понять невозможно. И если зрительным образом, представляющимся Якову, дается «второе» толкование (например, венки из красных роз на голове Клары оказываются красным бантом на ночном чепце Платоши), то со слуховыми образами такой аналогии не проводится. Поэтому именно звуковые образы — шум, голоса, стоны, другие звуки неизвестного происхождения — будут играть главную роль в создании мистической атмосферы финальных сцен повести.

Финал повести неоднозначен — смерть забирает Аратова, однако он радуется ее приходу, так как теперь он может воссоединиться со своей

возлюбленной, потому как любовь, по его убеждению, сильнее смерти: «Да разве ты не знаешь, что любовь сильнее смерти?.. Смерть! Смерть, где жало твое?» [С. 117]. Однако последние слова Аратов произносит с «блаженной улыбкой» на устах, «от которой так жутко становилось бедной старухе» [Там же]. Блаженная улыбка Аратова не воспринимается его теткой, женщиной очень набожной, как естественная, она не обещает упокоения его душе, в то время как слова Аратова говорят о противоположном.

В связи с этим открытым остается вопрос о том, какая любовь имеется здесь в виду — темная, демоническая страсть, овладевающая человеком помимо его воли и влекущая его к гибели, или же просветленная, христианская любовь, дарующая бессмертие. Двуликость силы любви вызывает неоднозначную интерпретацию финала повести, а значит, и противоречивое решение проблемы счастья героя. Если любовь Аратова евангельская, светлая, то и счастье его становится возможным. Но демоническая сторона образа Клары и ее власти превращает мечту о счастье в иллюзию. Увлеченный этим миражом, герой движется к саморазрушению и величайшему греху — самоубийству.

Та же самая двузначность наблюдается и в плане определения роли музыки. С одной стороны, демонический потусторонний мир, имеющий музыкальное выражение, подчиняет мир реальный и оказывает на него разрушительное действие. В этом случае искусство показывает свой темный и трагический лик, сопровождая драматическую развязку всего произведения. С другой стороны, постоянная в творчестве Тургенева тема любви и смерти обретает новый облик. Подчеркивается истинно евангельский характер любви, способной преодолеть даже смерть. Тогда звуковое сопровождение появления призрака Клары имеет тесную связь с произведениями романтиков, уже писавших о любви, которая может быть сильнее смерти.

Таким образом, в повести «Клара Милич» доминирующей является мистико-символическая функция музыки. И конкретные музыкальные произведения, и слуховые образы направлены на раскрытие «таинственного» содержания повести, а также на раскрытие смысла любовного конфликта произведения. Существенная роль отводится также и характеристике героини с помощью музыки: именно исполнение Klarой романсов намекает на «негармоничность» ее натуры. В своей последней «таинственной повести» Тургенев не отошел от традиции, начатой еще в «Записках охотника», избрав цельный, страстный характер в сопряжении с музыкальным талантом. Однако некоторая эволюция в использовании музыки все-таки произошла: теперь музыка властвует не только над слушателем, но и над исполнителем, самой Klarой. Такое уточнение влечет за собой и изменение в трактовке темы иррациональной силы любви — жертвами ее оказываются оба героя в равной степени.

Литература

1. *Пумпянский Л.В.* Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы / Отв. ред. А.П. Чудаков; Сост.: Е.М. Иссерлин, Н.И. Николаев; Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Н.И. Николаева. М., 2000. С. 456.
2. *Муратов А.Б.* Тургенев-новеллист (1870–1880-е годы). Л., 1985. С. 99–101.
3. *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем. В 30 т. М., 1980. Т. 10. Далее указ. только стр.
4. Русский романс / Предисл. И.С. Козловский; Сост., вступ. ст., коммент. В. Рабинович. М., 1987.
5. *Пушкин А.С.* Собр. соч. В 10 т. М., 1959–1962. Т. 4. С. 69.
6. *Никитина Л.Д.* История русской музыки: Популярные лекции: Для студ. высш. и сред. пед. учеб. заведений. М., 2000. С. 113.
7. *Келдыш Ю.В.* История русской музыки. В 10 т. М., 1983–2011. Т. 8. Ч. 2. С. 224–225.

Московский педагогический государственный университет

Об одном стихотворении Георгия Оболдуева

© И.А. КАРГАШИН,
доктор филологических наук

Статья посвящена стихотворению «Мы победили» замечательного русского поэта XX века Георгия Николаевича Оболдуева, творчество которого только теперь становится известным современному читателю. Стихотворение анализируется в контексте военной лирики советской эпохи, а с другой стороны, представлено как яркий пример поэтики и идиостиля Г.Н. Оболдуева в целом.

Ключевые слова: Георгий Оболдуев, лирика войны, мотив возвращения, ролевая поэзия.

DOI: 10.31857/S013161170001614-4

The article dwells on the poem «We Have Defeated» by a remarkable Russian poet of the XX century George Nikolayevich Obolduyev, whose work is only now becoming known. The poem is analyzed in the context of the Soviet war poetry and is also presented as a vivid example of Obolduyev's poetics and writing style.

Keywords: Georgy Obolduyev, war poetry, motif of return, personapoem.

Вот они мы, вернулись, чать,
А не сыграли в ящик!
Теперь, уж, чур, не жульничать:
Слав ставьте настоящих.
Настроены умы
На радости и почести,
Мы победили, мы...
Подайте, сколько можете! [1. С. 125]

так начинается стихотворение «Мы победили» Георгия Николаевича Оболдуева (1898–1954), поэта редкого дарования, но, к сожалению, не известного широкому читателю до сих пор. Стихотворение написано в 1947 году, в пору так называемой «голицынской осени» поэта, по словам критиков, а в России напечатано только в 1991, в первом сборнике, изданном на родине [2].

Мотив «непарадного возвращения» был достаточно распространен в послевоенной (да и собственно военной) поэзии. См., например, стихотворения «Баллада о расстрелянном сердце» (1944) и «Я с войны

не привез ни шиша...» Н. Панченко, позже стихи «Прощай, оружие!» А. Межирова, «Когда мы вернулись с войны...» Б. Слуцкого, «Он пришел с войны...» А. Морева. Нет нужды доказывать, что подобные стихотворения были «не ко двору» официальной советской поэзии. Достаточно вспомнить «Враги сожгли родную хату...» М. Исаковского и непростой путь песни на эти стихи к слушателю [3]. Особого внимания в этом ряду заслуживает стихотворение Анны Барковой «Чем торгуешь ты, дура набитая...» (1953) — здесь обнаруживается не только мотивное сходство, но буквальное совпадение и самой ситуации возвращения, и текстовые переключки. Сравним отрывок:

Закоптелые и шершавые,
Шли мы Прагой, Берлином, Варшавою.
Проходили мы, победители.
Перед нами дрожали жители.

Воротились домой безглазые,
Воротились домой безрукие,
И с чужой, незнакомой заразой,
И с чужой, непонятною мукою.

И в пыли на базаре сели
И победные песни запели:
— Подавайте нам, инвалидам!
Мы сидим с искалеченным видом,
Пожалейте нас, победителей,
Поминаючи ваших родителей [4].

Заметим, кстати, что сходна и судьба этих разных поэтов, творчество которых известным становится только теперь. Однако, если говорить о стихотворении «Мы победили», оно резко отличается от стихотворения Барковой, отражая в целом особенности и мировосприятия, и идиостиля Оболдуева.

Прежде всего отметим, что стихотворение Оболдуева вовсе не так однозначно, как может показаться на первый взгляд. По крайней мере, по отношению к нему неверно было бы говорить об односторонне-сатирическом пафосе, свойственном тексту Барковой. Точнее сказать о том, что этот «ролевой» текст характеризуется сопряжением («устойчивым неравновесием», по формуле поэта) серьезного и патетического с разухабистой «скоморошьей» скороговоркой. Например, обратим внимание на авторский «высокий слог» в строфе:

Без слез, без крестных знамений,
Храня любовь к отчизне,
За честь родного знамени
Шли, не жалея жизни. [С. 125]

Смотрите также: «Не ждали мы заранее / Ни славы, ни медали, / Когда за другом раненым / Под вихорь выползали...»

Совершенно иная интонация, как мы убедились, в самом начале: «Вот они мы, вернулись, чать...» Еще более ощутимо «низовое» – «геройное» сознание в следующей строфе:

Готовы наши ноженки
Задать, скакнув в постельку
Ленивицы иль неженки,
Медовую недельку.
Покрепче сулемы
Любовь дерет по коже:
Мы здесь, тут мы,
Подайте, сколько можете! [С. 127]

Особенно ярко явлены эти «скачки» разнонаправленных интенций в тех случаях, когда они сталкиваются внутри одной строфы. Сравните подчеркнутое аллюзиями литературно-книжное словоупотребление и, с другой стороны – просторечно-низовое:

С позиции эзоповой
Явьясь за Пенелопой,
Покрепче рот захлопывай:
Что выдадут, то лопай. [С. 127]

Очень важно, что в итоге (хотя это не так очевидно) завершает текст именно жизнеутверждающий пафос, пусть и с резко ощутимой оговоркой. Последняя восьмистрочная строфа завершается многоточием, затем отдельной строфой оформлен стих рефрена. При этом заключительный голос победителей не просто лишен какого-либо сарказма, но и звучит без всякой «скользящей интонации» (по формуле И. Роднянской о «Столбцах» Заболоцкого):

И всё же – обезножившись,
Слепы, немые, хромы –
Мы счастливы в убожестве,
Мы победили, мы...
Подайте, сколько можете! [С. 128]

Итак, первая важная особенность стихотворения «Мы победили» – пусть и не явное, но *органичное для Оболдуева жизнеутверждающее начало*. Показательно, что немногие писавшие о нем единодушно в одном – творчество поэта отличается нераздельность, почти оксюморонное сочетание крайнего пессимизма и жизнепрития (напомним, что заметка Е. Евтушенко об Оболдуеве в антологии «Десять веков русской поэзии» называлась «Веселый пессимист»). Уместно здесь вспомнить некоторые из его программных стихотворений, сравните хотя бы начало стихотворения «Не

зря»: «Ништо, мой друг, ништо: мы выпрем, / Протянем очередь звена. / Не зря мы закалѣны вихрем, / Которому не грош цена». Или вспомним заключительные строчки из «MEMENTO MORI» – самого, казалось бы, безрадостного стихотворения Оболдуева (написано в том же 1947 году):

Слабостям, чорт подери,
Место не в очерке!
Жалостный тон убери,
Брось разговорчики!

Чтоб у злодеев (тьфу, тьфу!)
Слезы не падали
В каждую эту строфу
Из-за падали [С. 132].

В этом смысле, по-видимому, слишком категоричен М. Гаспаров, заметивший: «Очень бы хотелось “реанимировать” одного поэта исключительной силы, мрачности и оригинальности: это Георгий Оболдуев...» [5] – впрочем, не забудем, что в 1990 году, когда это было сказано, в нашей стране не было опубликовано ни одного сборника поэта.

Вторая особенность, на наш взгляд, также касается сущности его поэзии в целом. А именно: *стихотворение «Мы победили» оказывается не только социальным, но и философским по своей направленности*. Показательно, что в статье «На натянутом канате (о поэзии Георгия Оболдуева)» И. Роднянская подчеркивала, что «“гражданский” нерв оболдуевской лирики вживлен в философскую медитацию» [6]. В частности, как показал анализ, подобная «обоюдострость» (оболдуевское слово) свойственна всем его стихотворениям о войне. Здесь необходимо небольшое отступление.

Оболдуев участвовал и в Гражданской войне (на стороне красных), и в Великой Отечественной: «с мая 1943 года по август 1944 года он служил разведчиком в составе разведывательного противотанкового дивизиона, а демобилизовался, как и многие, после окончания войны» [7]. Несмотря на то, что поэт был участником двух войн, военная тематика представлена в его поэзии всего несколькими текстами.

В 1947 году Оболдуев написал 5 «военных» стихотворений: «Солдат», «Похоронка», «Вандыш», «Медальон» и «Мы победили». Кроме того, мотив войны звучит еще в нескольких текстах, осваивающих в целом другую – не военную тематику: в стихотворениях «Ай, люли», «Вариации» и поэме «Я видел».

Однако только в тексте одного стихотворения («Похоронка») мы находим конкретное наименование врага и – соответственно – обозначение именно Великой Отечественной войны: «Поминай высоту двести тридцать один ноль один, / Где, сражаясь с фашистами, пал неизвестный близ рощи». Очевидно, что все названные тексты осмысливают опыт

Великой Отечественной войны, поскольку написаны поэтом-фронтовиком после ее окончания. В то же время показательно, что «военные» тексты Оболдуева не содержат примет конкретной войны. Авторская установка военных стихов может быть обозначена как отказ от упоминания примет конкретной войны. Читатель не найдет здесь ни названий городов (вообще географических названий), ни сколько-нибудь узнаваемых временных «привязок»: в военной лирике Оболдуева господствует «нулевой хронотоп». Для сравнения достаточно вспомнить хотя бы наиболее знаковые стихотворения о Великой Отечественной войне, отличающиеся именно хронотопической определенностью: «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...» К. Симонова, «Вспоминаются ныне иначе / И Думиничи, и Сухиничи / И лесная тропа на Людиново – / Обожженное, нелюдимое...» С. Гудзенко, «А на груди его сияла / Медаль за город Будапешт» М. Исаковского и т.п.

Ясно, что указанные особенности «военных» стихов Оболдуева не случайны. А именно: поэт пишет не военную летопись – он создает философскую лирику на материале прошедшей войны. Собственно, его тексты и есть осмысление феномена войны и человека воюющего. Как подлинно философская, его поэзия далека и от обличения ужасов войны, и от шаблонного воспевания ее героики. Авторскую позицию точнее определить как взгляд философа, волей судьбы ставшего солдатом большой войны («брат солдат» – так обычно и именует поэт персонажа своих стихотворений). Взгляд солдата-философа открывает, прежде всего, трагизм существования человека на войне – в первую очередь рядового войны.

Тем более показательно стихотворение Оболдуева «Мы победили», имеющее подзаголовок «*Песенка английского солдата*». В этом смысле, разумеется, подзаголовок является попыткой сбить с толку советскую цензуру. Впрочем, сама эта попытка скорее выглядит откровенно неуклюжей или же издевательски вызывающей – чего только стоит включение в монолог «английского солдата» намеренно «рязанской и урюпинской» лексики и орфоэпии: «И валом велят деушки / Хлеб-соль на полотенца, / Вынают из сумы / Того-сего во множестве; Мы здесь, тута мы» и т.п.

Однако, как представляется, *Песенка английского солдата* имеет и другую смысловую нагрузку: подзаголовок «уводит» читателя от обозначения именно *этой* войны, *этого* солдата, помещает его опять-таки в «общевоенный» контекст, как бы подчеркивая – «такова участь всех победителей».

В заключение несколько замечаний об особенностях поэтики. Стихотворение написано «коротким» размером 3Я (что отвечает жанровой установке стилизованной *песенки*) и включает 12 восьмистишных строф плюс одиночная заключительная строфа-строка – всего 97 строк. «Короткий размер» естественно провоцирует обилие пиррихий (встречаются и сверхсхемные ударения), короткая строка объясняет и многочисленные

инверсии. Примечательной является прихотливая «игра» чередованием клаузул. Автор использует разнообразные окончания стиха – мужские, женские и дактилические. При этом рефрен текста (который повторяется в конце каждой строфы) поддерживается своеобразным «рефреном» клаузул: дактилические клаузулы следуют в 1, 3, 6 и 8 стихах (в четырех из восьми): *Подайте, сколько можете...*

Литература

1. *Оболдуев Г.Н.* Стихотворения. Поэма. М., 2005. Далее указ. только стр.
2. *Оболдуев Г.Н.* Устойчивое неравновесие. М., 1991.
3. *Бердинских В.А.* История советской поэзии. М., 2014. С. 242.
4. *Баркова А.А.* ...Вечно не та... М., 2002. С. 95.
5. «Я не имел намерения переводить Ариосто... Я хотел его просто прочитать». Интервью с Михаилом Леоновичем Гаспаровым // *Alma mater: Студенческая газета.* Тарту, 1990. № 2. Режим ввода: ruthenia.ru/document/536014.html
6. *Роднянская И.* На натянутом канате (о поэзии Георгия Оболдуева) // *Журнальный зал: Арион,* 2006. № 4. Режим ввода: magazines.russ.ru/Арион/2006/4/ro24.html
7. *Яновский Н.* Забытый поэт. Памяти Г.Н. Оболдуева // *Георгий Оболдуев. Стихотворения 20-х годов.* М., 2009. С. 213.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Эпистолярный стиль молодого Л.Н. Толстого

© А. А. ЩЕРБИНИНА

На основе анализа переписки Л.Н. Толстого с Т.А. Ёргольской и С.Н. Толстым в статье исследуются изменения, происходившие в эпистолярной манере молодого писателя, которые привели к формированию авторского стиля.

Ключевые слова: переписка Л.Н. Толстого, Т.А. Ёргольская, С.Н. Толстой, эпистолярный стиль, сентиментальный роман, Ж.-Ж. Руссо, мадам де Севинье.

DOI: 10.31857/S013161170001615-5

Based on the analysis of correspondence L.N. Tolstoy with T.A. Ergolskaya and S.N. Tolstoy the article examines the changes that happened in the epistolary of the young writer, which led to the formation of the author's style.

Keywords: correspondence of L.N. Tolstoy, T.A. Ergolskaya, S.N. Tolstoy, epistolary style, sentimental novel, J.-J. Rousseau, madame de Sevigne.

Воспитанием Л.Н. Толстого после смерти его родителей занималась троюродная тетка — Т.А. Ёргольская. Будучи дальней родственницей, она тем не менее играла важную роль в его жизни и стала прототипом Сони в «Войне и мире». В «Воспоминаниях» Толстой писал: «Третье и самое важное лицо в смысле влияния на мою жизнь была тетенька, как мы называли ее, Татьяна Александровна Ергольская» [1]. Первое сохранившееся письмо Толстого к ней датируется 25...28 августа 1845 года. Всего известно сто его писем за 1845 — 1866 годы и сорок два письма Ёргольской за 1851 — 1865 годы. Их переписка занимает особое место в эпистолярном наследии писателя, поскольку отличается специфическим стилем, а также охватывает его молодые годы, становление индивидуальной манеры письма.

Прежние исследователи М. Чистякова, С. Розанова и Р. Лазарчук отмечали связь стиля писем Толстого с традицией французского сентиментального романа XVIII века. М. Чистякова в статье «Лев Толстой и Франция» [2] выявила взаимное влияние французской культуры и Толстого. С. Розанова в работе «Эпистолярное наследие Льва Толстого» представила краткий обзор всей переписки Толстого, а его письма к Ёргольской, назвав «фактом литературы», причислила к «автобиографической прозе» и «архаическому сентиментальному роману» [3]. Р. Лазарчук развила их идеи в статье «Переписка Л.Н. Толстого с Т.А. Ёргольской и А.А. Толстой и эпистолярная культура конца XVIII века — первой трети XIX века». Исследовательница заметила,

что эпистолярный диалог с Ёргольской выделяется из общего тона переписки Толстого — он несет в себе черты романа в письмах. Р. Лазарчук пишет, что «“присутствие” романа, “ощущение” его структуры проявится во всем: в характере сюжета и тематики, расстановке действующих лиц, типах героев и стилистике» [4]. При этом стиль переписки зависит от момента написания письма, начиная беседу на языке адресата, Толстой в конце вернулся к «прежнему» языку, разрушив единство слога, характерного для эпистолярного романа XVIII века.

Наблюдения над перепиской Толстого с Ёргольской показали, что, являясь в молодые годы поклонником Ж.-Ж. Руссо, Толстой перенял характерные для жанра сентиментального романа чувствительность и откровенность, которые способствовали раскрытию его душевных переживаний. Склонность к самоанализу и совершенствованию собственной личности помимо дневниковых записей отразилась в переписке с близкими людьми, в первую очередь с Ёргольской.

Первым заимствования Толстого в письмах к Ёргольской отметил С.Н. Толстой, который являлся очевидцем становления эпистолярного стиля брата. В ироничном письме от 14 июля 1852 года он называл его послания к тетушке «цедулками», не разделяя его чрезмерного подражания, буквально выписывания «тирад из M-me de Genlis и ей подобных» [5. С. 187], а также имитации стиля Ж.-Ж. Руссо: «Ты просишь меня прислать тебе 1-й том Новой Елоизы; зачем она тебе? Из писем твоих к теньке видно, что ты ее помнишь наизусть» [Там же]. При этом С.Н. Толстой отмечает, что заимствования слишком явные, для этого он использует французский фразеологизм *coustus à fil blanc* (Шито белыми нитками. — А. Ш.), усиливая его употреблением в начале *sont jusqu'à un tel point* (До такой степени. — А. Ш.). Так он стремился подчеркнуть несоответствие стиля писем Толстого их назначению, считая дурным тоном «шестидесятилетней женщине писать письма вроде тех, которые писывали в осмнадцатом веке друг другу страстные любовники, ибо теперь этак и любимой особе не напишешь» [Там же]. Подражание Толстого было ориентировано на адресата, Ёргольскую, воспитанную в другое время и в другой эпистолярной традиции, изжившей себя к середине XIX века, о чем свидетельствует реакция старшего брата. Однако тетушка, вопреки ожиданиям С.Н. Толстого, принимала подражание за искренний тон, который вполне мог быть свойственен молодому человеку.

Параллельно с началом переписки с Ёргольской Толстой, по ее настоятельному совету, начинает заниматься литературной деятельностью. Его первые творческие опыты, такие как «История вчерашнего дня», «Детство», «Набег», «Святочная ночь», «Песня про сражение на реке Черной 4 августа 1855 г.», разнообразны по стилю, тематике, проблематике и жанру, что свидетельствует о его творческих поисках. Подобные искания характерны и для толстовского эпистолярного романа. Хотя в письмах к другим

адресатам Толстой также экспериментирует и, вероятно, не всегда удачно, например, С.Н. Толстой упрекает его в уже упомянутом письме: «Твои письма зимой ко мне, Митиньке, Дьякову, Перфильевым и еще кажется кому-то; все эти письма пришли с одной почтой <...> слог в них был почти во всех один и тот же, обороты фраз одинакие <...> увидав другие письма, подобные моему, заметил, что это было вовсе не письмо, а какой то (Написание С.Н. Т-го. — А. Ш.) циркуляр <...> твое письмо к Митеньке <...> было вовсе не в его духе» [Там же]. Общий тон письма и сатирически-преувеличенное подражание его стилю нашли отклик у Толстого — переписка между братьями прервалась, это констатировал С.Н. Толстой в письме, написанном в середине ноября 1852 года и возобновившем их общение. Ответил Толстой 5 декабря 1852 года письмом, отличным от предыдущего деловой направленностью и простотой стиля.

Критика С.Н. Толстого не прошла бесследно, письма к братьям по большей части лишены художественности. Однако эта перемена не повлияла на стиль писем Толстого к Ёргольской, характерным примером тому могут быть его послания С.Н. Толстому и Ёргольской в первой половине июня 1853 года и Ёргольской и Д.Н. Толстому, датированное 13 — 22 марта 1854 года. Оба письма делятся на две части в зависимости от адресатов: к братьям он обращается по-русски, кратко, без прикрас сообщает о новостях и делах; иначе Толстой пишет тетушке, во-первых, по-французски, во-вторых, возвышенным слогом и более чувствительно. Разительные отличия в стиле внутри одного и того же письма к двум адресатам демонстрирует поворот стиля Толстого к ориентированности на адресата.

Изменения в слогe писем к Ёргольской происходили значительно медленнее. Первое дошедшее до нас письмо Толстого относится к 1845 году — времени его поступления в университет. Оно переполнено оборотами, характерными для светского сентиментального эпистолярного XVIII — начала XIX века. Например, «я негодяй, не заслуживающий вашей любви» [С. 11]; «не наказывайте меня» [Там же]; «о себе я всё вам сообщаю, теперь очередь за вами» [С. 11—12]; «за горе, вызванное расставаньем с вами, я был вознагражден встречей» [С. 12] и др. Кроме того, это письмо включает в себя большую часть элементов, свойственных эпистолярным шаблонам этого периода: начало посвящено самой переписке, далее новости и планы, затем просьба, воспоминания о счастливом времени вместе, сведения об общих знакомых, поручение, приветы и прощание «Тысячу раз целую ручки... Прощайте» [Там же]. Также используются типичные обращения: «милая моя тетенька» [С. 11]; «милая тетенька» [С. 12] и «маленькая тетенька» [Там же]. Вместе с тем Толстой заимствовал из сентиментального эпистолярного самоуничижение автора и возвеличивание адресата, изнеженность и преувеличение чувств, стремление к уединению и благотворному саморазвитию. Таким образом, желание соответствовать письменным стандартам Ёргольской способствовало чрезмерному подражанию эпистолярному стилю прошедшей эпохи.

В последующей их переписке эпистолярные штампы стали употребляться менее интенсивно, хотя периодически возникали подобные письма, например, письмо конца декабря 1849 года, 24 декабря 1850 года, 8 марта 1851 года, 6 января 1852 года и другие. Все они соответствуют основным чертам сентиментального стиля — чувствительности и исповедальности. Оба адресата возвышенно и гиперболизированно признаются друг другу в любви, Толстой пишет 6 января 1852 года: «Ваша любовь для меня всё <...> если вы верите моей любви, это могло бы быть утешением в вашей печали; при сознании вашей любви я нигде не мог бы чувствовать себя одиноким» [С. 149]. В разлуке они неутешны: «Я презренный, я дурной, причиняя вам страдания; знаю, что причина вашего горя — я, и решаюсь вернуться к вам, как можно скорее и не расставаться» [С. 50–51] — объясняется Толстой 20–26 мая 1849 года. Ёргольская пишет ему 27 февраля 1851 года: «Мне было так грустно расстаться с тобой, так расстроена я была твоим неожиданным отъездом, что я вылила всё горе, наполнявшее мое сердце в эту минуту» [С. 87]. Иногда чувства становятся настолько сильными, что с ними невозможно справиться: «И я откровенно сознаюсь вам, что плакал от вашего письма» [С. 113] — пишет Толстой 24 июня 1851 года и подобное встретится еще не раз, о чем свидетельствуют письма 15 декабря 1851 года, 6 и 12 января 1852 года.

Толстой подмечал близость стиля Ёргольской стилю мадам де Севинье, о чем свидетельствует его письмо от 24 декабря 1850 года. Легкость и непринужденность ее слога восхищали будущего писателя. Стиль обращения к адресату, «небрежного» сообщения новостей и бытовых подробностей, которые напоминают непринужденную светскую «болтовню» — все это сближает стиль Ёргольской и мадам де Севинье. Кроме того, им свойственна афористичность, которая вслед за этим появляется и у Толстого.

Самым насыщенным периодом переписки с Ёргольской является время службы Толстого на Кавказе. К этому моменту относятся и первые серьезные литературные опыты, что оказывает влияние на его эпистолярный слог. В письмах к Ёргольской проявляются особенности, указывающие на формирование собственного стиля Толстого. Среди них описания местности и происходящих событий, зарисовки нравов населения, портреты окружающих, появляются краткие рассуждения философского характера.

Первое письмо, посланное тетушке по прибытии в Старый Юрт от 22 июня 1851 года, разительно отличается от предыдущих длинными описаниями окружающей реальности, сослуживцев и причудливой природы: «... огромная гора камней, громоздящихся друг на друга; иные оторвавшись составляют как бы гроты, другие висят на большой высоте, пересекаемые потоками горячей воды, которые с шумом срываются в иных местах и застилают, особенно по утрам, верхнюю часть горы белым паром, непрерывно поднимающимся от этой кипящей воды» [С. 105]. В дальнейшем подобные описания становятся

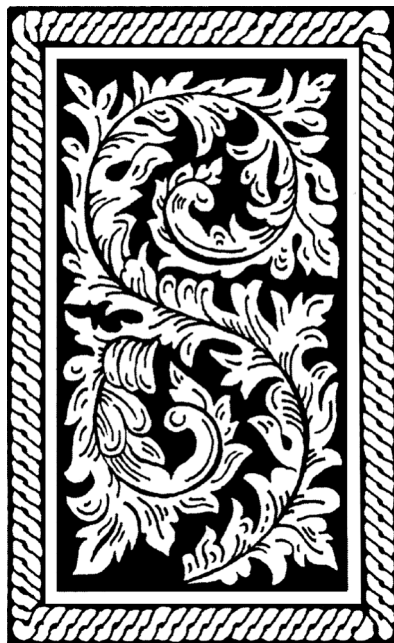
более реалистичными, например, письмо из Бухареста от 5 июля 1854 года, где Толстой приводит свои воспоминания о Силистрии: «Расстилающаяся перед глазами местность не только великолепна, она представляла для всех нас огромный интерес. Не говоря о Дунае, его островах и берегах, одних занятых нами, других турками, как на ладони видны были город, крепость и малые форты Силистрии. Слышна была пушечная пальба и ружейная, не перестающие ни днем, ни ночью, и в подзорную трубу можно было различить турецких солдат» [С. 273].

Подобные изменения свидетельствуют о постепенном переходе эпистолярного стиля Толстого от заимствованного возвышенно-сентиментального к собственному реалистическому. Возможно, эпизод с братом Сергеем, о котором упоминалось выше, побудил Толстого обратить внимание на стиль своих писем к разным адресатам. Литературная работа подвела его к следующей ступени – формированию собственного стиля, и переписка с тетюшкой стала местом, где он мог испробовать свои авторские силы.

Литература

1. Толстой Л.Н. Произведения 1900–1903 гг. Полн. собр. соч. В 90 т. М., 1952. Т. 34. С. 364.
2. Чистякова М. Лев Толстой и Франция. М., 1937. Т. 31–32. С. 981–1025.
3. Розанова С. Эпистолярное наследие Льва Толстого // Л.Н. Толстой. Собр. соч. В 22 т. М., 1984. Т. 20. С. 770.
4. Лазарчук Р. Переписка Л.Н. Толстого с Т.А. Ёргольской и А.А. Толстой и эпистолярная культура конца XVIII – первой трети XIX века // Л.Н. Толстой и русская литературно-общественная мысль. Л., 1979. С. 92.
5. Толстой Л.Н. Письма 1844–1855 гг. Полн. собр. соч. В 90 т. М., 1935. Т. 59. Далее указ. только стр.

Московский педагогический государственный университет

«Утрата языка — это утрата народности»
Из архивного наследия академика А.А. Шахматова

© О.В. НИКИТИН,
доктор филологических наук

В статье дается обзор забытых идей академика А.А. Шахматова, касающихся проблем языковой политики и культурно-исторических связей славянских народов. Ученый говорит об общности «малорусского», «великорусского» и «белорусского» племен, их этнологических корнях. В статье освещаются вопросы становления социолингвистики конца 1910-х годов и роль А.А. Шахматова в решении проблем геоязыкового строительства.

Ключевые слова: история русского языка, лингвистическое источниковедение, геополитика, социолингвистика, этнолингвистика, культурология.

DOI: 110.31857/S013161170001616-6

The article gives an overview of the forgotten ideas of academician A.A. Shakhmatov concerning the problems of language policy and cultural and historical ties of the Slavic peoples. The scientist talks about the commonality of the «little Russian», «great Russian» and «Belarusian» tribes, about their ethnological roots. The article highlights the issues of sociolinguistics formation in the late 1910s and the role of A.A. Shakhmatov in solving the problems of geo-linguistics.

Keywords: history of the Russian language, linguistic source studies, geopolitics, sociolinguistics, ethnolinguistics, culturology.

*Русское племя представлено тремя
отраслями, тесно связанными между
собой и близостью языка,
и общею верою, и вековою историей.*

А.А. Шахматов.

Из фондов Санкт-Петербургского филиала
Архива РАН. Ф. 134. Оп. 1. Ед. хр. № 9.

«В истории русской филологии нет главы более яркой и волнующей, чем деятельность Алексея Александровича Шахматова. Биография его — гениального лингвиста и исключительно прекрасного человека — неизбежно должна превратиться в повесть о строительстве “молодой еще науки о русском языке”», — такими словами открыл свою книгу об академике Шахматове его талантливый ученик В.В. Виноградов [1].

Имя Шахматова для многих отечественных ученых до сих пор является камертоном научной деятельности и верности подлинным принципам славянского братства, их духовного и культурного единения. Хрестоматийный облик Шахматова, известный многим еще со студенческой скамьи, не укладывается в привычное понимание «классика», каким он не стремился быть и никогда об этом не думал. Шахматов никогда не являлся сторонним наблюдателем в противоречивой жизни начала XX века, он стал ее неотъемлемой частью, предводителем филологии в бурном течении переворотов и революций, когда смешивались судьбы, порой терялась вера и рушились идеалы.

Биография Шахматова не раз излагалась отечественными исследователями, и, быть может, в силу определенных обстоятельств каждый раз менялись акценты: то Алексея Александровича приписывали к контрреволюционерам, то называли его метод исследования формальным, нередко необоснованно критикуя его труды. Сейчас, когда, казалось бы, время нам дает шанс корректно отнестись ко всему сделанному им, почему-то все меньше и меньше появляется работ о самом ученом, приоткрывающих затертый облик великого соотечественника и смиренного труженика русской науки (см. новые работы и публикации

В.И. Макарова, Е.А. Масальской, О.В. Никитина, юбилейный сборник «Академик А.А. Шахматов...» и др. [2; 3; 4; 5; 6]). То же отчасти наблюдается и в области исследования его научного наследия, которое, смеем заметить, еще многих и многих старательных тружеников может одарить редкой в своей новизне мыслью, яркими гипотезами да и просто обратить наше внимание на те стороны научного и человеческого мироощущения Шахматова, которые до сих пор не были поняты и оценены.

Много лет тому назад мы опубликовали неизвестную статью ученого «О государственных задачах русского народа в связи с национальными задачами племен, населяющих Россию» [7; 8], которая, как полагаем, удивительно точно и проблемно раскрывает мир исканий и тревог предреволюционного времени, особенно занимавших его ум и сердце в беспокойные 1910-е годы. Именно в этот период даже в научных трудах Шахматова ощущается стремление уйти в глубины исторического прошлого не только для того, чтобы исследовать язык наших предков, но прежде всего с общественной целью — понять, как и при каких исторических обстоятельствах зарождался остов восточнославянской народности, по каким путям она развивалась в древний период и в Средневековье, что способствовало сближению и что, наоборот, отталкивало ее родственные ветви — украинскую и белорусскую. Все это и многое другое ученый решал на страницах своих лингвистических трудов, которые теперь, в начале XXI века, можно назвать в какой-то мере историческим пророчеством Шахматова.

Так, в 1915 году выходит объемный труд академика «Очерк древнейшего периода истории русского языка». В это же время появляются в печати статьи и переводы славистической проблематики: «К вопросу о древнейших славяно-кельтских отношениях», «Заметки к древнейшей истории русской церковной жизни» и др. Последняя прижизненная книга ученого «Древнейшие судьбы русского племени» (Пг., 1919) как бы подытожила раздумья над глубокой и важной проблемой становления и развития русской нации. В этой работе Шахматов особо подчеркивает «державность славянского элемента в русском государстве» [9] прошлых времен, которая способствовала объединению севера и юга и складыванию единого этнографического, этнокультурного и этнополитического целого.

Но не только в научных трудах ученый пытался воплотить мечту великорусов о едином Отечестве, о торжестве славянского братства. Он плодотворно занимался просветительской и организаторской деятельностью и в Академии, и в вузах России, в научных обществах и собраниях. В начале 1900-х годов Шахматов вместе с другими известными учеными из славянских государств стал одним из организаторов Союза славянских академий. В предложенном им Проекте Устава ученый так сформулировал основные задачи и цели объединительного по своей сути общеславянского органа: «Мысль организовать Союз славянских академий и ученых

обществ явилась последствием того убеждения, что для разрешения некоторых научных задач совершенно необходимо сосредоточить на них внимание и совокупные усилия ученых специалистов всех славянских народностей. <...> Но славянство объединяется не только своим доисторическим прошлым. Многие ветви его в начале исторической своей жизни попали под общие культурные влияния, давшие общее направление дальнейшему развитию этих славянских народностей. <...> Здесь, между прочим, имеется в виду и тот для данного дела в высшей степени важный факт, что взаимные сношения между славянами создавали иногда широкое духовное общение между ними, приводившее к одной общей литературе и к одному общему в главных чертах литературному языку» [10].

Статья Шахматова «О государственных задачах русского народа...» отражает еще одну сторону общественных интересов ученого: он осознавал всю трагичность сложившейся ситуации на территории восточнославянских народов и предостерегал будущее поколение от возможных ошибок в национальных проблемах, которые нельзя решать без знания *исторического* опыта.

В этой работе главным предметом своего внимания Шахматов объявил великорусскую народность и те «сепаратистические» настроения, которые кроются в «племенах», населяющих Россию и стремящихся расчленить ее на части, уничтожить и погубить некогда единое государство, остовом которого, по мнению ученого, является язык. Потому часто звучат его слова о необходимом внимании к украинскому, белорусскому языкам, о том, чтобы восточнославянские соседи развивали на своих национальных языках литературу. Проблемы социолингвистики, которые так остро поднялись из исторического прошлого и вышли на арену культурных перемен 1920–1930-х годов в трудах А.М. Селищева, Е.Д. Поливанова и других ученых, Шахматов предчувствовал раньше и предостерегал нас от непродуманных шагов в лингвистической геополитике.

Шахматов начинает свой обзор со времени крещения Руси и последовательно излагает обстоятельства, приведшие к созданию единого восточнославянского государства, укрепления его позиций. Особое внимание он уделял проблеме языкового и культурного братства народов: «Русская народность была едина в далеком прошлом; эпоха, когда русское племя составляло одно целое, лишь незначительно расхолодившись в некоторых своих частях, относится к доисторическому времени. Свидетельство науки не оставляет никакого сомнения в том, что эта эпоха была весьма продолжительна; отколовшись от общеславянской семьи языков, также некогда единой и нераздельной, русское племя жило одной общеою жизнью и притом, очевидно, на сравнительно небольшой территории в течение по крайней мере трех столетий. В это время в языке наших общих предков произошли существенные изменения сравнительно с древнейшим общеславянским праязыком, и эти изменения положили глубокий отпечаток

на все последующее развитие русского языка в выделившихся из него наречиях» [СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 1. Ед. хр. № 9].

Везде в центре внимания Шахматова находится проблема единства — этнокультурного, исторического, языкового и духовного. Он не устает повторять: «...если к общерусской эпохе возводится главное духовное богатство народа — его язык, то к периоду Киевской гегемонии возводятся и общая вера, и общие политические стремления, и общие исторические легенды, и, наконец, общая духовная и светская литература. Единство русской семьи основывается не только на пассивных началах, вытекающих из общего происхождения от семьи общеславян (Так в тексте. — *О.Н.*) и дальнейшей общей жизни в пределах общей прародины, оно основывается и на общем активном выступлении русских племен в период создания и роста Киевского государства» [Там же].

Ученый доводит историко-культурный очерк до начала XX века — противоречивого и неоднозначного периода в истории славянских народов. Он указывал на факты, отталкивающие украинцев и белорусов от России, говорил о характере национального самосознания, отмечал этнографические, социальные и языковые черты «общеславян». Многие мысли нашего великого соотечественника заставляют задуматься об этих проблемах: «Неужели рост малорусов и белорусов, появление среди них своей национальной школы, создание ими своей литературы может сколько-нибудь беспокоить нас, великорусов. Когда мы жили врознь, когда русское единство было нарушено и его не существовало, малорусы и белорусы своим упорством и своей неустанной работой подготовили создание единого русского государства. Неужели теперь, когда единство достигнуто, когда все три русские народности живут общей жизнью, рост белорусской и малорусской народностей приведет к распадению? Необходимо самым тщательным образом задуматься над следующими обстоятельствами. Малорусская интеллигенция озабочена теперь только одной мыслью — сохранить малорусский язык: язык — это тот этнографический признак, который один в особенности в настоящее время, время победоносной единой культуры, может охранить народность, спасти ее от полного обезличения. И если мы предоставим малорусам все те условия, в которых живем мы сами, не стесняя их ни в чем таком, в чем не стеснены мы сами, обеспечив им, однако, право говорить, писать, учить по-малорусски, неужели мысль малоруса только от того, что она облечена в оболочку малорусского слова, неужели одного языка будет достаточно для создания малорусского сепаратизма другими условиями, зреть при других обстоятельствах: мы можем привести русскую семью к распадению, если поставим малорусов и белорусов в положение не сынов, а пасынков в государстве, если государство возбудит их против себя своими мерами, направленными против их национального развития, если великорусское общество отнесется с презрением или с безучастием к тому, что каждый

<развитый> малорус и белорус считает своим жизненным делом. Скажу еще раз: это дело теперь уже не остановить. Вопрос сводился только к тому, какое ему дать направление — русское, направить к общему благу России или антирусское, направленное к обособлению сначала духовности, потом политики Малоруссии и Белоруссии» [Там же].

Какие пронзительные, смелые, правдивые слова говорил Шахматов! Как болен он своим сердцем за разрушение культурных связей славян! И далее он продолжал с еще большей силой убеждать соотечественников в том, что решение национальных проблем славян — краеугольный камень политики государства. Он писал: «Пусть каждый великорус содрогнется перед мыслью дать этим малорусам и белорусам антирусское направление; это рыть могилу себе, своему государству и своей национальности; *мы сильны своим единством* (курсив наш. — *О.Н.*), без него мы станем добычей других, более сильных народов становления восточнославянского государства» [Там же].

При оценке событий начала XX века Шахматов обращался к богатому историческому опыту Руси—России, который складывался в том числе и из признания *местных* обычаев, прямо говорил о ее *государственных интересах* и приоритетах, пытался осмыслить и оценить ошибки в решении национальных проблем и — главное — предлагал пути дальнейшего развития страны, выдвигал действенные задачи для созидания будущего единства.

Можно предположить, что в силу сложившихся обстоятельств и личной судьбы Шахматов находился под некоторым влиянием идеи общеславянского единства, но в то же время отчетливо понимал хрупкость этого континента, многочисленные противоречия, раздирающие его изнутри. Но как идеалист в лучшем смысле этого слова он все же не оставлял надежды на торжество разума над хаосом, а как практик старался делать все, чтобы разъяснить и наглядно показать имеющиеся противоречия, тем самым как бы заставляя задуматься и нас о грядущей судьбе России.

Будучи увлеченным исследователем-архивистом и в то же время практиком, вдумчивым лектором и внимательным собеседником, известным и уважаемым человеком, Шахматов все же оставался в тени официальной академичности и сторонился приемов и банкетов, оставаясь в миру скромным и чутким правдоискателем, верным традициям любимой им Родины. После его смерти профессор В.Н. Щепкин очень точно подметил свойство Шахматова, идущее от его внутренней сути, от всего строя его духовной деятельности. «Шахматов, — писал он, — в сфере славянской (так в тексте. — *О.Н.*) филологии оказался руководящей социальной личностью, какие типичны для духовного развития сплоченных и сознательно организованных наций. В славянском мире этот культурный феномен особенно свойствен духовному развитию интеллигентного чешского народа. В бюрократической, духовно обезличенной и несорганизованной

России появление такой значительной социальной личности было счастливейшим и редчайшим исключением» [11].

«Легендарный мальчик» — так назвал В.М. Истрин Шахматова в статье, посвященной памяти ученого [12]. Но не внешние качества и присущую теперь многим нынешним деятелям «значительность» имел в виду коллега Шахматова, а *нравственный* облик этого мужественного человека. Сам он как-то ответил на поставленный им же главнейший вопрос (и, думается, в этом признании Алексея Александровича кроется глубинная сила и гармония души нашего славного соотечественника): «В чем смысл жизни?» — «Во всестороннем развитии духовной жизни человека: его воли, его ума и чувства» [ОР РНБ. Ф. 846. Ед. хр. № 12. Л. 261].

Ознакомившись со статьей, мы, может быть, пойдем, насколько прав он был, предупреждая нас еще задолго до наступившего «парада национальностей» и предлагая иной — земной путь, путь разума и исторического опыта, к которому не суждено было прислушаться тогда. Удивительно, но Шахматов-лингвист оказался прозорливее и мудрее многих историков и политиков прежде всего потому, что он не только знал истоки национально-языковых традиций восточных славян, но и понимал их психологию, чувствовал филологический дух братских народов. Почти как девиз стоит воспринимать его слова в статье «О государственных задачах...»: «Утрата языка — это утрата народности» [СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 1. Ед. хр. № 9].

Полагаем, что классический опыт геолингвистики в изображении академика Шахматова, его архивное наследие содержат немало глубоких, полезных идей для современного понимания процессов «русского мира», а взволнованный голос ученого, который звучит сквозь эмоциональные строки забытой статьи, должен быть услышан.

Сокращения

ОР ОРБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург).

СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (Санкт-Петербург).

Литература

1. *Виноградов В.В.* Алексей Александрович Шахматов. Пг., 1922. С. 5.
2. *Макаров В.И.* «Такого не бысть на Руси прежде...». Повесть об академике А.А. Шахматове. СПб., 2000.
3. *Масальская Е.А.* Воспоминания о моем брате А.А. Шахматове. М., 2012.
4. *Никитин О.В.* Деловая письменность в истории русского языка (XI—XVIII вв.). Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 2004.

5. *Никитин О.В.* Академик Алексей Александрович Шахматов и его труды // Масальская Е.А. Воспоминания о моем брате А.А. Шахматове. М., 2012. С. 556–565.
6. Академик А.А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие: Сборник статей к 150-летию со дня рождения ученого / Отв. ред. О.Н. Крылова, М.Н. Приемышева. СПб., 2015.
7. *Шахматов А.А.* О государственных задачах русского народа в связи с национальными задачами племен, населяющих Россию [публикация О.В. Никитина] // Московский журнал. История государства Российского. 1999. № 9. С. 21–28.
8. *Шахматов А.А.* О государственных задачах русского народа в связи с национальными задачами племен, населяющих Россию [подготовка к публикации, предисловие и примечания О.В. Никитина] // Вопросы филологии. 2006. № 2 (23). С. 74–85.
9. *Шахматов А.А.* Древнейшие судьбы русского племени / Издание Русского Исторического Журнала. Пг., 1919. С. 63.
10. Документы к истории славяноведения в России / Под ред. Б.Д. Грекова. М.–Л., 1948. С. 365–366.
11. *Щепкин В.Н.* Академик А.А. Шахматов // Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии Наук (1920 г.). Пг., 1922. Том XXV. С. 314.
12. *Истрин В.М.* А.А. Шахматов как ученый // Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии Наук (1920 г.). Пг., 1922. Том XXV. С. 23–24.

Московский государственный областной университет

«Доброе» и «приятное» в речевом этикете. Нужно ли экономить на вежливости?

© О. И. СЕВЕРСКАЯ,
кандидат филологических наук

В статье рассматриваются две этикетные формулы: приветствие *добрый день* и пожелание *приятного аппетита*, которые в последнее десятилетие функционируют в речи в усеченных вариантах. Автор анализирует оценки этих новшеств «наивными» носителями языка, оценивает соответствие новых этикетных формул нормам вежливого разговора, их смысловый объем и адекватность лежащей в их основе деривации, перспективы сохранения в языке.

Ключевые слова: речевой этикет, приветствия, пожелания, деривация, нормы вежливости, языковая экономия, узус, восприятие наивных носителей языка.

DOI: 10.31857/S013161170001617-7

Two etiquette formulas are considered in the article: the salutation *dobryy den'* (*good day*) and the wish *priyatnogo appetita* (*bon appétit*), in their truncated

versions. The perception of etiquette innovations by Russian «naïve» native speakers is reflected in the materials of some Internet forums. The author analyzes the opinions expressed in these forums, containing polar assessments of «economy on politeness», from sharp rejection to acceptance of word markers as signs of «pure politeness», the correspondence of new etiquette formulas to the norms of polite conversation, their semantic scope and the adequacy of the derivation, their speech prospects.

Keywords: speech etiquette, salutations, wishes, derivation, norms of politeness, linguistic economy, usage, perception of naïve native speakers.

Одной из самых «подвижных» и изменчивых сфер речевой коммуникации в начале XXI века становится речевой этикет, до сих пор довольно жестко нормировавшийся специалистами по культуре речи. Сегодня запас этикетных речевых формул активно пополняется, а прежние стандарты изменяются под влиянием интернет-коммуникации и постоянно ускоряющегося темпа жизни.

Речь здесь идет и о кальках с английского типа *пока-пока!* (<англ. *bye-bye!*) или *увидимся!* (<англ. *see you later!*), и о попытках диверсифицировать формы прощания для визуальных и аудиальных контактов (*увидимся!* vs. *услышимся!*), и о появлении наряду с этикетными формулами приветствия *Доброе утро!* *Добрый день!* *Добрый вечер!* новых – пришедшего из бесед в ночном эфире радио и телевидения *Доброй ночи!* и широко используемого в сети *Доброго времени суток!* [1. С. 233–235], и об универсальной формуле подтверждения непрерывности контакта *На связи!* (< *буду*) *на связи или (остаюсь) на связи*), превратившейся в формулу прощания [2].

Последний пример показателен, так как демонстрирует действие закона экономии в языке и речи, не раз проявлявшееся в истории русского речевого этикета. Достаточно вспомнить, что *спасибо* образовалось из *Спаси Бог!* [3], *пожалуйста* – из *Пожалуй, старче!* или просто из сочетания *пожалуй* с усилительной частицей *-ста* [4. С. 279], *до скорого!* – из *до скорого свидания!* [Там же. С. 151–152], а *пока!* – путем сокращения ранее принятых этикетных фраз: *Пока растаетея, но скоро встретимся*, *Пока до свидания*, *Пока прощайте*, *Пока всего хорошего* [Там же. С. 388]. Сегодня «экономия на вежливости» встречается довольно часто: «доброе» и его аббревиатуры закрепляются в деловой и электронной коммуникации, «приятное» – в сфере обслуживания.

«Доброе», появившись еще в последнее десятилетие XX века, к 2000 г. стало речевым фактом в телефонной коммуникации, откуда пришло и в устную речь как таковую. И в телефонном разговоре, и при личной встрече адресат может принять «подачу» адресанта, вернув ему приветствие в усеченной форме: *Доброе утро!* – *Доброе... Добрый день/вечер!* – *Добрый*. Норма же требует ответа по полной форме; более того, специалисты по деловому общению советуют разнообразить ответное приветствие:

«Здороваясь и произнося обычные в таких случаях фразы (“Здравствуйте!”, “Добрый день!”, “Добрый вечер!”, “Приветствую вас!”) важно не повторять только что произнесенное вашим знакомым. Если он сказал, например, “Добрый вечер”, ответить следует другими словами» (Этикет приветствия 2011). Языковедами усечение приветствия также категорически отрицается, так как формы *Доброе/добрый!* и краткое *Да!* не могут употребляться в приветственной функции самостоятельно [5; 6]. Встречаются оценочные суждения в отношении «доброго» и в художественной литературе. Например, во «Внеклассном чтении» Б. Акунина (2003): «Николас набрал номер мобильного телефона жены. — Я, — раздался в трубке знакомый, хрипловатый голосок. *Сколько раз Фандорин говорил жене, что она разговаривает по телефону совершенно недопустимым образом!* Ну что это в самом деле: вместо “алло” или на худой конец “слушаю” — грубое “я”, а в ответ на вежливое “добрый день” — по-хамски кургузое “добрый”?» (Здесь и далее выделено мной. — О. С.). Сами же носители русского языка относятся к распространенной практике сокращения приветствий неоднозначно.

Об этом свидетельствуют обсуждения на интернет-форумах. Вот какие ответы были получены на вопрос «Вежливо ли на приветствие *Добрый день* отвечать *Добрый?*»: **Конечно!; Смотря с какой интонацией сказано; Если уж совсем прямо до мелочей докапываться, то не совсем хорошо. Но таких недантов мало, так что можно просто «Добрый!», главное, что здороваются; Когда человек здоровается в полной форме «Добрый день!», «Добрый вечер!» и т. д., то ответное «Добрый!» воспринимается аналогично выражениям «Да пошел ты», «Не хочу общаться», «Не тронь меня». Это прямое нарушение словесного этикета** (<https://elhow.ru/question/2996/vezhливо-li-na-privetstvie-dobryj-den-otvechat-dobryj>). Мнения «наивных» носителей языка отражают градацию оценок от безусловного и возможного при определенных условиях принятия до категорического отрицания усеченных формул, признания их коммуникативной несостоятельности.

Усечение этикетных формул приветствия наблюдается и в письменной коммуникации, — в электронной (в том числе деловой) переписке и при общении в чатах и мессенджерах. На «странность» распространившихся в последнее десятилетие «ультракоротких» форм обращают внимание «продвинутые» и хорошо обученные нормам русского языка пользователи сети, например, журналист «Новой газеты» Ксения Кнорре-Дмитриева: «Вдруг обнаружила, что уже от нескольких человек в течение последней недели <...> получала смски и письма, начинающиеся так: “Ксения, ДД”, “ДУ. Хотел уточнить...”, “Д. В. Получил ваше письмо...” Имеются в виду соответственно “добрый день”, “доброе утро”, “добрый вечер”. Обращаю внимание на то, что это не только смски, где понятно желание сэкономить деньги и время, но и письма. Вот это действительно бесит не меньше, чем ответ “добрый” на твой “добрый день”» (Facebook, 20.05.2015). Удивляются им и «рядовые» участники коммуникации.

Интересный материал для наблюдений дает дискуссия на форуме «Посиделки» портала «7я.ру» (<http://conf.7ya.ru>). Большинство ее участников искренне недоумевает, что это за «злосчастные» буквы и чему они служат, а догадавшись о значении аббревиатур, оценивают их уместность: *aaa, я поняла, это “добрый день”, да?:(:))))); А я сначала не могла понять что это ДД означает вообще, потом дошло)))) Считаю, что это бред; так вот что означают эти дурацкие буквы! Кошмар...; В голову не приходило приветствия сокращать, да и невежливо как-то, мне кажется; мне подобные сокращения режут взгляд и напрягают...; А я это и не воспринимаю как приветствие, просто непонятный набор букв и т. д.* Встречаются попытки направить тех, кто использует приветствия ДУ/ДД/ДВ, на «путь истинный» — либо с помощью увещаний, попыток пристыдить: *Лень пальчиком ткнуть лишний раз. Это ж доли секунды для умеющего печатать человека!;* либо воспитывая собственным примером: *Я всегда обращаю на это внимание... И всегда на такие приветствия отвечаю полностью; Тоже попробовала так приветствовать, но решила, что это как-то не правильно. Уж думаю не настолько я вся такая занятая, что нет времени написать полностью «добрый день». А если мне пишут так, ну что ж, я им уподобляться не буду и в ответ все равно напишу полностью.* Есть и такие, кто считают, что лучше никак, чем так: *Если человек хочет поздороваться, то можно это сделать нормально: «добрый день», «добрый вечер». А если не хочет/некогда/неудобно, то и не надо. Зачем себя насиловать и выдавливать несчастные 2 буквы?.*

Вместе с тем довольно много толерантных высказываний вроде следующих: *Я так не пишу, но и проблемы никакой не вижу. Вам понятно, что это значит? Ну и отлично. От того, что будет написано не 2 буквы, а 10 смысл не изменится; Невоспитанность больше проявляется не в сокращениях приветствия или просто в любых сокращениях, а в том, что человек грубо отвечает, забывает ответить и просто совсем не здоровается; Я вообще не обращаю внимание на ДД, ДУ и т. д. Главное, что человек поздоровался, и это приветствие соцсети. Иными словами, для многих важна не форма, а сам факт приветствия адресата как акта вежливости. Однако подобная толерантность не означает, что так же будут восприняты другие нарушения этикета: Я к «дд/ду/дв» отношусь никак))))). А вот «спс, пасиб, пжл» — это меня прям БЕСИТ!!!!* Есть и те, что признаются: *иногда сама так пишу, когда очень тороплюсь, но не только цейтнот служит для таких пользователей сети оправданием: это не сокращение чего-то плохого — это сокращение очень хорошего — «Добрый день!!!».* Некоторые сетуют на заразительность дурного примера: *Я вот тоже иногда эти ДУ, ДД, ДВ использую))) наверно, это зараза(((.* Другие относят приветственные аббревиатуры к явлениям речевой моды: *Это просто мода, сленг, все мы в том или ином случае следуем им, и никто здесь не является исключением из этого стада.*

Обращают на себя внимание попытки обосновать неуместность усе-ченных форм: Интересно, вы в детский садик приходите за ребенком и

говорите воспитательнице: *«Дв, я за сыном!» Да?* — в контексте устной коммуникации *ДВ* звучит, конечно, абсурдно, и это доказывает, что аббревиатура не может быть полноценным приветствием, как и усечение *Добрый*. Интересуясь: *«Это что???* **Новые правила этикета или это какие-то секретные пароли?**, «наивные» носители языка мыслят социолингвистически и довольно четко определяют проблему.

Что касается «приятного», то речь здесь о сокращении в разговорной речи формульного этикетного пожелания получить удовольствие тем, кто ест или собирается приступить к трапезе. Самый устойчивый и распространенный его вариант — *Приятного аппетита!* (калька с фр. *Von appetit!*, где *von* ‘хороший’, а не ‘приятный’). Но в «Словаре русского речевого этикета» приводятся и другие: *Приятного удовольствия...кушать!* [4. С. 435] и *Приятно кушать!* [Там же. С. 437], но просто *Приятного!* в списке этикетных формул нет. Однако именно этот вариант после 2015 года распространился в сфере обслуживания почти повсеместно, а его популярности немало способствовали популярные телесериалы «Кухня», «Молодежка», «Женский доктор» и др., в которых это пожелание не раз прозвучало с экрана.

Кто в «приятном» виноват? Ответ попробуем найти в дискуссии на «Харьков Форуме» (<https://www.kharkovforum.com/archive/index.php/t-1998580.html>). Ее участники не без оснований искали, прежде всего, «украинский след»: *«Вет каким-то харьковским кугутством; чойта харьковским?! и в Киеве и в Днепре так говорят; Кагбэ суржик. По-украински: «смачного». По-русски: «приятного аппетита»; По ходу «Приятного» <...> русолобы скопировали с нашего «Смачного».* Высказывались и предположения о «тлетворном влиянии Запада» на русский: *«Не знаю, кто это придумал, но точно не наши (украинцы или русские), это идет с Запада. Только там люди ленивы настолько, что даже не могут нормально приятного аппетита пожелать; Потихоньку из МакДональдса новая «фраза» из одного слова пошла в народ.*

Как представляется, версия об аналогии с украинским этикетным *Смачного!* ближе к истине, поскольку в Харьковской области, где живет большинство участников дискуссии, действительно преобладает суржик, а потому вполне вероятно смешение норм русского и украинского языков и в сфере речевого этикета. Влияние же Запада можно было бы видеть в другой формуле, распространившейся в некоторых сетевых кафе: *«Наслаждайтесь!»* (<англ. *Enjoy!*).

Интересны и умозаключения посетителей харьковского форума о смысловой мотивации замены полной формы на усеченную: *«Я как-то на пожелание «Приятного» спросил: чего? На что чел стушевался и не понял, спрашиваю ли я продолжение фразы, либо наезжаю, типа ЧЁ??? :); Буркнула сегодня официантка «Приятного», как рублем одарила, в обед. Спросил на это: «Чего приятного?». В ответ был легкий ступор, а потом выдавила*

«аппетита» :); По-русски: «приятного аппетита». В украинском «смачного» от слова «смак» — вкус. В русском же языке нет. Т.е. речь не идет о вкусе, т.е. приятное может быть все. Например, официантка желает мне приятно... времяпрепровождения, а не аппетита и т. п.

В этих репликах достойны внимания два момента. Во-первых, отмечается контекстно обусловленная многозначность новой формулы: вопрос, что имеется в виду под «приятным», ставит в тупик не только харьковских официантов, но и столичных бариста, — хотя после паузы и размышлений они все же воспроизводят устойчивый вариант пожелания клиенту получить удовольствие от еды или напитка (наверное... аппетита), но используют наряду с ним и формулы приятного отдыха, приятного вечера. Во-вторых, справедливо указывается на смысловую ущербность деривата: правильнее было бы желать вкусного, хорошего вкуса или просто аппетита.

Восприятие этикетного новшества разнится так же, как и в отношении приветствий. Оценки варьируются от резкого неприятия: Да, этот кастрированный вариант меня лютто бесит. Впервые услышал в армии. Думал, это разное быдло так говорит, чтобы не напрягаться лишними словами. Но за последние годы слышал такое от многих нормальных, казалось бы, людей; Пренебрежение официанта к клиенту — источник этого выражения, имхо. <...> Ассоциируется с плевком в тарелку тишком; Очень неприятно, когда говорят «приятного» <...> типа «приятного, шел ***, следующий...»; Я бы лучше выдал таблички с надписями «приятного аппетита», чтоб не утруждаться речью. Показал табличку — клиент свободен. Следующий!, до толерантной индифферентности или даже благосклонного отношения: все равно, т. к. это в любом случае лучше, чем — подавись своей котлетой; Не задумывался, если честно. Да и наплевать мне на церемонии. Я заплатил, я кушаю и все эти формальности — излишняя навязчивость, которая вот меня больше всего может спровоцировать на немотивированную агрессию, и признаний, что хоть и не нравится, но сами не без коммуникативного «греха»: Не люблю этот сокращенный вариант, но замечаю за собой, что у самого иногда проскакивает...

При этом участники дискуссии вполне осознают, что «приятное» распространяется в сфере обслуживания вопреки правилам этикета: мне кажется, что «Приятного» это как-то неправильно... :); сказать «приятного» вместо «приятного аппетита» все равно, что ответить на приветствие «доброе утро» просто «доброе», то есть как бы неуважительно; [в ответ на: а меня не раздражает ни пожелание «приятного» вместо полной фразы, ни «доброе» в ответ на «доброе утро» <...> по-моему, ничего плохого в этих выражениях, ведь есть сокращения в онлайн переписке, например, они не раздражают, отчего раздражает сокращение фраз в разговоре?] вроде плохого ничего и нет, но слушать это сокращенное «приятного» как-то и не совсем приятно. В последнем примере отчетливо слышится диалог «нового» со «старым»: и у того, и у другого есть свои сторонники.

Приведенные мнения — в отношении как «доброе», так и «приятного», — отражают понимание «наивными» носителями языка того, что усечение любых этикетных формул — это явление одного порядка: не случайно раздражающие факты все время сравниваются и между ними фактически ставится знак равенства. Забавно, что и в истории русского этикета «доброе» и «приятное» уравнивалось: *Добрый день/вечер* сосуществовал в нем с вышедшим ныне из активного употребления обращением *Прытым днем/вечером*. Вместо последних приветствий появились пожелание при прощании *Хорошего дня!* (< англ. *Have a nice day!*; ср. также фр. *Bonne journée/soirée!* и нем. *Schönen Tag/Nachmittag/Abend!*), а также замена традиционного *приятного аппетита!* пожеланием *приятного отдыха* или *вечера*, т. е. вечернего времяпрепровождения.

Толерантное отношение к изменениям этикета, даже к появляющимся в речи кажущимися уродливыми формам, говорит о понимании неизбежности включения языком «режима экономии» и в этой сфере. В конце концов, нечто подобное происходит и в европейских языках. Например, в английском и немецком наряду с полными формами *Good Morning/Evening!* и *Guten Morgen/Abend!* используются короткие *Morning!* (редко — *Evening!*) и *Morgen! Abend!* А во французском и польском языках в результате экономии выражения *Bonjour! Dzień dobry!* используются сегодня и не в «своем» временном интервале, замещая *Bonsoir!* и *Dobry wieczór!* Разница в том, что в европейских языках при сокращении акцент делается на времени суток, а в русском — на его положительном значении для адресата.

Кроме того, трудно не согласиться с М.А. Кронгаузом, который замечает, что сегодня «длинные <...> фразы мы склонны воспринимать уже не как чистую вежливость, а скорее как содержательное общение» [1. С. 246]. Ощущение «экономии на вежливости» обусловлено стереотипами, характерными для конкретного поколения, а потому довольно обманчиво. Можно предположить, что сегодня знаками вежливости становятся как раз усеченные формулы: это слова-стикеры, номинации коммуникативных намерений и актов, указывающие на сам факт включения режима вежливого разговора. Наверно, диалог «*Добрый день... — Добрый*» для современного человека звучит как заключение между адресантом и адресатом некоторого соглашения о впечатлениях и прогнозах относительно дня общения, или же воспринимается как ритуальное психологическое «поглаживание» без определенного смысла. И невежливым кажется уже другой обмен «репликами»: *Доброе утро! — Ужасное...* или *Кому доброе, а кому нет. А приятно!* — сегодня уже почти синоним пожелания *всего доброго*, чего именно — адресат поймет сам, спроецировав *все* на конкретную ситуацию и восполнив соответствующие семантические валентности. «Длинные» же этикетные формулировки действительно воспринимаются как «содержательное», при этом излишнее в этой ситуации, общение.

Но вряд ли с этим стоит мириться.

Литература

1. *Кронгауз М.А.* Русский язык на грани нервного срыва. 3D. М., 2012.
2. *Кронгауз М.А.* Самоучитель Олбанского. М., 2013. С. 355.
3. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2 т. Изд. 6-е, стереотип. М., 2004. С. 192.
4. *Балакай А.Г.* Словарь русского речевого этикета. Изд. 3-е, испр. и доп. М., 2007.
5. *Лаптева О.А.* Интенции и языковые особенности устной научной речи // Обучение устной научной речи: теория и практика / под ред. О.А. Лаптевой. М., 2000. С. 3–17.
6. *Формановская Н.И.* Русский речевой этикет: нормативный социокультурный контекст. М., 2002.

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

Спряжение глаголов на *-тать* в русском языке

© Е.М. РУЧИМСКАЯ,
кандидат педагогических наук

В статье рассматривается спряжение глаголов на *-тать* в русском языке. Показаны разные схемы спряжения таких глаголов. Обращается внимание на некоторые омоформы.

Ключевые слова: русский язык, глаголы на *-тать*, спряжение, омоформы.

DOI: 10.31857/S013161170001618-8

The article is devoted to conjugation of the verbs ending in *-тать* in Russian. Different schemes of conjugation of such verbs are shown. The attention is paid to some homonymous forms.

Keywords: Russian, verbs ending in *-тать*, conjugation, homonymous forms.

Глагол — это особая часть речи в русском языке. И.Б. Голуб справедливо отмечает: «Их всех частей речи глагол выделяется лингвистами как самая сложная и самая емкая; к тому же он аккумулирует огромную потенциальную силу экспрессии, так как обладает широкими возможностями описания жизни в ее развитии, движении» [1]. (Подробнее об особой роли глагола в более ранней статье автора [2].)

На наш взгляд, эта особая часть речи привлекает внимание лингвистов менее, чем она того заслуживает. Давайте некоторым образом восполним этот пробел, рассмотрев спряжение глаголов, оканчивающихся на *-тать*. Почему, к примеру, *шата́ть* (*шатаю, шатаешь, шатает, шатаем, шатаете, шатают*); *хохота́ть* (*хохочу, хохочешь, хохочет, хохочем, хохочете, хохочут*); *клевета́ть* (*клеветшу, клеветешь, клеветет, клеветем, клеветете, клеветут*)? Мы видим, что спрягаются эти глаголы по-разному: в первом глаголе при спряжении первая *т* сохраняется и в устном варианте появляется звук [j] ([штáтjу]), во втором глаголе при спряжении первая *т* переходит в *ч*, в третьем глаголе первая *т* переходит в *щ*. Чем это вызвано? Есть ли здесь какая-то закономерность? Конечно, призвав, на помощь этимологию, можно найти этому объяснение для каждого глагола. Но мы будем рассматривать это явление в синхроническом плане, не обращаясь к диахронии. Напомним ставшее хрестоматийным высказывание Фердинанда де Соссюра: «Противоположность

двух точек зрения – синхронической и диахронической – совершенно абсолютна и не терпит компромисса».

Итак, попробуем заметить какую-то закономерность в современном срезе русского языка. Может быть, схема спряжения зависит от того, какая буква находится перед *-тать*? Эта идея оказывается плодотворной. У глаголов, оканчивающихся на *-отать* (*хватать* – *хватаю...*), *-итать* (*читать* – *читаю...*), *-лтать* (*болтать* – *болтаю*), *-утать* (*кутать* – *кутаю...*), *-чтать* (*мечтать* – *мечтаю...*), *-ытать* (*пытать* – *пытаю...*), спряжение по первой схеме (в устном варианте появляется звук [j]). Вторая схема спряжения (с *ч*) и третья схема спряжения (с *щ*) невозможны при таких окончаниях в инфинитиве. При окончании *-ятать* возможна только вторая схема (*прятать* – *прячу...*) и невозможны первая схема (с [j] в устном варианте) и третья схема (с *щ*).

Но уже с инфинитивами, оканчивающимися на *-отать*, *-птать*, *-хтать*, *-етать*, *-стать*, эта идея не срабатывает.

Вначале рассмотрим инфинитивы с окончаниями, дающими две схемы спряжения. Это окончания *-отать*, *-птать*, *-хтать*. Рассмотрим их по отдельности.

Окончание *-отать* дает две схемы спряжения: первую (с [j] в устном варианте) и вторую (с *ч*). Посмотрим, зависит ли схема спряжения от того, какая буква стоит перед *-отать*. Схема спряжения – первая, если окончание *-ботать* (*работать* – *работаю...*), *-лотать* (*глотать* – *глотаяю...*), *-ротать* (*коротать* – *коротаю...*). Схема спряжения – вторая, если окончание *-готать* (*гоготать* – *гогочу...*), *-котать* (*стрекотать* – *стрекочу...*), *-потать* (*хлопотать* – *хлопочу...*), *-хотать* (*грохотать* – *грохочу*). Однако, когда перед *-отать* стоит *м*, возможны обе схемы спряжения: первая (*мотать* – *мотаю...*) и вторая (*бормотать* – *бормочу*). У Даля: «Бормочет, что глухарь» [З. Т. I. С.115]. Почему не «бормотает»?

Окончание *-птать* дает две схемы спряжения: вторую (с *ч*) и третью (с *щ*). Если перед *-птать* – *е* (*-ептать*), то схема спряжения – вторая (*шептать* – *шепчу...*). А если перед *-птать* – *о* (*-оптать*), то возможна и вторая схема (*топтать* – *топчу...*), и третья схема (*роптать* – *ропщу...*). У Даля: «Бог строит, а человек ропшет» [Там же. С. 104]. Почему не «топшу», «топщет»? Почему не «ропчу», «ропщет»?

Окончание *-хтать* дает две схемы спряжения: первую (с [j]) и вторую (с *ч*). Если перед *-хтать* – *о* (*-охтать*), то схема спряжения – вторая (*квохтать* – *квохчу...*, *клохтать* – *клохчу...*). Однако, если перед *-хтать* – *а* (*-ахтать*), то схема спряжения может быть и первая (*пахтать* – *пахтаю...*), и вторая (*кудахтать* – *кудахчу...*). Почему же не «пахчу»? Почему же не «кудахтаю»?

Теперь рассмотрим инфинитивы с окончаниями, дающими три схемы спряжения. Эти окончания *-етать* и *-стать*. Рассмотрим их по отдельности.

Инфинитив на *-етать* дает все три схемы спряжения: с [j], с *ч*, с *щ*. Если перед *-етать* — *л* (*летать*), то схема спряжения — первая (*заплетать* — *заплетаю...*). Если перед *-етать* — *н* (*нетать*), то схема спряжения — первая (*нагнетать* — *нагнетаю...*). Если перед *-етать* — *ч* (*четать*), то схема спряжения первая (*сочетать* — *сочетаю...*). Если перед *-етать* — *б* (*бетать*), то схема спряжения вторая (*щебетать* — *щебечу...*). Если перед *-етать* — *ж* (*жетать*), то схема спряжения третья (*скрежетать* — *скрежещу...*). А вот если перед *-етать* — *в* (*ветать*), *м* (*метать*), *п* (*петать*), то возможны разные варианты. Рассмотрим их.

Если инфинитив оканчивается на *-ветать*, то невозможна вторая схема спряжения (с *ч*), а возможны первая (*отцветать* — *отцветаю...*) и третья (*клеветать* — *клевещу...*) схемы спряжения.

Если инфинитив оканчивается на *-петать*, то невозможна первая схема спряжения (с [j]), а возможны вторая (*лепетать* — *лепечу...*) и третья (*трепетать* — *трепещу*) схемы спряжения.

Если инфинитив оканчивается на *-метать*, то невозможна третья схема спряжения (с *щ*), а возможны первая (*подметать* — *подметаю...*) и вторая (*метать* — *мечу...*) схемы спряжения.

Форма *метать* заслуживает того, чтобы сказать о ней несколько слов особо. В «Кратком словаре трудностей русского языка» Н.А. Еськовой указывается, что есть *метать*¹ в значении «бросать, кидать» (и тогда: *мечу, мечет*) и есть *метать*² в значении «пришивать крупными стежками» (и тогда: *метаю, метает*) [4]. Таким образом, формы спряжения различаются, а форма инфинитива совпадает, т.е. она является омоформой. Интересно отметить, что форма I лица ед.ч. от *метать*¹ *мечу* является омоформой по отношению к форме ед. ч. дат. пад. от существительного «меч». (Подробнее об омоформах в более ранней статье автора [5].)

Инфинитив на *-стать* тоже дает три схемы спряжения: первая (с [j]), третья (с *щ*), четвертая (с *н*). С четвертой схемой спряжения в рамках этой статьи мы сталкиваемся впервые. Она возникает только у глагола *стать* (*стать* — *стану, станешь, станет, станем, станете, станут*). У этого глагола при спряжении появляется *н*. (Подробнее об этом необычном глаголе в более ранней статье автора [6].)

Если же перед *-стать* в инфинитиве другие буквы, то возможна первая (с [j]) и третья (с *щ*) схемы спряжения. Если перед *-стать* — *а* (*-астать*), *и* (*-истать*), *р* (*-рстать*), *я* (*-ястать*), то схема спряжения — первая: *шастать* — *шастаю...*, *листать* — *листаю...*, *верстать* — *верстаю...*, *хрестать* — *хрестаю...* Если перед *-стать* — *е* (*-естать*) и *ы* (*-ыстать*), то схема спряжения — третья: *хлестать* — *хлещу...*, *хлобыстать* — *хлобыщу...*

Итак, подведем итоги.

Первая схема спряжения (с [j]) бывает, если инфинитив оканчивается на *-атать*, *-итать*, *-лтать*, *-утать*, *-чтать*, *-ытать*, *-ботать*, *-лотать*,

-мотать, -ротать, -хотать, -ветать, -летать, -метать, -нетать, -четать, -астать, -истать, -рстать, -ястать.

Вторая схема спряжения (с *ч*) бывает, если инфинитив оканчивается на *-ячать, -готать, -котать, -мотать, -потать, -хотать, -ептать, -оптать, -хтать, -бетать, -метать, -нетать.*

Третья схема спряжения (с *щ*) бывает, если инфинитив оканчивается на *-тять, -ветать, -жетать, -нетать.*

Четвертая схема спряжения (с *н*) есть только у одного глагола — «стать».

Литература

1. *Голуб И.Б.* Стилистика русского языка. Изд. 6-е. М., 2005. С.288.
2. *Ручимская Е.М.* Флексии глаголов письменного варианта русского языка. Их омонимия и синонимия // Перевод как вид посреднической деятельности в межкультурной коммуникации: научные труды Четвертой международной научно-практической конференции. 11 апреля 2012 г. М. МАИ, 2012. С.190–196.
3. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М., 1955. Т.1.
4. *Еськова Н.А.* Краткий словарь трудностей русского языка: Грамматические формы. Ударение. М., 1994. С. 162.
5. *Ручимская Е.М.* К вопросу об омонимии на уровне слов и на уровне морфов в естественных языках // Ученые записки РГСУ. 2008. № 3. С. 106–110.
6. *Ручимская Е.М.* Спряжение односложных глаголов на *-ать* в русском языке // Русская речь. 2017. № 2. С.56–59.

Москва

Вопросы в споре и их классификации

© НГУЕН ТХИ ТХУ

Как и в любом виде коммуникации, ведущая роль в споре принадлежит именно вопросу, посредством которого задается общее направление или предмет спора. Статья посвящена проблеме классификации вопросов в споре. Подробно рассмотрены виды вопросов, которые позволяют влиять на темп и сценарий дискуссии, получить необходимую информацию, повлиять нужным образом на собеседника и аудиторию, присутствующую при споре. Показана роль вопросов в споре, как они используются для достижения победы и какие из них употребляются наиболее часто.

Ключевые слова: спор, классификация вопросов, закрытые, открытые, риторические, переломные, зеркальные вопросы.

DOI: 10.31857/S013161170001619-9

Asking questions is one of the most powerful – and often misused – tools for professionals in dispute resolution settings. This paper provides a multifaceted classification of questions in disputes. Defining the types of questions allows participants to influence the temp of discussions, get necessary information and win the audience perfectly. When you are dealing with high-conflict clients, it is especially important to consider the timing of different types of questions and also to know what questions you should never ask.

Keywords: dispute, classification of questions, closed, open, rhetorical, critical, mirror questions.

«Хочешь быть мудрым – научись разумно спрашивать...».

Йоганн Каспар Лафатер

Спор – это обсуждение противоречий, в котором каждая из сторон стремится отстоять свое мнение. В споре необходимо точно определить основные понятия и таким образом убедиться, что вы с оппонентом спорите об одном и том же. Важно аргументировать свою позицию и требовать того же от оппонентов, внимательно слушать последних и стараться понять их тезисы и аргументы.

В любом споре уточнение позиции оппонента и накапливание информации для собственной аргументации осуществляется с помощью вопросов. Вопрос – это способ вовлечения в разговор, инструмент активного получения информации, средство переключения мыслей в нужном

направлении. Кроме того, вопросы тоже являются мягким способом предотвращения конфликтов. Чем лучше вопрос, тем больше вероятности ответа на него. В любом споре тот, кто умеет задавать «острые вопросы» и попадать в точку, может управлять беседой.

Вопрос — ключевой компонент в деловом общении, споре и полемике. Умение своевремененно и корректно задать «правильный» вопрос — искусство. Такой вопрос — это уже половина ответа. С помощью вопросов можно многое прояснить, но и многое запутать, если тактика ведения спора этого потребует. Каверзный вопрос может высветить слабые стороны позиции оппонента, заставить его привлечь для обоснования своего тезиса дополнительные доводы.

С помощью вовремя заданного остроумного вопроса можно быстро победить надуманность и претенциозность аргументации оппонента, выпренность и излишний пафос ораторской речи соперника. Вопрос может дать пищу для размышлений и выводов. Точно ответив на конкретный вопрос, можно снискать уважение слушающих, укрепить их уверенность в том, что они имеют дело с компетентным человеком, экспертом в обсуждаемой проблеме. С другой стороны, точный вопрос к собеседнику может проиллюстрировать, что его громогласные заявления не совсем стыкуются с тем, что он представил в качестве ответа.

Таким образом, вопросы — часть тактики делового общения. С их помощью можно усилить давление, переакцентировать спорное положение, навязать противнику свои способы и методы ведения дискуссии. Многого можно добиться, если умело пользоваться вопросами и умело отвечать на них.

Существует несколько классификаций вопросов. Наиболее распространены классификации по следующим основаниям: семантике, функциям, структуре, отношению к обсуждаемой теме, отношению к адресату [1]. Перечислим основные типы вопросов по форме и цели.

Типы вопросов по форме, по мнению П. Мицича, бывают: закрытые, открытые, альтернативные, зеркальные, эстафетные, риторические и прочее [2].

Рассмотрим их подробно.

1. **Закрытые вопросы** предполагают получение однозначных ответов, например, *да* и *нет*. Они особенно актуальны, если необходимо однозначно установить наличие чего-либо в настоящем, будущем или прошлом.

Приведем диалог Ипполита Матвеевича и продавца из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев»:

«— Что вы хотели?

— Средство для волос.

— Для рашения, уничтожения, окраски?

— Какое там рашение! <...> Для окраски» [3. С. 19].

Или диалог Остапа Бендера с Ипполитом Матвеевичем:

«— Сколько было стульев?

— Дюжина. Гостиный гарнитур» [С. 26].

Примеры закрытых вопросов можно найти в популярных телепередачах. Например, в ток-шоу «Пусть говорят» преобладают закрытые вопросы, требующие точных утвердительных или отрицательных ответов: «Вы считаете, что должен у дочери быть выпускной?»; «Елена, это ваши фотографии?»; «Скажите, вы замужем?».

Однако следует помнить, что злоупотребление закрытыми вопросами создает в беседе напряженную атмосферу, так как они концентрируют мысли собеседника в одном, установленном вопрошающим, направлении. Как, например, в диалоге Е. Енина с Е. Ройzmanом:

«— Женья, наркосодержащие соли для ванн — это те порошки, рекламой которых увешаны все стены в городе? Мы сейчас об этом говорим?»

— Да, именно об этом» («Стенд». ТК «Четвертый канал». 2010. 5 февр.).

Закрытые вопросы ведут к созданию напряженной атмосферы беседы, даже могут загнать соперника в тупик (если это намерение говорящего), поскольку резко сужают «пространство для маневра» отвечающего. В постановке таких вопросов заключена опасность, что у противника сложится неприятное впечатление, будто его допрашивают «с пристрастием». Центр тяжести спора смещается в сторону спрашивающего, вследствие чего собеседник лишается возможности обстоятельно высказать свое мнение, как, например, в диалоге Остапа Бендера с Ипполитом Матвеевичем:

«— Тепло теперь в Париже? <...>

— Что за чепуха! ... Я приехал не из Парижа, а из...» [С. 24].

Следует отметить, что такие закрытые вопросы рекомендуется задавать не тогда, когда нужно получить какую-либо информацию, дополнительные объяснения, а только в тех случаях, когда необходимо ускорить получение согласия или подтверждение ранее достигнутой договоренности.

2. Открытые вопросы, напротив, требуют какого-то развернутого объяснения, на них нельзя односложно ответить «да» или «нет». При их построении используются слова «что», «кто», «как», «сколько», «почему». Вопросы такого типа позволяют получать развернутые ответы. Но, задавая их, необходимо внимательно следить за тем, чтобы не потерять в такой ситуации контроль над ходом беседы.

Например: «Способно ли общество оценить талантливых людей? И как складывается жизнь людей, которые не могут назвать себя талантливыми? И, наконец, как складываются отношения талантливых и неталантливых людей в нашей сегодняшней реальности? Вот обо всем этом мы и поспорим сегодня в нашей “Культурной революции”» (Швыдкой М. «Культурная революция». ТК «Культура». 2011. 9 дек.). Можно сформулировать проблемный вопрос, который заставит аудиторию задуматься.

Смысл открытого вопроса состоит в том, что вы предоставляете своему собеседнику или оппоненту возможность высказаться, говорить долго и обстоятельно. Это говорит, в свою очередь, о том, что вы уважаете собеседника и даете возможность ему изложить свою точку зрения, разрешаете

свободно говорить и принимать свое решение. Как, например, при знакомстве Остапа Бендера с Ипполитом Матвеевичем:

- «— А кто вы такой? Зачем вы сюда приехали?
- Ну, приехал из города N по делу.
- По какому делу?
- Ну, по личному делу» [С. 25].

3. **Альтернативные вопросы** предоставляют собеседнику возможность выбора, при этом их основным компонентом чаще всего является союз «или»: «Какой день недели вас больше всего устроит: понедельник или вторник?»; «Какой цвет вас интересует: желтый или красный?». Число возможных вариантов, однако, не должно превышать трех. Альтернативные вопросы предполагают быстрые на них ответы, как при допросе Остапом Бендером Ипполита Матвеевича:

«— Вы через какую границу? Польскую? Финляндскую? Румынскую? <...>

— Честное слово, <...> я подданный РСФСР. В конце концов, я могу показать паспорт...» [С. 24].

4. **Зеркальные вопросы** состоят в повторении с вопросительной интонацией части утверждения, только что произнесенного собеседником, чтобы заставить его увидеть свое утверждение с другой точки зрения. Такое происходит в споре Ипполита Матвеевича с отцом Федором:

- «— А чье же это имущество? <...>
- Это национализированное имущество.
- Национализированное?
- Да-с, да-с, национализированное. <...>
- Кем национализировано?
- Советской властью! Советской властью!
- Какой властью?
- Властью трудящихся» [С. 42].

Такое же явление наблюдаем и в современном споре В. Жириновского с В. Соловьевым:

«— У нас низкие пенсии!

— У нас низкие пенсии? И у вас тоже?» («Поединок». ТК «Россия 1». 2011. 4 нояб.).

Здесь следует говорить о зеркальных вопросах как об однополюсных. Это всего лишь повторение вашего вопроса собеседником в знак того, что он понял, о чем идет речь. Он повторяет вопрос и лишь затем дает ответ. Результат такого вопроса двоякий: у вас складывается впечатление, что ваш вопрос правильно понят, а отвечающий получает возможность тщательнее обдумать свой ответ, как в диалоге Виктора Скурихина с матерью:

«— Да что ты причитаешь? Всё же хорошо, живой и здоровый.

— Да где же ты здоровый-то? Миленький ты мой сыночек!» («Пусть говорят». 2017. 5 апр.).

Зеркальный вопрос позволяет создавать в беседе новые элементы, придающие диалогу новый смысл. При этом не противореча собеседнику и не опровергая его утверждений.

Вопросы, начинающиеся с «почему», не являются зеркальными, поскольку они обычно вызывают либо защитную реакцию, либо оговорки, либо поиски мнимых причин... Они исключаются из числа зеркальных вопросов.

5. **Эстафетные вопросы** направлены на опережение. Они требуют способности схватывать на лету реплики партнера и провоцировать его на дальнейшее раскрытие позиции: «Этим вы хотите сказать, что...?»; «Наверное, из этого следует, что...?».

6. **Риторические вопросы** являются вопросами по форме, но утверждениями по сути. Риторический вопрос, риторическая фигура – это утверждение, оформленное как вопрос. На эти вопросы не требуется прямого ответа, так как их цель – вызвать новые вопросы и указать на нерешенные проблемы или обеспечить поддержку нашей позиции со стороны участников беседы путем молчаливого одобрения. Всем известно, что такие вопросы, с их вопросительной структурой и интонацией, заданные не с целью получить ожидаемый ответ, а с намерением привлечь внимание, как в стихотворении Пушкина «Клеветникам России»: « – Иль нам с Европой спорить ново? Иль русский от побед отвык? Иль мало нас?...»

Риторический вопрос применяется для усиления выразительности (выделения, подчеркивания) той или иной фразы. Характерной чертой для этих оборотов является условность, то есть употребление грамматических форм и интонации вопроса в случаях, которые, по существу, ее не требуют: « – Как? Засадить в стул бриллиантов на семьдесят тысяч?! В стул, на котором неизвестно кто сидит?!..» [С. 12].

Приведем примеры вопросов к аудитории, вопросно-ответных единств:

« – И мы имеем наглость думать, что люди – реальная угроза для этого прекрасного маленького синего шарика, который просто крутится вокруг солнца? Планета пережила вещи намного хуже, чем мы. Землетрясения, вулканы, падения метеоритов, перемена полюсов. И мы думаем, что какие-то алюминиевые банки и пластиковые мешки разрушат планету?» (Карлин Дж. Монолог «С планетой всё в порядке». URL:<http://www.youtube.com/watch?v=MXTBotdauPo> (дата обращения: 29.04.2012);

« – Почему смертельно большой человек должен мучиться? Почему он не может уйти из жизни без страданий?» («Стенд». ТК «Четвертый канал». 2010. 4 апр.).

Риторические вопросы служат для более детального рассмотрения проблем. На эти вопросы не даются прямые ответы, так как их цель – вызвать новые вопросы и указать на нерешенные проблемы или обеспечить поддержку вашей позиции со стороны участников спора путем молчаливого

одобрения. Например: «Сможем ли мы считать подобные явления нормальными?»; «Ведь мы придерживаемся единого мнения по данному вопросу?»

Типы вопросов по цели. Н. Энкельман, немецкий исследователь проблем лидерства, классифицировал по шести моделям: переломные, контрольные, встречные, подтверждающие, ознакомительные, провокационные вопросы [4].

1. **Контрольные вопросы** важно задавать во время любого разговора, чтобы выяснить, слушает ли вас собеседник, понимает ли он вас или просто поддакивает:

- «— Что вы об этом думаете? А что вы можете сказать по этому поводу?»
- Вы со мной согласны?
- Какой выход вы видите из ситуации? Что с ним делать?» («Пусть говорят». 2017. 5 апр.).

Наиболее простые контрольные вопросы: «Что вы об этом думаете?»; «Считаете ли вы так же, как и я?»; «Не находите ли вы, что речь идет о стоящем деле?».

По реакции собеседника нетрудно будет понять, следит ли он за мыслью оппонента. Если при ответе на контрольный вопрос проявится неприятие или непонимание, придется вернуться немного назад.

2. **Подтверждающие вопросы** задают, чтобы найти взаимопонимание. Как говорится, если ваш собеседник пять раз согласится с вами, то на решающий шестой вопрос он не станет возражать. В любой разговор нужно вкраплять подтверждающие вопросы и всегда делать акцент на том, что связывает, а не на том, что разделяет, например: «Вы, наверное, тоже рады тому, что... ?»; «Если я не ошибаюсь, вы считаете, что ... ?» [5].

Приведем беседу Т. Толстой и Д. Смирновой с К. Собчак:

«— В одном из интервью вы как-то сказали, что по своим политическим взглядам вы консерватор, почему?»

— Вы знаете, я далека от политики, это не то, чем я занимаюсь и на сегодняшний день хочу заниматься.

— Но тем не менее вы по образованию политолог?

— Да. Я специалист-международник.

— Вы обладаете определенным темпераментом, вы создали свое общественное движение, так?

— Да, это верно» («Школа злословия». ТК «НТВ». 2008. 5 февр.).

Если вы хотите в полной мере проявить мастерство ведения беседы, то должны время от времени вставлять удостоверяющие замечания, потому что ничто так не порадует вашего собеседника, как его собственная правда.

3. **Ознакомительные вопросы** позволяют составить представление о мнении собеседника. Это открытые вопросы, на которые невозможно ответить односложно. Пример из беседы В. Познера с Т. Толстой:

«— Я вот хотел вас спросить: как вы думаете, что изменилось за эти последние десять лет в стране и в головах людей?

— Знаете, я как человек, заставший советскую власть, вижу, что возвращается то состояние, которое мы называли “совок”...

— Если бы вас спросил человек, плохо понимающий реалии русского языка, все-таки что такое “совок”? Что бы вы ответили?

— Это такая система мысли, при которой огромная масса населения не умеет и не знает, как чувствовать себя свободным гражданином своей страны. И вообще личностью, обладающей чувством собственного Достоинства» («Познер». ТК «Первый канал». 2011. 19 дек.).

4. **Встречные вопросы** являются искусным психологическим приемом и ведут к постепенному сужению разговора. Хотя, в общем, невежливо отвечать вопросом на вопрос, однако встречный вопрос является искусным психологическим приемом, например: «Сколько стоит этот станок?» Ответ: «А сколько их вы хотите закупить?» Вопросы подобного рода подводят собеседника все ближе к тому моменту, когда он скажет окончательное «да».

«— Сколько пациентов может принять ваша клиника?

— А какую сумму может выделить клинике бюджет?» («Новости ». ТК «Студия 41». 2011. 3 июня).

5. **Провокационные вопросы** нужны, чтобы создать для собеседника психологически дискомфортную ситуацию, показать таким образом слабость его позиции, или просто привести его в замешательство. Провоцировать — означает бросать вызов, подстрекать. Кто задает провокационный вопрос, должен осознавать, что это подстрекательство.

Между тем такие вопросы следует использовать в ходе беседы, чтобы установить, чего в действительности хочет ваш собеседник и верно ли он понимает положение дел: «Вы действительно считаете, что те меры, которые вы предпринимаете, принесут пользу?»; «Вы уверены, что то, что вы делаете, реально может исправить ситуацию с ... ?»; «Совпадает ли то, что вы делаете, с вашими моральными принципами?».

6. **Переломные вопросы** поднимают целый комплекс новых проблем, если необходимо сменить тему, или, наоборот, удерживают беседу в строго установленном направлении, не допуская перехода к новой теме.

Их задают в тех случаях, когда уже получено достаточно информации по одному вопросу и участники хотят переключиться на другой или же когда, почувствовав сопротивление собеседника, пытаются его преодолеть. Если оппонент отвечает на такие вопросы, то обычно выявляются уязвимые места его позиции. Например: «Как вы считаете, нужно ли ...?»; «Как в действительности у вас происходит ... ?»; «Как вы представляете себе ... ?».

Например, в беседе Т. Толстой и Д. Смирновой с Н. Цискаридзе:

«— А книжки какие-нибудь вам в детстве читали?

– Да, но получилось так: в детстве я очень плохо ел. И няня придумала способ: она читала мне книги, а я открывал рот, видимо, пытаясь проговорить то, что слышал.

– То есть чтение, целая часть культуры, у вас шла вместе с едой?

– Да. Я до сих пор люблю слушать, когда ем. Без этого мне как-то неинтересно» [6].

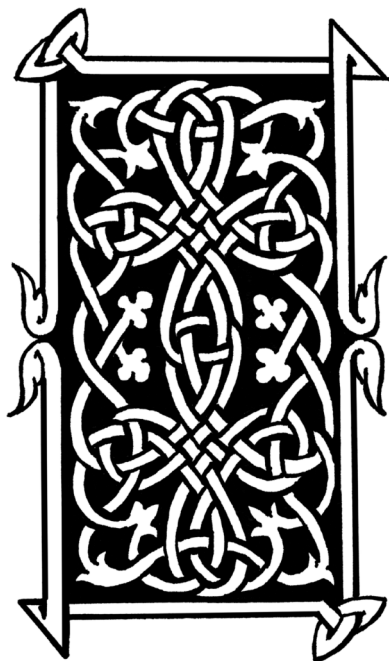
«Способность полемистов правильно формулировать вопросы и умело отвечать на них во многом определяет эффективность публичного спора. Верно поставленный вопрос позволяет уточнить точку зрения оппонента, получить от него дополнительные сведения, понять его отношение к обсуждаемой проблеме. Удачный ответ укрепляет собственную позицию полемиста. Вопрос переключает внимание на собеседника, делая его главным героем. Правильно заданные вопросы позволяют понять проблему и мышление собеседников, чтобы завоевать других и отстаивать свою позицию» [7].

Таким образом, вопросы – это особый вид логических понятий, особый «инструмент», который широко используется в практике спора. Множество их форм, типов и функций определяется той конкретной задачей, которую должен решить вопрос. Результативный спор – это всегда оказание влияния на собеседника, в частности, с помощью тщательно продуманных «правильных» вопросов. Недаром народная мудрость гласит: «Мудрый тот, кто умеет правильно задавать вопросы...».

Литература

1. *Костромина Е.А.* Риторика. Учебное пособие. М.–Берлин, 2014. С. 26.
2. *Мицич П.* Как проводить деловые беседы. М., 1987. С. 58.
3. *Ильф И., Петров Е.* Двенадцать стульев. М. 2005. Далее указ. только стр.
4. *Энкельман Н.* Молитвенник для шефа / Пер. с нем. М., 1993. С. 125.
5. *Шешко Н.Б.* Риторика. Минск, 2007. С.241.
6. *Ильина О.В., Каблуков Е.В., Автохутдинова О.Ф.* Риторика. Краткий курс для журналистов. М., 2016. С.59.
7. *Введенская Л.А., Павлова Л.Г.* Культура и искусство речи. Современная риторика. Ростов-н/Д., 1998. С. 486.

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

«Подвизаяся на брани...»

*Образ Василька Константиновича Ростовского
в Степенной книге*

© Е. А. АНДРЕЕВА,
кандидат филологических наук

В данной статье рассматривается «Страдание князя Василько Ростовского», помещенное в VII степень Степенной книги. Василько Константинович был одним из первых русских князей, убитых монголо-татарами. В кратком житии рассматриваются последние дни жизни героя, пленение, мученическая кончина, обретение мощей и похороны в Ростове. Поступок Василько Ростовского (его нежелание покориться врагу, чтобы сохранить жизнь) стал примером для подражания, а сам князь на страницах произведения предстает смелым воином и мудрым правителем.

Ключевые слова: Древняя Русь, Орда, князь, страдание, мученик, святой.

DOI: 10.31857/S013161170001620-1

In this article the author writes about composition «The suffering of prince Vasilko Rostovskij» included into Stepenная book. Vasilko Konstantinovich was one of the first old Russian princes who was martyred by members of the Horde. The last days of his life, his captivity, the death, the invention of the reliquiae and funeral in Rostov are described in the martyrology. The prince is characterised as a brave fighter and a wise governor. Vasilko Rostovskij's action (his rejection of succumbing to an enemy in order to save his life) became an act to follow.

Keywords: old Russia, horde, prince, suffering, martyr, holy.

Основное содержание VII степени Степенной книги составляет корпус текстов, посвященных нашествию Батыева, пленению русской земли и повествованию о святых князьях-мучениках. В первой главе сообщается о появлении Батыевой рати на рубежах Руси. В четвертой главе книжник рассуждает о том, «кто възможесть сказати богопопустный гнѣвъ Божию с наказаниемъ иже на Русьскую землю». В пятой, седьмой и восьмой главах рассказывается о событиях, предшествовавших поражению русских войск на реке Сити и о природных знамениях, предвещающих несчастья. Глава девятая «О гнѣвъ Божию и о нахождении безбожнаго Батыева рати на Русьскую землю» повествует о том, как появилась на русской земле Батыева рать и как безжалостны были ордынцы по отношению к врагам. Незнакомый и чуждый народ, имеющий свои непонятные христианину обычаи, подробно описан древнерусским книжником. Главы с десятой по двенадцатую рассказывают о гибели от рук татаро-монголов Георгия Всеволодовича, тринадцатая – о страдании князя Василька Ростовского, а четырнадцатая – о гибели в Орде Михаила Черниговского. Три упомянутых князя признаны церковью святыми, они же являются первыми русскими князьями-мучениками от рук ордынцев. И если Георгий Всеволодович погибает как воин на поле сражения, то Василько Ростовский и Михаил Черниговский были намеренно убиты врагами, но по разным причинам.

Остановимся подробно на 13 главе, которая носит название «Страдание блаженнаго князя Василька Ростовскаго». По жанровому признаку этот текст – краткое житие, житие-мartyрий, рассказывающее исключительно о последних днях жизни святого. Пленение и смерть героя становятся основным содержанием произведения. Определение жанра памятника древнерусским книжником как «страдание» не случайно. Именно так названы четыре из пяти текстов, посвященных гибели русских князей (Георгия Всеволодовича, Василька Ростовского, Романа Рязанского и Михаила Тверского) в Орде.

Житие-мartyрий имеет четко организованную структуру и делится на несколько эпизодов:

- 1) Василько Константинович Ростовский попадает в плен,
- 2) отказ князя покориться врагу,

3) осознание приближающейся гибели и молитвы к Богу (внутри этого эпизода автор выделяет 2 молитвы и благодарение Богу),

4) мученическая кончина,

5) обретение тела,

6) погребение тела в Ростове,

7) краткая характеристика покойного князя (некролог).

С первых строк текста Батыево воинство предстает как единое целое, это собирательный образ, среди монголо-татар нет ярких персонажей, все они охарактеризованы односторонне и отрицательно. Они названы «безбожными», «противными» (враждебными), «проклятыми», а все детали, сопровождающие их, также получают негативную характеристику: «поганая вера», «скверный обычай», «богомерзкий обычай», «беззаконное повеление», «безбожная прелесть» (обман, обольщение). Все, что они предлагают русскому князю, «брашно» и «питие», «вся бо скверна суть» [1. С. 501]. Татары хитры и расчетливы: сначала они видят в ростовском князе только серьезного противника, поэтому «жива руками яша и ведоша его въ станы своя с великою нужею», они не расправляются с ним сразу же, а ведут в свой лагерь. Дойдя до Шеренского (Шернского) леса, ордынцы наконец разглядели неординарного противника, а сильного, смелого воина, поэтому «начаша увѣщевати и ово ласканиемъ, ово прѣщениемъ къ свои ... вѣрѣ и с ними купно воевати». Враги используют разные способы, чтобы склонить противника на свою сторону: то обольщают ласковыми словами, то угрожают расправой.

Князь Василий, или как его называют в текстах летописей и Степенной книги Василько (с древнегреческого Βασίλειος, от βασιλεύς «царский, царственный») Константинович Ростовский, внук Всеволода Большое Гнездо, участник различных военных походов, в том числе против поволжских народов и болгар, принимал активное участие в битве с ордынцами на реке Сити, во время которой и был взят в плен. Его дядя, Георгий Всеволодович, погиб во время битвы, а его жена, Мария Михайловна, была дочерью замученного в 1246 году в Орде Михаила Всеволодовича Черниговского. Уже в начале «Сказания» появляется характеристика князя, выделяются такие особенности, как «възраста величество», «красота взора» и «мужьственная храбрость». Таким его видят враги и поражаются: перед ними статный, мужественный воин. В следующем эпизоде станет ясно, что он непреклонный противник и хороший оратор. Прямая речь, встречающаяся в тексте, — это именно его слова, татары охарактеризованы посредством авторской характеристики (подбор эпитетов), через свои поступки. Василько Ростовский произносит пламенную речь, объясняющую его нежелание и невозможность перейти на сторону врага. Князь отрицает возможность того, что высшие силы помогают ордынцам. Бог, с его точки зрения, на стороне русского воинства, несмотря на победу монголо-татар на реке Сити. Поражение русских — это предупреждение, наказание за грехи, возможность пройти испытания и очиститься, войти

в царство Божие. Василько Константинович резок в выражениях, называет врагов «окаанными», «злым царством, темным и сквернавым (нечистым, нечестивым, греховным, порочным)». В его речи эпитет «сквернавый» / «скверный» антонимичен определениям «праведный», «верящий» в отношении русских людей. Князь резко противопоставляет две стороны конфликта: захватчиков-ордынцев и защитников-русских. Эти слова ярко характеризуют его позицию. Василько Ростовский понимает, что с ним произойдет, осознает, что он так же грешен, как и его соратники, но признается, что никакие муки не смогут «отлучити отъ вѣры христьянска». Врагам он грозит страшными мучениями «в негасимомъ огни въ вѣки бесконечныя», за то что те погубили множество невинных людей. Разозленные до крайней степени татары (это подчеркивается метафорой «скрежетаху на нь зубы своими») мечтают расправиться с ненавистным им врагом — «насытитися крови его, и муки готовляху ему». Злодеяние монголо-татар, таким образом, не спонтанный поступок, совершенный в порыве гнева, они раздумывают, изощренно выбирают способ казни, прежде чем приступить к расправе.

Выбор ордынцами способа наказания отсрочивает казнь и дает возможность автору описать состояние героя и включить в повествование молитву. Несмотря на решимость, с которой Василько Константинович произнес свою речь, лицо его было «уныло отъ многого томления и неядения» [Там же], князь плачет, но, как и полагается святому, не оттого, что страшится смерти, а оплакивает свои грехи. В молитве много обращений к Всевышнему: «Господи, Боже мой; Господи Иисусе Христе; Господи Боже Вседръжителю; Превѣчныи Царю; Сыне Божии, Вседръжителю» [С. 502]. Начиная говорить о себе и о своих прегрешениях и прося помощи Господа избавить его душу от «плотоядец сихъ» (неясно, что имеет в виду персонаж: несоблюдение ордынцами поста и поедание мяса или же издевательства над плотью, телом), Василько Константинович молит о прощении. Он просит наказать врагов «иже Тебе, истиннаго Бога, не знающихъ» и помочь всем христианам, а далее упоминает наиболее близких себе людей: епископа Кирилла, своего духовного отца, супругу Марию, детей Бориса и Глѣба». Очень лирично сообщает герой о своем внутреннем состоянии накануне гибели: «яко память моего благоденствия желѣниемъ погибаетъ, и крѣпость тѣла моего увядаетъ, и прочее вся помышления сердца моего съкращаются». Речь идет о том, как герой с печалью, со слезами вспоминает о своей прежней жизни, чувствует, что силы постепенно его покидают и в преддверии смерти все сомнения, все желания постепенно угасают. Последнее восклицание князя — это слова человека, готового принять мученический венец: «В руцѣ Твои приими духъ мои, да и азъ почию въ славѣ Твоеи».

Сразу же после молитвы князь принял мученическую кончину, автор сообщает, что он подвергся многочисленным мукам, за что его мучители

были названы «свирепыми варварами». Подвиг князя трактуется как гибель за веру: «смерти предаша за исповѣдание Христово», хотя очевидна и его гражданская составляющая. Василько прежде всего отказывается служить ордынцам, что связано не только с тем, что монголо-татары иноверцы, но и с внутренними моральными установками князя, русского человека, защитника родной земли, служить завоевателям ради сохранения собственной жизни. Но уже с первых текстов о мученической гибели князей в Орде вопрос веры ставится во главу угла, так как преданность христианству подчеркивает святость героев.

Автор указывает точно день убийства Василька Константиновича — 4 марта «в четверток четвертыя недѣли Великаго Поста» [Там же]. В данной записи обращает на себя внимание повторение числа 4: 4 марта, четверг, четвертая неделя. В этом заключено, помимо точности и подробности, символическое значение: «Четверка ... считалась символом мира и материальных вещей и знаменовала собой статическую целостность, идеально устойчивую структуру» [2]. Герой, принявший мученическую смерть, устойчив и тверд в своем решении. Более того, действие происходит в четвертую неделю Великого Поста, неделю святого Иоанна Лествичника, показавшего высокий пример постнической жизни, давшего путь восхождения человека по лестнице души, что также подтверждает важность подвига Василька Константиновича.

Автор называет ростовского князя мучеником, «кровию мученическою омывъ своя сѣгрѣшения» [С. 502]. Но тело его оказывается непогребенным, оставленным в лесу. История его обретения такова: некая богобоязненная женщина Мария увидела его и рассказала об увиденном мужу, поповичу Андреяну, который накрыл тело плащаницей и оставил в «сокровенном (тайном) месте». После того как об этом узнали епископ Кирилл Ростовский и княгиня, тело было перенесено в Ростов. Уже около города навстречу гробу выдвинулась процессия людей «жалостныя слезы испущающе» [Там же]. Василько Константинович был похоронен в церкви святой Богородицы (речь идет о церкви Успения Пресвятой Богородицы) рядом с матерью.

В некрологе, служащем «похвалой» ростовскому князю, автор использует хвалебный эпитет (блаженный князь) единожды, а в большей степени описывает облик и характер героя с помощью оценочных единиц: «лицемъ красен», «очима свѣтель и грозень взоромъ», «паче мѣры храборъ», «сердцемъ легок», «боголюбивъ и нищелюбивъ», «излише любовень и ласковъ къ ...велможамъ», «мужество и доброумие в нем живяша», «правда истинна с нимъ жохаста» [С. 502–503]. Среди качеств Василька Константиновича выделены его храбрость, боголюбие, доброта, любовь к истине — качества надежного воина и хорошего князя. Говорится отдельно о его христианских добродетелях: почитании священнического чина и соблюдении заповедей. Особенно выделены и

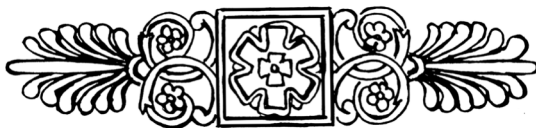
гражданские добродетели через систему сравнений: «сырымъ бысть яко отец, алчующимъ — кормитель, нищимъ — промысленикъ (заступник), печальнымъ — великое утѣшение» [Там же]. Его княжеское благолепие подчеркивается фразой о том, что никто из служащих ему не мог уже принять никого иного в роли князя и служить ему с теми же усердием и любовью. Автор заканчивает некролог мыслью о том, что Василько Константинович достоин восхваления не только от людей, но и от Бога. Эти слова еще раз подчеркивают святость героя и праведность совершенного им подвига: герой жертвует жизнью ради правды, оставаясь верным себе, своему народу, христианской вере.

«Страдание блаженнаго князя Василка Ростовскаго» заканчивается не некрологом герою, но рассказом о дальнейших действиях ордынцев, что является вполне символичным. После взятия Торжка войска Батыея подошли к Козельску, который осаждали семь недель, а оборону города держал князь по имени Василий. Последствия осады для монголо-татар были удручающими: они потеряли четыре тысячи воинов. За эту потерю они «не пощадиша никого же» [С. 503]. Жители города Козельска — это еще один пример стойкости, нежелания покоряться врагу и мученичества. Судьба их — это повторение судьбы Василька Константиновича, он для них пример того, что нужно сражаться до конца, не бояться мучений телесных, ибо подвиг делает их святыми мучениками. Так автор показывает, что история Василька Ростовского — не единственный случай, это лишь один из ярких примеров сопротивления врагу и смирения перед Божьей волей.

Василько Константинович Ростовский стоит в ряду князей, принявших мученическую кончину от рук монголо-татар, при этом его поступки индивидуализированы: он отказывается не просто принимать веру врагов, но и служить им, чтобы спасти свою жизнь. Герой наделяется прямой речью, характеризующей его как верного христианина и защитника сограждан. Образ ростовского князя должен был послужить примером того, как должен вести себя смелый воин и мудрый правитель перед лицом гибели, это образец, которому последуют другие князья-мученики эпохи монголо-татарского ига.

Литература

1. Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. М., 2007. Т. 1. Далее указ. только стр.
2. Кириллин В.М. Символика чисел в литературе Древней Руси (XI–XVI вв.). СПб., 2000. С. 30–31.

Военные сочинения Ф.И. Дмитриева-Мамонова

© М. Ю. ОСОКИН,

кандидат филологических наук

Два военных сочинения бригадира Ф.И. Дмитриева-Мамонова «Эпистола от генерала к его подчиненным» (1770) и «Правила офицеру» (1771) имеют разные источники. Первое представляет собою зарифмованные воинские инструкции с отрывками из трактата маркиза Себастьяна Вобана «Об атаке и обороне крепостей» и излагает воинское искусство от наступлений и растагов до фортификации и взятия крепостей. Вторая книжка более автобиографична и учит офицеров, как продолжать военную службу и добиваться чинов, не участвуя в баталиях.

Ключевые слова: XVIII век, Ф.И. Дмитриев-Мамонов, Себастьян Вобан, эпистола, военные сочинения, источник, биография.

DOI: 10.31857/S013161170001621-2

Two military books published by Brigadier General F.I. Dmitriev-Mamonov, «Epistle From A General To His Subordinate» (1770) and «Rules for officers» (1771), have come from different sources. The first one has been rewritten in verses of military instructions in addition of some parts of Sébastien Vauban's treatise «De L'Attaque et de la Defense Des Places» and it describes the art of war from advance and halts to fortification and capture of a fortress. The second book is more autobiographical and it advises military officers how to be success in their career path and to get promotion without any participation in combat.

Keywords: XVIII century, F.I. Dmitriev-Mamonov, Sébastien Vauban, epistle, military works, source text, biography.

В 1772 году отставной бригадир Ф.И. Дмитриев-Мамонов, подписывавший свои литературные сочинения псевдонимом Дворянин-философ, опубликует в прибавлении к «Московским ведомостям» нумерованный список тезисов семнадцати рукописных «философических книг без имени Автора», сочиненных «на Российском языке» и находящихся у него в доме [1]. Тезисы содержат резонерские «рассуждения о разных материях»

на манер популярных сборников моралистов и выглядят как набор максимум, основанных на разных литературных приемах, видах логических рассуждений или типах риторических высказываний: притча, сравнение, аналогия, афоризм, апофегма, каламбур, аллегория. Принято было считать, что этих «письменных книг» не существовало, что список «имитирует названия книг» [2] и представляет собою «паренезу, облеченную в форму книжного каталога» [3]. В предположении, что Мамонов использовал газету для публикации своих изречений, нет ничего невероятного: оригинальные сочинения за счет авторов печатались в частном порядке в прибавлениях, но тем более нет ничего невероятного в том, что все 17 тезисов отсылают к ранним рукописным сочинениям Мамонова, которые предстоит разыскать.

Во-первых, газеты постоянно использовались для рекламы книг, объявления о продаже книг в «Московских ведомостях» составляют 50% всех объявлений о продаже. По подсчетам И. Карповой, в «Московских ведомостях» было размещено 2376 (с учетом повторов 6554) объявлений, так или иначе связанных с продажей печатных изданий; в 1756–1789 годах 200 человек подали в газету 1141 объявлений (с учетом повторов – 3283) о продаже книг [4].

Во-вторых, объявление заканчивается предложением: «Желающие оныя книги переписать чистою и хорошею рукою, на многое число экземпляров, для раздачи безденежно любителям наук, могут явиться в оном [г-на бригадира] доме у дворца Экертова». Дмитриев-Мамонов, использовавший газеты для хозяйственных целей, поиска семейных реликвий и рекламы своих коллекций (всего, по моим подсчетам, с 1769 по 1773 год он разместил в петербургской и московской газетах более десятка объявлений), этим «известием» зазывал публику в свой московский дом на Мясницкой улице, где устроил музей со «всеми зримой библиотекой», а значит, должен был суметь предъявить эти книги.

В-третьих, ему были свойственны титаническая графомания и страсть к изготовлению рукописных книг, а принципиальная анонимность («без имени Автора») разъяснена в предисловии к переведенной им «Любви Психеи и Купидона» Ж. де Лафонтена – первой изданной им книге, которую он сопроводил собственной аллегорией «Дворянин-философ»: «Но да отпустят мне все г. Стихотворцы, Писатели, Читатели, Переводители, что я не полагаю своего имени, при начале сего моего перевода. Причина тому есть та, что я великую охоту имею сочинять и писать, но не желаю слыть ни стихотворцом, ни писателем, ни переводителем. Не для того, чтобы я не почитал оныя свойства весьма славными, всем пылающим разума, но для того, что я родился нетщеславен» [5].

Наконец, в-четвертых, «философические книги» пересекаются по содержанию с известными сочинениями Мамонова, в том числе с двумя

напечатанными анонимно в начале 1770-х годов книгами: «Эпистолой от генерала к его подчиненным» [6; далее – «Эпистола»] и «Правилами, по которым всякой офицер следуя, военную службу с полным удовольствием продолжать может» [7; далее – «Правила»]. Им корреспондируют максимы о благородстве в чинах и о храбрости. 13-я философическая книга («Речь военного человека, с параграфом: я никогда не оставлял моей шпаги, для того, что знаю как употреблять ея») соотносится с «Эпистолой», которая имеет подзаголовок «Генерал в поле со своим войском» и представляет собой речь, обращенную к младшим чинам. Тезис 1-й рукописной книги сформулирован так: «Непросвещен тот человек, который почитает свой чин выше своего лица. Он, удивляясь своему чину, мыслит, что и всем есть то ж удивление. Благородно рожденный человек во всех чинах, во всех щастиях и нещастиях, бывает всегда таков же, всегда бывает неприменен». Тут, вероятно, закамуфлирован выпад против скоропостижно выслуживших дворянство: дворянин по крови заслуживает чин и воспринимает его как естественное приложение к своему званию, недворянин же наследует «подлое» отношение к чину, поэтому не успевает привыкнуть к своему состоянию, удивляется ему и думает, что так же его воспринимают другие. Это, однако, не отрицание пользы петровской табели о рангах, а наблюдение, которое надо читать в контексте другого мамоновского наблюдения, завершающего «Правила»: «...благодетельной человек всегда постоянен, а напротив того порочной всегда трус» [7. С. 31], где добродетель, конечно, связывается с благородным происхождением. В 10-й философической книге говорится: «Муж, который добровольно приемлет на себя вид и должность жены в нехрабрости, есть гнусен пред очми разума, и паче еще когда то делает муж престарелой». Эта антитеза «муж/жена» в отношении к храбрости встречается в «Эпистоле»:

Но свойство умереть в покое есть женам,
С оружием умереть есть свойство всем мужам [6. С. 4].

О дезертирах там же сказано:

Но с бою кто уйдет иль в стан чужой, иль в крепость,
Такому мужем слыть, конечно, есть нелепость [Там же. С. 20].

Отношение Мамонова к службе вполне видно из этих двух произведений, опубликованных в начале 1770-х, а написанных, вероятно, на досуге после отставки во второй половине 1760-х. Именно так сочинялась рифмованная речь генерала:

Простите все мне то, которые б желали,
Чтоб мало оных строк войны б все описали:
То дело многих лет и труд есть предприимать,
Я здесь писал, себя хотел лишь забавлять.

Сей труд есть малых дней и мысли упражненны,
Мне зделали часы тем больше сокращенны [Там же. С. 31].

Именно так Мамонов будет описывать свой досуг в «Поэме Россия» (1773):

Пером означить мысль не труд мне – утешенье,
Мне вместо карт играть то времяпровожденье [8. Л. 12].

В «Правилах», жанр которых определен как «дружеское наставление», рассказывается о способах продвигаться в чинах и приобретать благосклонность начальства. Правила адресуются тем солдатам и офицерам, которые не получили хорошего воспитания, но хотят, тем не менее, делать карьеру. Без полезных качеств, дающихся воспитанием, – «добродетельной нрав, приятые обхождения и знание в науках» (они же «благонравие» и «светские обращения»), – военные обходятся чинами, доказывает Мамонов и подходит к предмету с двух сторон: описывает то, что может повредить, и полезные качества. В правилах объясняется, как компенсировать недостатки воспитания, приобрести навыки учтивости и благородного обхождения в знатных домах и с теми разумными людьми, которые выше чинами и знатностью; как скрасить «непригожую» наружность порядком в одежде и экипаже, последнему вопросу – форме и карете – уделено чрезвычайно много внимания, почти пять страниц [7. С. 7–10, 16].

«Правила» автобиографичны. Во-первых, они рассказывают, как молодой человек, не получивший систематического образования, может восполнить эти недостатки, важная роль тут отводится домашнему воспитанию, самообразованию и чтению книг [7. С. 29]. Во-вторых, они рассчитаны на мирное время: это руководство, как получать выгоды по службе, не участвуя в баталиях, через бесполезные на войне благонравие и светские обращения, почти правила полковника Скалозуба. Мамонов учился дома всем наукам и языкам. В 1739 году, с одиннадцати лет, был записан лейб-гвардии солдатом Семеновского полка [9. С. 191]. Он был потомственным семеновцем: в 1708–1709 годах этим полком командовал его дядя, Иван Ильич «Старшой»; другой его дядя Иван Ильич «Средний» Дмитриев-Мамонов, погибший при штурме шведской крепости Нотебург 11 октября 1702 года, был порутчиком лейб-гвардии этого полка; в том же полку служил его отец, Иван Ильич Дмитриев-Мамонов «Меньшой» (22.XI.1694–12.XII.1732). Дальнейшее образование Федора Мамонова – это самообразование со всеми свойственными ему следствиями: бессистемностью, но и оригинальной самостоятельностью воззрений. Позже он скажет о себе как о человеке, много лет «обращавшемся с книгами» [10. Л. 5]. Элитарный Семеновский полк с 1741 года, когда была битва со шведами близ Фридрихсгама, и за все время пока там числился Мамонов ни в каких военных кампаниях не

участвовал. Эта спокойная служба многих угнетала. Когда началась Семилетняя война (1756–1763), семеновские офицеры пытаются выбить командировки к действующим войскам, но успевали в этом единицы [см. об этом: 11]. Мамонову быстро давались чины, он дослужился до капитана-поручика, причем последний чин получил 25 ноября 1758 года по случаю дня вступления на престол Елизаветы Петровны [12]. 25 декабря 1761 года он по собственному желанию выпущен в заграничную армию в 3-й Нарвский пехотный полк, а там был произведен в полковники и стал его командиром [9. Т. 2. С. 73; 13]. Нарвский полк, в отличие от Семеновского, в начале Семилетней войны принимал участие в сражениях – 19 августа 1757 года при Гросс-Егерсдорфе, где потерял половину офицеров, еще через два года – в сражениях при Пальциге (12 июля 1759) и Кунерсдорфе (1 августа 1759), но Мамонову за годы службы в нем не пришлось воевать, разве что путешествовать. В 1763 году вместе с полком, квартировавшим в Курляндии, он участвует в торжествах по случаю приезда герцога Бирона, «когда его было вступление на трон» в Митаве [8. Л. 71 об.], а в 1764 году – в походе в Польшу, куда Екатерина отправила русские войска провозглашать королем Станислава Понятовского [10. Л. 44 об.]. В марте 1765 года, когда полковнику Мамонову исполняется 37 лет, он, воспользовавшись указом Петра III о вольности дворянства от 18 февраля 1762 года, выходит в отставку бригадиром, а Нарвский полк 19 апреля получает нового командира Василия Ушакова [14. С. 191]. В результате решающую роль в «Правилах» Мамонова играют две школы (домашнее воспитание и школа большого света) и два способа самообразования (чтение книг и знатные дома как училище хорошего вкуса). Общение со сверстниками вредно, ибо порождает неосторожность нравах (бесцеремонность, шутки, невежество), а со старшими и знатными – наоборот, полезно, главное быть при этом учтивым, а не болтливым и самовлюбленным. Дипломатично умалчивается, но подразумевается, что помимо навыка благородного обхождения учтивость с высшими чинами приносит иные дивиденды.

«Эпистола» менее автобиографична. Она рассказывает о военных кампаниях, осадах городов и даже о взятии крепостей, которые Мамонову брать никогда не приходилось, поэтому закономерно встает вопрос об источниках. Один цитатный слой составляют, как указывалось [Там же. С. 185–186; 15. С. 99–100], петровские указы и воинские инструкции, например, описание отношений генерала с подчиненными в терминах родства, с которого начинается эпистола – «Послушайте друзья, послушайте о дети, / Вам должно всем меня, отца вместо имети, / Мне должно вас любить как истинных детей» [6. С. 3], совпадает с черновым наброском Петра I – статьей, собственноручно прибавленной императором в 1722 году к Уставу Воинскому 1716 года: «Понеже

офицеры суть солдатам яко отцы детям, того ради надлежит их равным образом отеческим содержать; и понеже дети перед отцами суть безсловны во всяком послушании, полагая надежду свою на отцов со всем, чего ради отцы не дремотное попечение о их состоянии имеют, о их учении, пропитании и всяком снабдении...» [15. С. 99]. 17 ноября 1764 года утверждена «Инструкция полковничья пехотному полку», по которой все чины обязывались полковнику послушанием и повиновением; на нее указывалось как на возможный источник фрагмента «Эпистолы генерала» о почитании чинов:

Послушайте о вы! чины все рядовые,
Чтоб способ нам иметь победы таковые.
Вам должно все чины, которы старей вас,
Толико почитать, как око ваших глаз [6. С. 4].

Глава первая «О должности полковника вообще» начиналась следующим пунктом: «Главному в полку начальнику, то есть полковнику, все чины от первого до последнего подчиняются; он о всех и в полку произшествиях повседневно получает и словесные рапорты чрез майора или подполковника и соответствует во всех делах, что до службы касается, делать порядочные и соответствующие тому распоряжения, кои безпрекословно и без переговоров по самой точности от всех его подчиненных исполняемы быть должны» [14. С. 185–186].

Петр в представлении Мамонова законодатель и завоеватель, ему принадлежит заслуга привнесения порядка в российскую армию, которое обеспечило победы:

Почтение чинам душа всего порядка,
Премудры пчелы тем, что чтится в рое матка.
Как Швед порядок войск нас лучше наблюдал,
Он войска завсегда тем наши побеждал;
Но лучше их, когда порядок мы узнали,
Уж Шведы никогда пред нами не стояли.
Довольно уж в пример одной Полтавы здесь,
Свидетель дел ПЕТРА, и свет дивится весь [6. С. 5–6].

Здесь упомянуты события Северной войны: неудачная осада Нарвы и поражение русских войск (1700), после которого Петр взялся за реорганизацию армии, и победа русской армии под командованием Петра I над шведами в Полтавском сражении 1709 года. Мысли о субординации и послушании («Чин старший над таким, есть должен надзирати / Но чтите, чина чин, еще вещаю к вам» [Там же. С. 5]) могли иметь образцом книгу «Беспечный философ» Фридриха II Великого, переложенную в стихи Василием Майковым: «Чему детей своих Бог брани научает, / Скомкнувшись с тихостью во взводах чтоб стоять, / И очи устремя, к начальнику взирать, / Послушным быть ево велительному слову, / Внимая глас ево и

быть к всему готову. / Когда он что велит, тогда то исполнять, / К движению скорому себя приобучать» [16]. Возможно, «Эпистола» тоже задумывалась как сочинение автобиографическое, но собственного опыта не хватило, и тогда Мамонов сбивается на пересказ русского перевода трактата «О осаде и обороне крепостей» («De L'Attaque et de la Defense Des Places», 1737–1742) маркиза Себастьяна Вобана. Положение о том, что для осады нужно достаточно людей, чтобы окружить крепость, причем окружение выставляется дальше пушечного выстрела —

Так крепость естли кто намерен осадить,
Потребно толь людей, чтоб крепость окружить.
Но в отдаленности, чтоб пушка не вредила,
Под пушки кто придет, побита ляжет сила [6. С. 24] —

целиком заимствовано из четвертой главы вобановского трактата «О окружении мест»: «...окружение места учреждают таким образом, чтоб всем вдруг приступить к оному немного далее пушечного выстрела, где показываясь партиями со всех сторон, что вне города людей или скота найдут перенимать, или убивать должны» [17. С. 8]. Мамонов повторяет за Вобаном тезис о важности карт местности, в которую отправляется генерал с командой: «И тем мой инженер столь должен землю ведать, / Что карту точную стране той должен сделать» [6. С. 10], ср. в главе «О примечаниях к лутчему распознаванию крепостей»: «Ныне мало таких мест в Эвропе находится, с которых мы планов не имели, многие из таких планов уже напечатаны и в книжных лавках продаются <...> они во время атаки мест немалую пользу приносят. Чего ради по моему мнению как чертежей так и карт о положениях мест кругом крепостей пренебрегать не должно» [17. С. 19]. Оттуда же переходит терминология, введенная русским переводчиком трактата — будущим преподавателем геометрии и фортификации Шляхетного кадетского корпуса Иваном Ремезовым, например:

Тут *сапою* тебе уж должно есть иттить.
И составляя вал из множества снарядов,
Ты будешь скрыт и тем от всех ружей зарядов <...>
А в нынешние дни тут нет других машин,
Как *туры* и *мешки* и множество *фашин*,
И *мантелетами* от пуль щитятся градских [6. С. 27–28] —

это метризованное переложение следующего фрагмента: «Когда она [*саппа*] назначена <...> тогда приготавлиют на том месте, где она зачата быть имеет, *довольное число туров, фашин, песошных мешков, железных вил, крюков, чекмарей, [деревянных молотов] мантелетов* и протчего» [17. С. 39]. Совет разделить армию на две части «осаждающую» и «стерегущую», с тем чтобы одна занималась осадой, а другая слежением за врагом

(«*ходить* и *примечать*») заимствован из главы восьмой «О намерении и учреждениях к осадам». Его стихотворная версия:

И в людях так когда, столь силен ты бываешь;
Что город с всех сторон способно облегаешь,
То войска оныя в две части раздели;
Одну оставь *ходить* и *примечать* вели,
Откуда крепость та всю помощь получает;
Да сей твой кор-Волан, то все уничтожает.
С другою частию открой траншею там,
Где лучше крепость брать, что ум ты учит сам [6. С. 24] –

вплоть до лексических совпадений имеет прозаическое соответствие в русском переводе трактата, сделанном будущим преподавателем геометрии и фортификации Шляхетного кадетского корпуса Иваном Ремезовым: «...когда мы осажу какогонибудь места упражняемся, <...> всего лутче быть сильнейшим, а наипаче когда две армии иметь можно, из которых бы одна к действительной осаде, а другая для осторожности употреблена быть могла. Та, которая осаждаёт, окапывается линиями, <...> напротив того другая, которая для осторожности, ничего более не делает как только туда и сюда *ходит*, *примечает* неприятельския движения, занимает все дороги, где б неприятель показаться, стать или укрепить себя мог <...> Стерегающая армия делает осаждающей в начале осады великую помощь, ибо она о содержании ея старание иметь, оную умножать, оберегать, фашины делать, и многия другия услуги ей показывать может; напротив того осаждающая армия, по прошествии 6 или 7 дней по начатии траншей, и получа уже некоторую пользу пред тем местом, может остерегающую армию во время нужды умножить» [17. С. 4–5]. Местами Мамонов проявляет самостоятельность: «Но коль вдруг с разных мест, транше не хочешь весть, / Атак фальшивых вид потребно делать есть» [6. С. 25]. Вобан упоминает фальшивые атаки, но не рекомендует их: «Я не советую делать фалшивыя атаки, потому что неприятель когда усмотрит сей обман в 3, или 4, первые дни по начатии траншей больше на оную не токмо смотреть не станет, но и пренебрегать ее будеть. И так сие будет только напрасной труд и убыток» [17. С. 27]. Умножать примеры излишне, описание вобановского опыта занимает почти треть «Эпистолы», при этом автор оставляет отсылку к источнику. Если захочешь взять крепость, советует Мамонов, следуй инструкциям Вобана, он лучший в этом деле и сам взял много крепостей: «Зри Вобанов Манер <...> Читай весь труд его, я кратко здесь писал» [6. С. 29]. Ссылка предвосхищает мамоновский принцип указывать прозаические источники текстов, которые метризируются и зарифмовываются. В рукописной «Поэме Россия» [8], где перелагается в стихи российская история, стихотворец отсылает в сносках или прямо в текстах к историям В. Татищева,

М. Щербатова, Ф. Эмина, И. Гизеля, А. Манкиевича, З. Орфелина, немецким и французским энциклопедиям и т.д.

В отличие от «Поэмы Россия», которая осталась неизданной и известной узкому кругу читателей (среди которых, впрочем, был академик Герхард Фридрих Миллер, сохранивший ее в своем архиве), «Эпистолу» заметили. На одном из экземпляров Императорской публичной библиотеки была начертана такая эпиграмма:

Но кто ж сей дивный муж, кто пел так вдохновенно
И сладкогласно так все хитрости военны,
Растаги и марши, и оборону сел?
Скажу вам на ушко: он попросту — осел!
И коль таков он был, как младший генерал,
То про себя в стихах ни мало не соврал!
К его филиппикам еще б прибавить нужно...
Да только вирши плесть теперь мне недосужно [14. С. 195].

Сочинитель знал, что автор эпистолы — бригадир (младший генерал), пуанта отсылала к заключительным стихам, где говорится, что сочинение — плод досуга: «То дело многих лет и труд есть предпринимать, / Я здесь писал, себя хотел лишь забавлять» [6. С. 31]. При этом в эпиграмме *восемь* стихов, то есть, автор, вероятно, откликнулся на предложение Мамонова критикам сочинить самим хотя бы десять строк:

Но те, что знают лишь чужды труды читать,
Коль естли дар писать в ничто хотят вменять,
Да лучше способ сей собою испытают,
Пускай они хоть строк десяток сочиняют [Там же. С. 32], —

но отказался написать больше восьми, чтобы не уподобляться сочинителю эпистолы. Над мамоновской «Эпистолой» потешались в XIX веке. Солецизм «И больше, чем он есть исправности премер, / То громчае слывет он честной Офицер» [Там же. С. 6] превзошел хрестоматийный анаколупф грибоедовского Скалозуба: «Мне совестно, как честный офицер» (не исключаю, что А.С. Грибоедову попалась на глаза эта книжка). В Исторической библиотеке в Москве хранится экземпляр «Эпистолы генерала», подаренный А.И. Герценом К.Д. Кавелину. На обложке рукой Герцена надписано: «Другу моему Кавелину дарю сию эпистолу, в коей выражены все те чувства, кои к нему питаю. А. Герцен. 1846. 30. IX. Legat epistolam! совет Константину». Рукой Огарева ниже приписано: «Кавелин решил передать его эпистолу в вечное и потомственное владение Огареву, из дворян коллежскому регистратору, который сам Аллегория и Философ». Последние слова перефразируют надпись с обложки «Эпистолы»: «сочинителем Аллегории дворянина философа» [18]. Библиограф А.И. Анушкин обнаружил в Ялте в доме № 1 по Черноморскому переулку тайник с 50 книгами из библиотеки

Владимира Жемчужникова (один из авторов, писавших под псевдонимом Козьма Прутков) с пометами владельца, в том числе, «Эпистолу» Мамонова [19], которые, как полагают [20], были частью «творческой лаборатории» Козьмы Пруткова. Прямых параллелей с «Эпистолой» кажется, нет, но она могла подсказать сам жанр «Военных афоризмов для гг. штаб- и обер-офицеров, с применением к понятиям и нижних чинов» — кондовых военных поучений в стихах.

Литература

1. [Дмитриев-Мамонов Ф.И.] Известие // Прибавление [4-е] к № 64. Московских ведомостей. В пятницу августа 10 дня, 1772 года.
2. Кочеткова Н.Д. Дмитриев-Мамонов Федор Иванович // Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1. С. 275.
3. Буланин Д.М. Газетные объявления Ф.И. Дмитриева-Мамонова // Дмитриев-Мамонов Ф.И. Псалтирь переложенная на оды. СПб., 2006. С. 296.
4. Карпова И.Л. Газета «Московские ведомости» как источник по истории отечественного книжного дела второй половины XVIII века. Дисс. ... канд. истор. наук. М., 2009.
5. [Дмитриев-Мамонов Ф.И.] К читателю // Любовь Псиши и Купидона, Сочиненная г. де ла Фонтеном. М., 1769.
6. [Дмитриев-Мамонов Ф.И.] Эпистола от генерала к его подчиненным, или Генерал в поле с своим войском. Изданная сочинителем аллегории дворянина философа. М., 1770.
7. [Дмитриев-Мамонов Ф.И.] Правила, по которым всякой офицер следуя, военную службу с полным удовольствием продолжать может. М., 1771.
8. [Дмитриев-Мамонов Ф.И.] Поэма Россия Дворянина философа [в четырех песнях]. РГАДА. Ф. 181 (Рукописный отдел библиотеки МГАМИД). Оп. 3. Ед. хр. 237.
9. Дирин П. История л.-гв. Семеновского полка. СПб., 1883. Т. I-II.
10. [Дмитриев-Мамонов Ф.И.] Богословия Дворянина-философа, сочиненная им самим. Рбф ГАЯО. Ф. 97 (Помещики Кожины). Оп. 1 (1627–1822 гг). Ед. хр. 32.
11. Карцов П.П. История лейб-гвардии Семеновского полка 1683–1854. СПб., 1852. Т. II. С. 473–476.
12. Прибавление к Санктпетербургским ведомостям в пятницу декабря 4 дня 1758 года. С. 8.
13. Реэстр. Кто имяны Всемилостивейше от Его Императорского Величества, в нижеписанных числах лейбгвардии в полках, и в сухопутном Шляхетном кадетском корпусе пожалованы в чины. [СПб., 1762]. С. 1, 3.
14. Российский М.А. Очерки истории 3-го Пехотнаго Нарвскаго генерал-фельдмаршала Князя Михаила Голицына полка. М., 1904.

-
15. *Роголин Н.Г.* «Полковое учреждение» А.В. Суворова и пехотные инструкции екатерининского времени. СПб., 2005.
 16. Военная наука из книги Безпечный философ, сочинения его величества короля пруссаго. Стихи Василья Майкова. М., 1767. С. 4–5.
 17. [*Вобан С. ле Претр.*] Книга о атаке и обороне крепостей, изданная чрез господина де Вобана, <...> переведена чрез Ивана Ремезова <...> СПб., 1744.
 18. Письма Огарева к Герцену. II. «Акшенский период» (1846-1851) Публикация Ю. Красовского // Литературное наследство. Герцен и Огарев. М., 1953. Т. 61. С. 779.
 19. *Анушкин А.* Библиотека В.М. Жемчужникова // Альманах библиофила. М., 1975. С. 92–105.
 20. *Левченко В.* Библиотека Козьмы Пруткова // Вопросы литературы. 1975. № 6. С. 316.

Москва

Мифологические и исторические имена в сатирах А.Д. Кантемира

© О.Л. ДОВГИЙ,

кандидат филологических наук

Статья представляет собой вторую часть исследования автора об ономастике сатир и посвящена системе мифологических и исторических имен. В процессе анализа выявлены основные функции мифологического и исторического кодов в ономастике сатир и их роль в реализации авторского замысла.

Ключевые слова: А.Д. Кантемир, сатиры, система имен, имена мифологические, имена исторические.

DOI: 10.31857/S013161170001622-3

The paper presents the second part of author's study of satires' onomasticon and is devoted to the system of mythological and historical names. In the process of analysis, the main functions of the mythological and historical codes in the onomastics of satires and their role in the realization of author's conception are revealed.

Keywords: A. Cantemir, satires, system of names, mythological names, historical names.

Вторая часть дилогии об ономастике сатир Кантемира [1] посвящена именам мифологическим, историческим (западноевропейским и русским), библейским. Число таких имен в сатирах очень велико [2]. Одни знакомы всем, другие требуют специального разъяснения. Органической частью сатир являются комментарии Кантемира, где он дает подробные пояснения о большинстве встречающихся в сатирах имен.

Античные и славянские боги, герои, исторические лица, хотя и являются внесценическими, существуют в сатирах не изолированно; они постоянно включаются в сюжет, начинают весьма своеобразно участвовать в жизни персонажей. Все носители мифологических и исторических имен используются Кантемиром для сравнения с персонажами сатир — либо возвышающего, либо принижающего. Как мы увидим далее, главным оказывается прием «превзойденного образца», на котором в большой степени основан иронический тон, преобладающий в сатирах.

Имена мифологические

Это самая большая группа интересующих нас имен. В небольшой статье мы коснемся лишь некоторых.

Аполлон

У него несколько имен — и они отражены в примечаниях: «Аполлин. Сын Юпитера и Латоны, брат Дианы, у древних за бога наук и начальника муз почитан» [С. 62]; «Фебус. То ж, что Аполлон, бог наук. У древних всегда красным молодцем изображается» [С. 302]; «Белокурый бог. Аполлин, с итальянского *il biondo Nume*» [С. 275].

В первой сатире Аполлон ищет поддержки у Петра II: «Аполлин славы в нем защиту / Своей не слабу почул, чтяща свою свиту...» [С. 57]. Это возвышающее сравнение, необходимое возвеличивание правящего монарха. «Сим стихом стихотворец припоминает великодушие монарха к учителям, которые на его величества иждивении тшятся приумножить науки и ученых людей», — поясняет Кантемир в примечании [С. 63].

А в шестой сатире Кантемир заставляет Аполлона завидовать богатству и блеску выбившегося в новую знать персонажа, что помогает создать яркий сатирический образ: «И сам Аполлон, тебя как в улице видит, / Свите твоей и возку твоему завидит...» [С. 149].

В «Словоприношении к императрице Елисавете Первой» Аполлон, под именем «белокурого бога», наказывает неумелого стихотворца, отважившегося воспевать монархиню: «Трижды я лиру снастил и дрожащи персты / Трижды на струны навел, и уста отверзты / Готовили тебе песнь; трижды, разделяя / Быстро воздух, прилетел из вышнего края / Небес

белокурый бог, обличил отвагу / Мою с гневом; издрав струны, лиру нагу / Вырвал из рук, изломал и стиснул мне губы...» [С. 274].

Венера

В примечании Кантемир сообщает: «...Венера, по баснословию многобожцев, была богиня рождения, похоти и красоты, мать Купида — бога любви. Сказывают про нее, что родилась из морской пены» [С. 152].

В шестой сатире богиня красоты возникает в ироническом контексте: «Хоть ты помнишь, как отец носил кафтан серой; / Кривую жену его называть Венерой...» [С. 148]. Это пассаж из рассказа о тяжелой жизни охотника за чинами. Ему приходится жить в атмосфере постоянной лжи и лести: и делать вид, что верит откровенному вранью, и грубо льстить самому. Ирония рифмы («серой — Венерой») усиливается от контакта цветového эпитета «серый» с определением физической ущербности «кривой» и всего этого неблаголепия с богиней красоты. Контекстуально получается серая кривая Венера — и это действительно смешно.

Выше мы упоминали иронический мотив зависти Аполлона. В «Словоприношении императрице Елисавете Первой» возникает мотив зависти Венеры: «Елисавету сердца на престол возводят, / И пусть, оставя Олимп, ей уж служить сходят / Веселие, и Любовь, и три Благодати; / Видя ее, с зависти плачет любве мати...» [С. 274] Кантемир дает такое примечание: «Венера, мать любви, богиня красоты, плачет с зависти, видя красоту лица *императрицына*» [С. 275].

В данном случае Венера выступает в роли превзойденного образца — причем никакого намерения придавать иронический колорит у автора здесь, разумеется, не было.

Нептун

«Нептун, брат Юпитера и Плутона, сын же Сатурна, есть (по баснословию древних) бог, который водами морскими владеет», — объясняет Кантемир [С. 507].

«Победил ли сам враги? дал пользу народу? / Устрашил ли действиями Нептуна власть — воду?» — вопрошает Филарет своего приятеля Евгения [С. 372]. Здесь уже знакомый нам прием превосходства над образцом, причем вопрос чисто риторический: Евгений испытания, разумеется, не выдерживает: устроить страшного морского бога ему не под силу.

Но мы приводим этот пример ради иллюстрации еще одного частого в сатирах способа обращения с мифологическими именами — использования их в составе перифрастического оборота. «Нептунова власть» действует на слушателя сильнее, чем просто «вода».

Пример из той же серии — «поле Венерино» (любовь): «...ин себя прославил / Изнуренными силы в Венерином поле...» [С. 402].

Бахус

В пятой сатире персонаж с мифологическим именем Сатир оказывается не внесценическим, а самым активным участником и комментатором действия. Отметим, что имя изначально несобственное (сатиры — это мифологический лесной народ) превращается практически в собственное и выносится в заглавие сатиры: «Сатир и Периерг». Глазами этого лесного жителя дана остранный картина «пьяного города» [3]. Среди ярких описаний бесчинств есть и такие строки: «Шатаюсь долго, один напоследок бьется, / Бахусом отягощен, в стену головою...» [С. 124].

Не надеясь, что все читатели столь же сведущи в мифологии, как лесной сатир, Кантемир дает примечание: «Бахусом отягощен. Вином, пьянством отягощен. Бахус, Юпитеров сын, у баснословцев за бога винограда и пьянства почитается» [С. 140]. Это пример метонимического замещения сферы действия именем бога: не вином, а Бахусом.

Перун

В речи Филарета среди греко-римского пантеона встречается и имя славянского божества. Перун нужен Филарету для иллюстрации достоинств искусного воеводы: «Не спешит дело начать; начав, производит / Смело и скоро — не столь бегло Перун сходит, / Страшно гремя...» [С. 73] Перун, как и его античные собратья, оказывается в позиции превзойденного образца. Но в данном случае сравнение возвышающее: умелый военачальник превосходит в быстроте и ловкости самого громовержца.

Елена

В примечании Кантемир дает о ней такую информацию: «Парис, сын Приама, царя троянского, послан от отца во Грецию, принят весьма ласково от царя греческого Менелая. Пребывая в его доме, столь он жестоко влюбился в Елену, Менелаеву жену, что, презирая всякое право гостеприимства, похитил и увез ее в свое отечество, отчего зачалася славная троянская война, которою царство Троянское опровержено. Красота Елены была отменная, однако ж похлебник Трофим предпочитает ей красоту Титовой жены» [С. 107].

Кантемир высмеивает нехитрую тактику бесстыдного льстеца Трофима из третьей сатиры: выбирается самый высокий образец для сравнения (прекрасная Елена), а жена человека, которому льстец поет хвалу, объявляется еще более прекрасной: «Если б Титова жена Парису знакома / Была, — Менелаева пряха б пряху дома...» [С. 97]. Интересно, что льстец не называет по имени ни одну из сравниваемых женщин: они просто жены своих мужей: «Менелаева» и «Титова». Эта очень грубо сработанная лесть действует безотказно.

Хотя если судить беспристрастно — это ровно та же риторическая стратегия, что и в описанной выше зависти Венеры императрице, все тот же прием «посрамления образца». Получается, что и для хвалы, и для хулы

применяются одни и те же риторические приемы — дело в воле оратора и в его общем замысле.

Ектор, Ахилл

Из примечаний Кантемира читатель узнает следующее: «Ахилл, сын Пелея и Фетиды, был храбрый князь греческий. На троянскую войну от отца с войском послан, многие свыше меры мужества знаки показал. Ектора, сына Приама, царя троянского, Еленина же брата, за которую война взгорелася, убил и греков всех почти сам один спас от рук троянских. Ектор по Ахилле был знаменитейший мужеством в помянутой троянской войне» [С. 79].

Во второй сатире Филарет приводит этих героев в пример дворянину Евгению, удрученному тем, что его, потомка древнего рода, обошли наградой: «Не завистлив, ласков, прав, не гневлив, беззlobен, / Веришь ли, что всяк тебе человек подобен? / Изрядно можешь сказать, что ты благоден, / Можешь счесться Ектору или Ахиллу сроден...» [С. 70]. Это возвышающее сравнение имеет ярко выраженную дидактическую цель: примером античных героев Филарет пытается направить Евгения на путь служения отечеству полезными делами.

Нарцисс

«Нарцисс, по баснословию древних, был сын реки Цефица и нимфы Лириопеи, столь красивый, что все в него влюблялись. В жаркие летние дни приклонився он в колодезь напиться и увидел себя, и сам в себя влюбился, но, узнав, что сам собою свою похоть исполнить не может, с печали умер», — поясняет Кантемир в примечании [С. 82].

Во второй сатире Нарциссу уподобляется самовлюбленный модник Евгений, который не может наглядеться на себя в зеркало: «...ты сам, новый Нарцисс, жадно / Глотаешь очми себя...» [С.72]. Это тождество, безусловно, тоже иронического свойства.

Как видим, Филарет активно пользуется мифологическими и историческими именами в дидактических целях; для воздействия на приятеля он пускает в ход риторические стратегии и «кнута» (снижающее, ироническое сравнение), и «пряника» (возвышающие сравнения, ориентацию на высокие образцы), причем материал выбирает самый разнообразный. Увы — все безрезультатно.

Кастор, Поллукс

«Касторов брат был Поллукс; оба (по баснословию древних) дети Юпитеровы (“Гиралдии в истории богов”)), — объясняет Кантемир в примечании [С. 108]. А нужны эти мифологические братья, чтобы возвышающим сравнением проиллюстрировать любимую Кантемирову мысль о том, что все люди разные: «Людей много, и страстей, ей, в людях немало, / К одним то, к другим ино злое да пристало: / Кастор любит лошадей, а брат его — рати; / Подьячий же силится и с голого драти. / Сколько глав — столько мыслей и

охот различных...» [С. 99]. Раз уж два Юпитеровых сына, мифологические Диоскуры, оказались столь различны меж собой — что говорить о простых смертных?

Икар

Во второй сатире Филарет, рассказывая в воспитательных целях Евгению о ловком придворном Клите, бросает фразу, которая может оказаться понятной не всем: «Чтоб крылья, к солнцу подшел, мягки не распавил...» [С. 76].

В примечаниях Кантемир ее поясняет: «Дедал, афинеец, изобретатель многих дивных механических орудий, заключен быв с сыном своим, Икаром, в лабиринте острова Критского, приделал себе и сыну крылья из перьев и воску и теми оттуду вылетел; но Икар излишно высоко поднялся, жар солнечный растопил воск его крыл, и пал он в море Егейское, которое потому назвалось Икарским. К сей басне относятся слова сатириковы, приуподобляя государя солнцу. Придворные ему близки весьма и потому стеречись должны, чтоб, излишно, как Икар, подымался, не растопились их крылья и не встретили свою гибель» [С. 87].

Пример Икара должен всегда быть в голове людей, стоящих близко к властителям, как предостережение и напоминание об опасности превышения пределов дозволенного.

Имена исторические

Ювенал, Гораций, Буало...

Цитаты из этих поэтов постоянно встречаются в тексте сатир. Тема взаимоотношения Кантемира с образцами огромна и хорошо изучена [4]. В данной статье имена поэтов прошлого важны нам исключительно как часть ономастикона сатир.

Разумеется, Кантемир в примечаниях о каждом сообщает необходимую информацию: «*Ювенала, Персия, Горация*. Славные три римские сатирики. Первый родился лета Христова 36, в 22-е Тибериева царствия, от отца Флакка и матери Фульвии, умер в 31-м году своего возраста. Второй был сын неизвестного отца, жил во время Домициана-императора, от которого сослан в Египет полковником за неприличную любовь с некаким танцовщиком. Третий жил во времена Августовы, у которого за превосходство своего ума был в особенной милости (“Гиралдии, в истории стихотворцев”; Морериев лексикон)» [С. 115]; «*Боало Деспро, французский сатирик, родился в 1637 году. В подражании древних стихотворцев весьма удачлив. Сатиры и письма его, нашего стихотворца лучшая забава и предводители, соравняться могут тем, которыми древность хвастает. Лудовик XIV, король французский, насладився его стихами, определил ему по 2000 ливров (400 рублей) жалованья в год, которое получал по самую свою смерть, случившуюся в 1711 году*» [С. 115] и т.д.

В тексте сатир эти имена извлекаются из фонда готового слова как материал для сравнений — чаще всего иронических.

Так, в первой сатире Цицерон и Вергилий, по мнению щеголя Медора, проигрывают Рексу и Егору в споре о пользе их деятельности (см. ниже).

В диалоге Автора с Музой в четвертой сатире имена поэтов прошлого возникают в ироническом контексте: «Буде ты указывать смеешь Ювенала, / Персия, Горация, мысля, что как встала / Им от сатир не беда, но многая слава; / Что как того ж Боало причастник был права, / Так уже и мне, что следы их топчу, довлеет / То ж счастье, — позволь сказать, что ум твой шалает. / Истая Зевсова дочь перо их водила — / Тебя чуть ли не с другим кем Память родила...» [С. 110].

Рекс и Егор

«Егор, славный сапожник в Москве, умерший в 1729 г., а Рекс также славный московский портной, немец», — такое примечание сделал В.А. Жуковский к своей статье «О сатире и сатирах Кантемира» [5].

Рекс появляется в сатирах дважды — оба раза в связи с темой моды.

В первой сатире передана речь четвертого хулителя наук щеголя Медора, где иронически представлен спор образцов из разных областей жизни — материальной и духовной: «Пред Егором двух денег Вергилий не стоит; / Рексу — не Цицерону похвала достоин...» [С. 60]. Король портных Рекс (его имя в переводе и означает «король») одерживает победу над королем ораторов Цицероном, а сапожник Егор над Вергилием. Такое удвоенное сравнение еще более усиливает сатирический эффект и не оставляет сомнений в адресате авторских критических стрел.

Второй раз Рекс появится во второй сатире. Филарет, обличая пустоту интересов Евгения, не скупится на иронические сравнения: «Каков рукав должен быть, где клинья уставить, / Где карман, и сколько грудь окружа прибавить; / В лето или осенью, в зиму и весною. / Какую парчу подбить пристойно какою; / Что приличнее нашить: серебро или золото, / И Рексу лучше тебя знать уж трудновато...» [С. 72]. Рекс оказывается посрамленным на своей же территории. Филарет признает, что Евгений в своем знании мод превзошел Рекса, главный авторитет в «искусстве кройки и шитья». Однако все строение фразы — использование союза «и» в функции эмпазы («даже самому Рексу»), шифтер «уж» [6], издевательский суффикс «-оват» в прилагательном («трудновато») рядом с именем Рекса, — свидетельствует об ироническом модусе высказывания.

Иулий и Александр

«Иулий Цесарь, первый римский император, сын Луция Цесаря и Аврелии, Коттовой дочери, в 17-е лето своего возраста получил чин великого священника Юпитерова, потом, чрез чины трибуна, квестора, едилла и великого Понтифекса в консулы происшед, в том чину пять триумфов получил. Одолев Помпея, своего неприятеля, вечным диктатором объявлен, и силою самовластие достал; в сенате внезапно убит, умер 15 марта,

43 лет прежде Христа, пожив 56. Александр Великий, царь македонский, сын Филиппа и Олимпии, Дариев победитель, родился июля 6, 356 лет прежде Христа; умер в Вавилоне, опоев ядом, в 33-е лето своего возраста, — сообщает об этих славных мужах Кантемир [С. 79].

А в тексте сатир они тоже нужны для дидактических целей: все тот же красноречивый Филарет использует их имена для воспитания приятеля: «Иулий и Александр и все мужи славны / Могут быть предки твои, лишь бы тебе нравны...» [С. 70].

Ольга

«Ольга — жена Игоря, сына Рюрика, первого российского самодержца, так христианской веры в России насадительница, как и распространительница сил и славы сего империя; от святого Владимира, ея внука, в святые вписана и почитается под именем Елены, которое приняла в крещении. Начала царствовать в 950-е лето по рождестве Христове (“Синопис русской истории”, стр. 37)» — сообщает Кантемир [С. 78].

В тексте второй сатиры имя Ольги выступает как знак, как риторический аргумент в споре Филарета и Евгения.

Евгений упоминает имя как показатель древности своего рода: «Знатны уж предки мои были в царство Ольги / И с тех времен по сих пор в углу не сидели — / Государства лучшими чинами владели» [С. 69].

Филарет немедленно поворачивает аргумент в свою пользу: «Что ж в Дамоне, в Трифоне и Туллии гнусно? / Что, как награждают их, тебе на смерть грустно? / Благонравны те, умны, верность их немала, / Слава наша с трудов их нечто восприяла. / Правда, в царство Ольгино предков их не знали, / Думным и наместником деды не бывали, / И дворянства старостью считаться с тобою / Им нельзя; да что с того? Они ведь собою / Начинают знатный род, как твой род начали / Твои предки, когда Русь греки крестить стали...» [С. 77].

Филарет использует имя Ольги тоже в чисто риторических целях — не для выделения потомков какого-то рода, а наоборот — для подведения под общее: время Ольги ничем не отличается от любого другого: как в то время начинали свою историю славные семейства, так происходит и в настоящее время. Любая эпоха может стать тоской отсчета для начала славного рода, и потомки нынешних «Дамона и Туллия» смогут говорить, что славны их предки со времен Петра II. Кстати, отметим появление в сатирах столь популярной ныне формулы «новые люди». По определению Кантемира, это «люди, которые из незнати в силу и великие степени пришли».

Владимир

«Владимир начал один царствовать около 982 года по Христе (“Синопис русской истории”, стр. 54)», — дает объективную информацию Кантемир [С. 152].

А в сатирах Владимир, как и Ольга, нужен тоже как чисто риторический аргумент, как знак древности рода — но в несколько иной тональности. Владимир возникает в шестой сатире при рассказе о тяжелой жизни охотника за чинами, сопряженной с бесконечным враньем: «Нужно часто полыгать, небылицу верить / Большу, чем что скорлупой можно море смерить; / Господскую сносить спесь, признавать, что родом / Моложе Владимира одним только годом, / Хоть ты помнишь, как отец носил кафтан серой...» [С. 148].

Пассаж построен на чередке гипербол. Владимир композиционно оказывается в позиции «превышения гиперболы» (после словосочетания «большу, чем скорлупой можно море мерить» — читай: вера в такую древность рода ложь еще большая, чем вера в сказку про скорлупу и море), а отрезвляющее напоминание о сером кафтане отца делает сравнение откровенно ироническим. Лексическое расширение «одним только» должно бы служить знаком достоверности — на деле же наоборот: это перебор.

В следующей строке упоминается кривая жена, которую нужно сравнивать с Венерой (о чем шла речь выше). Как видим, Кантемир привлекает примеры из самых разных областей фонда готового слова для иллюстрации своей мысли. О Владимире лжецу приходится слушать, о Венере говорить самому — и то, и другое одинаково тяжело. Владимир и Венера — русское историческое имя и имя мифологическое — оказываются просто в роли аргументов, фактически в роли контекстуальных синонимов.

Имена библейские

Адам, Ева, Ной, Каин...

Исходя из всего вышесказанного нетрудно догадаться, что библейские имена тоже используются в риторических целях.

Действительно их использует все тот же Филарет — причем в разных вариациях любимой своей (и Кантемировой) мысли о равенстве людей. «Адамлевы чада» — так он называет людской род.

Это выражение Филарет употребляет, рассказывая о достоинствах, которыми должен обладать искусный судья: «За красным судить сукном Адамлевы чада / Иль править достоин тот, кому совесть чиста, / Сердце к сожалению склонно и речиста / Кого деньга одолеть, ни страх, ни надежда / Не сильны...» [С. 74]. Судья должен быть одинаково беспристрастен абсолютно ко всем чадам Адама.

Для подтверждения тезиса о том, что славу роду приносит не древность, а практические дела, тоже привлекаются библейские персонажи: «Адам дворян не родил, но одно с двух чадо / Его сад копал, другой пас блеющее стадо; / Ной в ковчеге с собой спас все себе равных / Простых земледетелей, нравами лишь славных; / От них мы все сплошь пошли, один пораннее / Оставля дудку, соху, другой — попозднее...» [С. 77].

«Каин, Адамов сын, был земледетель, а Авель — пастух, так об них говорит Моисей...», — комментирует Кантемир [С. 88].

Для рассказа о том, сколь пагубно излишнее любопытство, лучшего примера, чем изгнание из рая, не придумать: «Но вем и то, что Адам, получив супругу, / Слышал указ, что в раю, гуляя с досугу, / Мог бы от всяких деревьев, что в раю, вкушати, / Кроме того, что сильно есть знание дати. / Но той когда с сладких уст супруги любезной / Услышал, сколь красив плод и сколь вкус полезной, / Как лицом, так и умом равен богу быти, / Забыв заказ, возжадал, взял плод, смел вкусити. / Тотчас, сколь пагубна сила того древа, / Узнали, да уж поздно: и Адам и Ева / Впали в беды и труды и подпали власти / Смерти, и пленили их многовидны страсти, / И когда всемудрому равны быть искали — / Воспою греховною и вид потеряли, / Так, что, изгнанны с рая, если б кто им дати / Мог зеркало, чуть себя могли бы узнати. / Мы же, которы из них род свой весь изводим, / Их любопытством на них, бедные, походим...» [С. 405].

Подведем итог. Во второй части диалогии, посвященной ономастикону сатир, мы рассмотрели некоторые мифологические, исторические и библейские имена, чтобы понять, какова их роль в общем художественном замысле. На наш взгляд, основных функций мифологического и исторического кода в ономастике сатир три.

1. Чисто просветительская. В примечаниях он дает подробнейшие описания вводимых им реалий и имен. Сегодня его объяснения, кто такая Венера и кто такой Аполлон, могут показаться хрестоматийными и излишними, но нельзя забывать о времени создания сатир и о том, что Кантемир был одним из первых, кто вводил греко-римский пантеон в культурный обиход русской поэзии.

2. Иллюстративная. Каждое имя важно не только само по себе, но главным образом — как аргумент из фонда готового слова для усиления позиции одной из основных конфликтующих сторон (условно обозначенных как Старое и Новое). Кроме того, использование разных мифологических и исторических имен для подтверждения сходных тезисов служит принципу разнообразия — одному из главных в сатирах.

3. Риторическая. Механизмом создания иронического эффекта в сатирах является «снижающее» сравнение, или «посрамление образца». В роли преодоленных образцов, как правило, выступают мифологические и исторические персонажи. Это способствует созданию иронического тона — главного в сатирах. В редких случаях создания хвалебных стихов Кантемир тоже не обходится без мифологических имен.

Все эти имена составляют большой раздел в универсальном фонде готового слова, и Кантемир показывает, какие возможности открывает умелое пользование этими богатствами. Эти группы имен активно привлекаются Кантемиром и в дидактических целях.

Таким образом, мифологические, исторические и библейские имена представляют собой стройную систему, тесно связанную с системами других уровней единого текста сатир, служащую для реализации авторского замысла. Принципы использования мифологических и исторических имен, заданные в сатирах, оказались востребованы последующей русской поэзией.

Литература.

1. *Довгий О.Л.* Система имен в сатирах А.Д. Кантемира // Русская речь. 2018. № 4.
2. *Кантемир А.Д.* Собрание стихотворений / Вступит. статья Ф.Я. Приймы; Подгот. текста и примеч. З.И. Гершковича. Изд. 2-е. Л., 1956. Далее в скобках указ. только стр.
3. *Довгий О.Л.* «Диалог» текстов А.Д. Кантемира о вине // Русская речь. 2011. № 6. С. 11–14.
4. *Щеглов Ю.К.* Антиох Кантемир и стихотворная сатира. СПб., 2004.
5. *Жуковский В.А.* Собр. соч. В 4 т. М., 1960. Т. 4. С. 447.
6. *Довгий О.Л.* Оппозиция «Края / середина в сатирах А.Д. Кантемира» // Известия ОЛЯ. 2018. №1. С 53.

МГУ им. М.В. Ломоносова, РГГУ

Об ономастических предпочтениях в «Бедных людях» Ф.М. Достоевского

© С.А. СКУРИДИНА,
кандидат филологических наук

В статье представлен анализ антропонимов главных героев романа Ф.М. Достоевского «Бедные люди» в перспективе развития ономастических приемов, характерных для всего творчества писателя. Ономастические единицы рассматриваются как целостная система, изменение одного из компонентов которой влечет за собой изменение другого.

Ключевые слова: ономастика, антропоним, ономастическая лаборатория, Достоевский, «Бедные люди».

DOI: 10.31857/S013161170001623-4

The article presents the analysis of anthroponyms of the main characters of Dostoevsky's novel «Poor people» in the perspective of the development of onomastic techniques characteristic of the writer's entire work. Onomastic units are considered as an integral system, the change of one of the components of which entails the change of the other.

Keywords: onomastics, anthroponym, onomastic laboratory, Dostoevsky, «Poor people».

Первый роман Ф.М. Достоевского «Бедные люди» написан в эпистолярном жанре: читателю представлена переписка Макара Девушкина и Вареньки Доброселовой. Выбранный жанр романа позволил Достоевскому сделать изображение жизни героев более достоверным, ведь личное письмо — это непосредственное восприятие происходящего самим героем, это его собственное осмысление действительности.

Интерес читателя к романам в письмах обусловлен возможностью приоткрыть завесу во внутренний мир героев, которые благодаря созданию автором иллюзии достоверности, мыслятся как реально существующие люди. В письме своему брату Достоевский так объяснял выбор жанра для романа «Бедные люди»: «Во всем они привыкли видеть рожу сочинителя; я же моей не показывал. А им и невдогад, что говорит Девушкин, а не я, и что Девушкин иначе и говорить не может» [1. Т. 28. Кн. 1. С.117].

Несомненно, что переписка — как деловая, так и личная — в жизни Достоевского была важным явлением, став подготовительным этапом художественного творчества. По мнению К.А. Баршта, «начало этой

“действительной”, “не сочиненной” литературе было положено в письмах Достоевского к брату, которые, являясь непосредственным и точным изложением действительных событий, происходивших в душевной жизни юного Достоевского, объективно все-таки были литературными произведениями, подчиняясь законам своего жанра. Эта переписка, продолжавшаяся в течение шести лет вплоть до 1844-го года, когда Достоевский писал “Бедные люди”, имеет по отношению к ним такое же подготовительное значение, какое имеет “Дневник писателя” 1876—1877 гг. по отношению к роману “Братья Карамазовы» [2].

Наличие в произведениях эпистолярного жанра антропонимов обусловлено формой письма, где обязательно указываются адресат и адресант. Вариантов подписей может быть сколько угодно: фамилия, имя и фамилия, фамилия и инициалы, инициалы и т.д. В романе «Бедные люди» подпись героя всегда включает двучастный антропоним *Макар Девушкин*. В отличие от него Варенька Доброселова использует в первых письмах двучастный антропоним — *Варвара Доброселова*, а в дальнейшем указывает только первые буквы имени и фамилии — В.Д.

Интересно, что последнее письмо героини романа заканчивается лаконичной подписью В. [Т. 1. С. 106]. Именно в этом письме Варвара говорит о том, что ее судьба решена: «Выпал мой жребий; не знаю какой, но я воле господя покорна» [Там же]. Вероятно, отсутствие фамилии или первой буквы фамилии в подписи — это для героини способ выражения произошедшего события: она теперь уже не Доброселова, но стала ли она Быковой?

В письме от 27 сентября Варвара отмечает: «Свадьба наша через пять дней, а на другой день после свадьбы мы едем» [Там же. С. 102—103]. В письме от 28 сентября несколько другая фраза: «Говорит, что только нас повенчают, так сейчас и уедем, что гостей не будет и чтобы я вернуться и плясать не надеялась, что еще далеко до праздников» [Там же. С. 104]. Последнее же письмо Вареньки от 30 сентября, начинается двусмысленной фразой: «Все совершилось!» [Там же. С. 106], а далее сообщается: «Завтра мы едем» [Там же]. Знаменательным, на наш взгляд, является изменение срока, в который «все совершилось»: между 27 и 30 сентября проходит, конечно же, не пять дней, а два, три или четыре — в зависимости от того, учитываются ли 27 и 30 сентября или нет. Для Девушкина как человека честного не может быть другого способа овладения женщиной, кроме женитьбы, поэтому в одном из его писем можно найти дату венчания, которую назвала ему Федора: «Она говорит, что вас уже завтра венчают, а послезавтра вы едете и что господин Быков уже лошадей нанимает» [Там же. С. 105]. Возможно, что 30 сентября — это дата свадьбы, после которой Варвара утрачивает свою девичью фамилию, но получает фамилию мужа (исторически в русской патриархальной культуре было принято при вступлении в брак женщине брать фамилию мужа, что являлось

знаком абсолютной власти мужа и подчинения жены), соответственно, ей следовало бы подписаться *В.Б.* Но Варенька ничего не пишет о предстоящей свадьбе, а упоминает только о предстоящем отъезде, в связи с чем, возможно предположить, что Быков увозит Варвару без женитьбы на ней, ведь неслучайно для создания его образа используются подобные эпизоды, связанные с жизнью матери студента Покровского, а также Саши. Скорее всего, 30 сентября — день, с какого Быков начал обладать Доброселовой, поэтому в письме она не ставит ни первую букву своей девичьей фамилии, ни первую букву фамилии мужа. Последнее предположение подкрепляется текстом Варенькиных писем, в которых с помощью приема градации свадьба с богатым приданым постепенно превращается в увоз: «Тут он объявил мне, что ищет руки моей, что долгом своим почитает возратить мне честь, что он богат, что он увезет меня после свадьбы в свою степную деревню...» [Там же. С. 100]; «Господин Быков сердится, говорит, что с этими тряпками ужасно много возни. Свадьба наша через пять дней, а на другой день после свадьбы мы едем. Господин Быков торопится, говорит, что на вздор много времени не нужно терять» [Там же. С. 103]; «Ради бога, бегите сейчас к брильянтщику. Скажите ему, что серьги с жемчугом и изумрудами делать не нужно. Господин Быков говорит, что слишком богато, что это кусается. Он сердится; говорит, что ему и так в карман стало и что мы его грабим, а вчера он сказал, что если бы вперед знал да ведал про такие расходы, таки не связывался бы» [Там же. С. 104]. Кроме того, мотив увоза поддерживается упоминанием пушкинской повести «Станционный смотритель», которую Варенька дала почитать Макару, как будто заранее подготавливая его к подобному развитию событий. Последнее письмо Девушкина начинается восклицанием об увозе: «Вас увозят, вы едете! <...> Вот я от вас письмецо сейчас получил, всё слезами закапанное. Стало быть, вам не хочется ехать; стало быть, вас насильно увозят...» [Там же. С. 106].

Как отмечают исследователи, фамилия Варенькиного соблазнителя семантически значима: «фамилия Быков словно становится “говорящей”, обозначая мощь, сексуальную энергию, агрессивность» [3]. Интересно, что до объявления своего согласия Быкову выйти за него замуж Варенька называет его в последних письмах только фамилией Быков [Т. 1. С. 99, 101], а после того, как соглашается, величает его *господин Быков*. Вслед за Доброселовой Девушкин также начинает использовать словосочетание *господин Быков*: «Да всё Быков, то есть, я хочу сказать, что господин *Быков* всё сердитый такой, так вот оно и не того...» [Там же. С. 104]. Показательно, что у Быкова нет имени, так как его фамилия лаконично формирует у читателя «образ «сильного мира сего» — воплощение сексуального принуждения, подкрепленного властью денег» [3]. На наш взгляд, фамилия *Быков* ассоциативно связана с образом золотого тельца как олицетворения силы денег, власти и алчности, ведь неслучайно просто Быков

превращается в обязательное *господин Быков*, свидетельствуя об утверждении в сознании Вареньки и Макара объекта поклонения и преклонения. Зооморфная фамилия *Быков* могла возникнуть под влиянием впечатлений от жизни Достоевского в Петербурге, где в то время на углу Обводного канала и нынешнего Московского проспекта существовал Скотопригонный двор (1821–1825, архитектор И. Шарлемань). Упомянутый район в то время назывался «Быками», так как у фасада здания на постаментах из красного гранита стояли бронзовые скульптуры быков (скульптор В.И. Демут-Малиновский), в связи с чем, по указанию исследователей, можно было услышать: «Живу у Быков», «Извозчик, к Быкам!» [4].

Имена главных героев романа рассматриваются исследователями с разных точек зрения. На наш взгляд, обращает на себя внимание совпадение отчеств героев романа – Макар *Алексеевич* и Варвара *Алексеевна*, которое должно было способствовать созданию целостного образа бедного человека. Имя *Алексей* связано с образом Алексея Человека Божьего – святого, какого особенно почитал Достоевский, как впоследствии вспоминала А.Г. Достоевская [5].

М.С. Альтман, подробно останавливаясь на имени *Макар*, обращает внимание на частоту употребления данного антропонима в пословицах: «Все на Макара», «в пословицу ввели Макара», «из меня пословицу сделали» – эти жалобы Макара Девушкина показывают, что своей злополучной судьбой и непрерывными несчастьями герой «Бедных людей» очень похож на того бедного Макара, на которого «все шишки валяются»; «бедность и горемычность “Макара” выражены и в пословицах: “Нашему Макарке все огарки”, “Не рука Макару коров доить”, “Не рука Макару калачи есть”, “Не Макару с боярами знаться” и др.» [6]. Фамилия *Девушкин*, по мнению ученых, связана с девическим слогом его писем, возможно, восходящим к стилю писем матери Достоевского – Марии Федоровны [7].

Несомненно, что имя героя – это целостная структура, избранная автором. По мнению В.С. Белькинда, «если имя Макар вызывает ассоциации с фольклорным образом неудачника – “бедного Макара”, то фамилия Девушкин подчеркивает беспомощность, неподготовленность к жизни. Макар Девушкин – особое сочетание, готовящее к пониманию трагедии этого человека» [8].

Важными при анализе ономастикона являются формы самоименования героя и формы обращения к нему других персонажей. В романе «Бедные люди» несоответствие данных форм обусловлено несколькими причинами. Уважительное Варенькино обращение в письмах по имени-отчеству *Макар Алексеевич* противопоставляется подписи героя *Макар Девушкин*. Несмотря на постоянные ссылки на отеческую любовь, отсутствие отчества в подписи Макара Девушкина – это стремление к нивелированию разницы в возрасте героев, ведь неслучайно существует мнение исследователей, что «Макар Девушкин влюблен в Вареньку Доброселову, и

как бы ни маскировал это чувство, как бы он ни старался остаться в рамках родственных отношений, именно любовь придает его жизни особый смысл, наполняет ее радостью и горем» [8]. Другой причиной называния себя без отчества является самовосприятие героя.

Фамилия *Девушкин* может не только намекать на девическую непригодность героя к жизни, но и быть знаком того, что герой рожден «в девках» или его далекий предок был сыном девушки. Сам Макар Девушкин указывает: «Родитель мой был не из дворянского звания и со всей семьей своей был беднее меня по доходу» [Т. 1. С. 20]. В.П. Владимирцев считает, что «этому непосредственно соответствует “плебейская”, простонародная фамилия отца и сына, Алексея и Макара Девушкиных. Ее главная идея, возможно, связана с тем, что некий первый Девушкин (первоноситель матронимичной фамилии) был сыном безмужней и бесфамильной “девушки”. Допустима условная реконструкция основополагающей вопросо-ответной модели: “Чей сын? – Девушкин”. “Девушками” называли служанок, работниц, горничных. Комнатные, дворовые, сенные и другие “девушки”, обычно крепостные, прислуживали в барских домах. Прижитые ими дети получали матронимичные прозвания, которые переходили в разряд худородных фамилий, имен семей. Не подразумевает ли фамилия Девушкин понятия о таком “генеалогическом древе” Макара Алексеевича?» [9].

В «Ономастиконе» С.В. Веселовского фамилия *Девушкин* упоминается единожды среди крестьянских фамилий: «Девушкин Клим, крестьянин, 1498 г., Обонежье Девясил, крестьянин, 1487 г.» [10]. Вопрос о происхождении фамилий интересен и неоднозначен, например, Б. Унбегун не относит фамилию *Девушкин* к числу метронимических фамилий, а считает ее производной от мужского прозвища [11]. Думается, что уже в первом романе Достоевский использует прием вскрытия семантического значения фамилии самим ее носителем: в одном из писем Макар замечает, что «у бедного человека... тот же самый стыд, что у вас, примером сказать, девический» [Т. 1. С. 69]. Как видим, хотя и обусловлен стыд Макара бедностью, он все равно, что «девический», поэтому и фамилия его *Девушкин*. К подобному приему обнажения внутренней формы фамилии в тексте романов Достоевский будет обращаться неоднократно, достаточно обратиться к рассуждениям жены штабс-капитана Снегирева о фамилии Карамазов-Черномазов или вспомнить рассуждения капитана Лебядкина: «а между тем я только Лебядкин, от лебеда, – почему это?» [Т. 10. С. 141].

Имя героини романа «Бедные люди» автобиографично: *Варенькой* звали любимую сестру Достоевского, о которой он спрашивал в одном из писем отцу: «Варенька, наверно, что-нибудь рукодельничает и, верно уж, не позабывает заниматься науками и прочитывать “Русскую историю” Карамзина» [Т. 27. Кн. 1. С. 38]. Достоевского с сестрой В.М. Достоевской связывала тесная дружба, о чем можно сделать вывод по их переписке:

«Старший брат твой, любезнейшая сестра моя, любит тебя также пылко, несказанно: умеи почитать и, ежели можешь, столько же любить его» [Там же. С. 73]. На наш взгляд, в тексте романа неслучайно возникает имя Саши, сестры Варвары Доброселовой: у Достоевского была маленькая сестра Александра, о взрослении которой писатель всегда задавал вопросы как своему отцу, так и сестре Вареньке: «Сашенька, думаем, чрезвычайно как подросла; ей полезен свежий воздух» [Там же. С. 38]; «Поцелуй за нас милую Сашурочку. Говорит ли она? Ходит ли она?» [Там же. С. 47].

Фамилия *Доброселова* объясняется через значение двух корней, входящих в ее состав, *добр-* (добро, добрый) и *сел-* (селить, село). Варенька «селит добро» там, где сама поселяется: с ее переездом Макару Алексеевичу все начинает видеться в добром свете, все люди, подобно Вареньке с ее «добренькой, приветливой улыбочкой» [Т. 1. С. 13], становятся добрыми: «Ну, что ваша Федора? Ах, какая же она добрая женщина! Вы мне, Варенька, напишите, как вы с нею там живете теперь и всем ли вы довольны? Федора-то не много ворчлива; да вы на это не смотрите, Варенька. Бог с нею! Она такая добрая» [Там же. С. 14–16]; «Я уже вам писал о здешней Терезе, – тоже и добрая и верная женщина. А уж как я беспокоился об наших письмах! Как они передаваться-то будут? А вот как тут послал господь на наше счастье Терезу. Она женщина добрая, кроткая, бессловесная» [Там же. С. 17]. Может быть, поэтому Доброселова необходима Быкову, в жизни которого нет добра: «Господин Быков заезжает каждое утро, всё сердится и вчера побил приказчика дома, за что имел неприятности с полицией...» [Там же. С. 103]; «Да всё Быков, то есть, я хочу сказать, что господин Быков всё сердитый такой, так вот оно и не того...» [Там же. С. 104]. Агрессивность и хищнические намерения Быкова передаются не только его «свирепой» фамилией, но и отражены в его безудержном стремлении в деревню, где он будет «зайцев травить». Знаменательно многоточие в письме Девушкина: «Господин Быков будет всё зайцев травить...» [Там же. С. 107]. Этому предложению предшествует рассуждение героя о судьбе Варвары Доброселовой, принявшей решение ехать с Быковым: «Вы там умрете, вас там в сыру землю положат: об вас и поплакать будет некому там!» [Там же]. А после упоминания «травли зайцев» Макар продолжает пророчествовать: «Ведь вас там в гроб сведут; они заморят вас там, ангельчик» [Там же]. Так «травля зайцев» приравнивается к лишению жизни человека: морить – «умерщвлять, лишать жизни, губить; томить, утомлять, мучить» [12]. Мотив будущей смерти поддерживается обещанием Девушкина бежать за каретой («...я за каретой вашей побегу, если меня не возьмете, и буду бежать что есть мочи, покамест дух из меня выйдет» [Т. 1. С. 107]), коррелирующим с описанием похорон студента Покровского, когда его отец бежит за гробом [Там же. С. 45].

Как видим, уже в первом романе Достоевский использует семантически маркированные имена. Антропонимы не просто являются «говорящими»,

они гармонично вписываются в сюжетно-композиционную структуру романа, обеспечивая целостность восприятия изображаемых явлений, событий и характеров. С романа «Бедные люди» начинается формироваться ономастическая лаборатория Достоевского [см.: 13], со свойственными только ему приемами употребления, создания и творческого переосмысления ономастических единиц разных уровней.

Литература

1. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. В 30 т. Л., 1985. Далее указ. том и стр.
2. *Барит К.А.* Две переписки. Ранние письма Ф.М. Достоевского и его роман «Бедные люди» // Достоевский и мировая культура. М., 1994. № 3. С. 79.
3. *Яблоков Е.А.* Сын девушки, ставший словом (мифопоэтические мотивы романа Ф.М. Достоевского «Бедные люди»). URL: <http://www.eajablokov.ru/article1.html>. Дата обращения: 15.04.2018.
4. *Глезеров С.Е.* Исторические районы Петербурга от А до Я. М., 2013. С. 8.
5. *Достоевская А.Г.* Воспоминания. М., 1981. С. 290.
6. *Альтман М.С.* По вехам имен. Саратов, 1975. С. 11, 249.
7. *Волоцкой М.В.* Хроника рода Достоевского. М., 1933. С. 77.
8. *Белькинд В.С.* Образ «маленького человека» у Пушкина и Достоевского // Пушкинский сборник. Псков, 1968. С. 143.
9. *Владимирицев В.П.* Опыт фольклорно-этнографического комментария к роману «Бедные люди» // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1983. Вып. 5. С. 87.
10. *Веселовский С.В.* Ономастикон. URL: https://vk.com/doc-22926171_186921295. Дата обращения: 15.04.2018.
11. *Унбегаун Б.* Русские фамилии. М., 1993. С. 167.
12. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М., 1995. Т. II. С. 347.
13. *Скуридина С.А.* В ономастической лаборатории Ф.М. Достоевского // Русская речь. 2017. №6. С. 81–85.

Воронежский государственный технический университет

Мир домашних животных в диалектном словообразовании

© Л.В. САБУРОВА

В статье исследуются процессы диалектного словообразования лексико-семантической группы «Наименования домашних животных» на материале «Словаря вологодских говоров», выделяются основные модели словообразования, характерные для данной группы. Вовлеченность названий домашних животных в процессы диалектного словообразования позволяет понять, какие признаки этих животных оказываются наиболее существенными для диалектного языкового сознания, что позволяет лучше изучить мироощущение русского народа и дает возможность реконструировать существенные фрагменты *языковой картины мира* севернорусского крестьянина через призму диалектного словообразования.

Ключевые слова: диалектная языковая картина мира, вологодские говоры.

DOI: 10.31857/S013161170001624-5

The article examines processes of dialect word formation of the lexico-semantic group «Name of Pets» on the material of «The dictionary of the Vologda dialects», the main models of word formation characteristic of this group are defined. The involvement of names of pets into processes of dialect word formation allows to understand what signs of these animals turn out the most essential to dialect language consciousness that allows to study better attitude of the Russian people and gives the chance to reconstruct important fragments of a language picture of the world of the North Russian peasant through a prism of dialect word formation.

Keywords: dialect language picture of the world, Vologda dialects.

Особенности восприятия мира носителями того или иного языка неизбежно находят свое выражение в их речевой деятельности. Поэтому одной из важных научных задач является реконструкция языковой картины мира людей, использующих в коммуникативной практике различные функциональные разновидности языка, в первую очередь — территориальные

диалекты. Феномен диалектной языковой картины мира активно обсуждается в работах российских диалектологов [1; 2]. По их мнению, специфические черты картины мира диалектоносителей определяются их близостью к природе, коммуникативной замкнутостью, консерватизмом сельского труда и бытового уклада, более длительным сохранением традиционных этических и эстетических представлений. Анализ лексического состава народных говоров и когнитивный комментарий происходящих в нем словообразовательных процессов дают возможность понять, «какие семантические сферы языка открыты для словообразования <...>, как различные элементы и отношения словообразовательной системы русских говоров участвуют в объективации языковой картины мира» [3].

Рассматривая процессы диалектного словообразования на материале «Словаря вологодских говоров» [4], мы обратили внимание на активность этих процессов по отношению к названиям домашних животных. Большинство видовых наименований, отмечаемых в диалектной речи, относится к общерусскому лексическому фонду: это названия копытных животных (*корова* / *бык*, *овца* / *баран*, *коза* / *козел*, *свинья* / *боров*), животных семейства заячьих (*кролик*), кошачьих (*кошка*), волчьих (*собака*), а также домашней птицы (*кура* / *петух*). Активно используются общие названия домашнего скота (*скот*, *скотина*), птицы (*птица*) и всех домашних животных в целом (*живность*, *животина*). Многие из этих названий в исследуемой системе утратили словообразовательную производность: рус. **баран**, укр. *баран*, др.-чеш. *baran*, *beran*, польск. *baran*, ср. также: греч. *βάριον*, алб. *barí* «мелкий скот» [5. Т. 1. С. 123]; рус. **бык**, укр. *бик*, словен. *bik*, польск., в.-луж., н.-луж. *byk* [Там же. С. 258]; рус. **корова**, болг. *крава*, чеш. *kráva*, польск. *krowa*, ср. также лит. *kárve*, лат. *cervus* «олень» [Т. 2. С. 331]; рус. **овца**, укр. *вівця*, болг. *овца́*, польск. *owca*, ср. также: лит. *avis*, лат. *ovis* [Т. 3. С. 116]; рус. **скот**, укр. *скот*, род. п. *скотá*, блр. *скоціна*, др.-русск. *скоть* «скот», ст.-слав. *скоть* κτήνος, ζῴον (Euch. Sin., Супр.), болг. *скот* «скот», сербохорв. *skót*, словен. *skót*, род. п. *skóta* «детеныш животного, приплод», др.-чеш. *skuot*, *skót*, чеш. *skot* «крупный рогатый скот», польск. *skot*, в.-луж., н.-луж. *skót*, полаб. *sküöt* [Там же. С. 655]; рус. **собака** укр. *собáка*, блр. *сабáка*, др.-русск. *собака*, польск. диал. *Sobaka* [Там же. С. 702]; рус. **боров** «кладеный кабан», болг. *брав*, сербохорв. *brâv* «овцы», диал. «кастрированный кабан, боров», словен. *brâv*, чеш. *brav* «(мелкий) скот», словц. *brav* «боров», польск. *browek* «откормленный кабан» [Т. 1. С. 195] и др. Вместе с тем в системе вологодских говоров, сохраняющей элементы глубокой архаики, доля сохраняется производность и / или членимость некоторых слов (*пт/уц/а* — ср. *пот/к/а*, *пот/оч/к/а*, *не/т/ух* — ср.: *не/в/ень* и др.).

Вовлеченность названий домашних животных в процессы диалектного словообразования позволяет понять, какие признаки этих животных называются наиболее существенными для диалектного языкового сознания. Это внешний вид животного (*белянка* «кличка белой коровы», *блеховатик* «животное, в шерсти которого могут жить паразиты», *комлюха* «безрогая

корова», *криворылик* «животное имеющее неправильный прикус», *серавка* «овца серой масти»), его возраст (*годовик* «животное в возрасте одного года», *двулеток* «животное в возрасте двух лет», *лоншак* «годовалый жеребенок или теленок», *осенчук* «баран, родившийся осенью»), особенности рождения (*двойники*, *тройники* «животные, одновременно рожденные одним животным», *поздыш* «животное, родившееся позже ожидаемого срока»), способность или неспособность к воспроизводству (*ярун* «баран-производитель», *валух* «кастрированный бык»), хозяйственное назначение (*ведерница* «корова, дающая ведро молока за удой», *доенка* «дойная корова», *зимовица* «овца, оставленная в зиму на племя», *прикормок* «теленка, оставленный на зиму для прикорма»), особенности поведения (*бодунья*, *будысак* «бодливая корова», *забалунья* «резвая коза», *заблудница*, *заброда* «корова, которая уходит от стада на пастбище и может потеряться», *лягунья* «корова, лягающаяся во время дойки»).

Названия домашних животных активно вовлекаются в деривационные отношения. Регулярно реализуются значения половой дифференциации животного (*кролиха* / *кроль*, *поросиха* / *поросенок*, *козлуха* / *козел* и др.), наименования незрелых существ (*веприк* «поросенок», *котенок* «котенок», *кроленок* «крольчонок», *собачонок* «щенок»), значения стилистической модификации – увеличительное (*коровуха*, *телуха*), уничижительное (*коровенка*), уменьшительно-ласкательное (*котенчик*, *козлушечка*, *кутюшка*). Одним из наиболее востребованных оказывается также значение мяса животного (*бычина*, *коровятина*). В образовании слов других частей речи реализуются значения принадлежности животному (*бычий* «бычий», *куричий* «куриный», *кисий* «кошачий»), а также значения действия или признака, в основе которых лежит восприятие образа животного (*откозлить* «закончить прием пищи», *по-собачьи* «небрежно, кое-как»).

В вологодских говорах весьма активно реализуется лексико-семантическое словообразование по следующим моделям:

А) «название домашнего животного» > «название человека, обладающего сходными свойствами» (*валух* «нерасторопный человек» – ср.: *валух* «кастрированное животное», *выпорток* «бранн. обращение к ребенку» – *выпорток* «неродившийся детеныш, вынутый из тела матери», *комоль* «о человеке, у которого из-под головного убора не видно волос» – *комоль* «безрогий», *распетушь* «неопрятно одетая, крупного телосложения женщина» – *распетушь* «курица, начавшая кричать по-петушиному; гермафродит»);

Б) «название домашнего животного» > «название другого, преимущественно дикого животного» (*конек* «кузнечик», *корова* «лосиха»);

В) «название домашнего животного» > «название приспособления бытового назначения» (*коза* «железная решетка или корзина для разведения огня во время ночного лова рыбы», *кошка* «деревянная ручка, вращением которой приводится в движение барабан с тросом, поднимающим воду из

колодца», *петух* «стог, который не сдают в колхоз, а умышленно прячут для себя в кустах», *свинка* «свод русской печи» и др.).

Наиболее полно когнитивный потенциал названий домашних животных проявляет себя в сфере номинаций крупного рогатого скота, **коровы и быка** — крупных домашних животных, имеющих самое большое значение для крестьянского хозяйства. Наличие или отсутствие коровы, количество коров у одного хозяина определяло материальный достаток семьи, ее жизнеспособность и, соответственно, словообразовательно маркировалось: *бескоровник* «человек, не имеющий коровы в хозяйстве», *однокоровник* «крестьянин, в единоличном хозяйстве которого была одна корова». Производные слова, выражающие различного рода оценки, обычно связаны с номинацией **самки**, дающей молоко и приплод. Маркируются внешние признаки животного, позволяющие выделить корову из стада: окрас шерсти (*пеструха*, *пестрина*, *пеструшка* «корова пестрой масти», *бурена* «корова бурой масти», *белянка* «кличка белой коровы», *чернуха* «корова черной масти»), наличие или отсутствие рогов (*комольи* «безрогий»), функция в стаде (*походушня*, *стадоводка* «корова, идущая впереди стада»), возможность издавать звуковые сигналы (*проходец* «корова, у которой на шее колокольчик»), агрессивность животного (*бодушня* «бодливая корова»). Внешнее выражение приобретают возрастные характеристики (*переходка* «телка на втором году жизни», *четвертаха* «четырёхгодовалая корова») и, соответственно, готовность или неготовность животного к воспроизводству (*переходница* «яловая корова», *первотелка* «корова, отелившаяся один раз», *припусток* «телка, нетель», *яловуха* «яловая корова»). Отмечаются назначение коровы (*приданница* «корова, которую давали в приданое невесте») и, в первую очередь, количественные и качественные характеристики ее дойности: *доенка*, *ведерница* «корова, дающая ведро молока за удой», *слабомолокая* «легко отдающая молоко (о корове)», *тугодойца* «корова, доение которой требует больших усилий». Номинации **самца** значительно беднее. Это способность или неспособность животного к воспроизводству (*пороз* «кастрированный бык») и склонность к проявлению агрессии (*бодун* «бодливый бык»). Для названий **детеныша** также существенны два признака: возраст (*припусток* «теленка на 2 году жизни», *подростень* «теленка в возрасте двух лет», *переходник* «теленка на втором году жизни») и хозяйственное назначение (*подкорм*, *прикормыш*, *прикормок* «теленка, оставленный для откорма»). В этом случае речь идет о бычке, которого могли оставить для получения мяса. Для самки (*телка*, *телушка*, *телочка*) со временем актуализируются все те признаки, которые характеризуют взрослую корову.

Изучение словообразовательных значений, реализуемых в производных названиях домашних животных, свидетельствует, в первую очередь, об аксиологической направленности русского словообразования. Это вполне логично объясняется практической деятельностью человека. Анализ когнитивного

потенциала производных слов, называющих домашних животных, позволяет лучше изучить мироощущение русского народа и дает возможность изучить особенности языковой картины мира севернорусского крестьянина через призму диалектного словообразования.

Литература

1. Букринская И.А., Кармакова О.Е. Лексика диалектов как отражение народной картины мира // Язык: изменчивость и постоянство. Сборник статей. К 70-летию Л.Л. Касаткина. М., 1998. С. 5–14.
2. Демидова К.И., Злыденная Т.А. Ценностный аспект русской диалектной языковой картины мира // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2006. СПб., 2006. С. 72–80.
3. Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М., 1998.
4. Словарь вологодских говоров. Вып. 1–12. Вологда, 1983–2007.
5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М., 2004. Далее указ. только том и стр.

Вологодский государственный университет

К ЭТИМОЛОГИИ РУССКОГО ДИАЛЕКТНОГО *грасовяк*

© Т.В. ГОРЯЧЕВА

В статье рассмотрены возможные этимологии русского диалектного слова *грасовяк* ‘мелкая дичь’ и сделан вывод, что данное слово происходит от французского прилагательного *gris(e)* ‘серый’. В подтверждение этой версии автор приводит некоторые другие лексемы с тем же корнем (*грезет, грасет, грасетовый, грасовье, гризетка*) и на основе анализа их значений убеждается, что все они восходят к этому французскому слову с различными оттенками смысла.

Ключевые слова: русские словари, диалекты, просторечие, цветовые обозначения.

DOI: 10.31857/S013161170001625-6

In this article are analysed possible etymologies of Russian dialect word *grasovyak* ‘small forest birds’ and made conclusion that this word came from the French *gris(e)* ‘grey’. For the confirmation of this thought author shows some another lexemes with this root (*greset, graset, grasetovy, grasovie, grisetka*) and on the base of their meaning is convinsed that all they came from this French word with different shade of meaning.

Keywords: Russian dictionaries, dialects, simple-speech, colour.

В своем «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даль приводит слово *грасовяк* ‘лесная дичь, тетерева, рябчики и пр.’ и размещает его, хотя и со знаком вопроса, в статье звукоподражательного глагола *грать* ‘гаркать, гракать, каркать’. Такое сближение могло бы быть вероятным в случае номинации по издаваемым звукам. Но не следует ли искать в этом случае иную мотивацию и иной источник?

Слово *грасовяк* [?], а, м. представлено в «Словаре русских народных говоров» в значении ‘мелкая дичь: тетерева, рябчики и пр.’ с пометой *арханг.* [1]. Здесь же дается дополнительное примечание: «Даль [3-е изд., с вопросом и примеч. “сомнительно”]. Там же читаем: «*Грасовьё* [?], -я, ср. Двухцветный отлив птичьих перьев. Арх. Даль».

Сразу же напрашивается мена *к/г, грасовяк < красовяк, грасовьё < красовьё*. Однако происхождение этих слов следует рассматривать глубже, и на это есть основания. Рядом с *грасовьё* в Словаре русских народных говоров помещено прилагательное *грасетовый, -ая, -ое* в значении ‘сшитый

из материи грезет': «Я юбку купил, Я ситцевую душегрейку, Грасетовую (песня)» курск., Соболевский [1]. Здесь, в трех словах, очевидно родственных и восходящих к *грезет*, — одна и та же мена *а/е, з/с* (характеристика птичьих перьев, очевидно, из речи охотников).

Грезет встречается в русских словарях с XVIII-го века: *грезет* (1758) (*гри-* 1747, прост. *гры-* 1763) 1 'шелковая однотонная материя с мелким писаным узором'; 2 'гризет, материя серая дешевая, которую носят низкого состояния женщины'. *Грезетовый* и *грезетный* (*гри*), *-ая, -ое*. Ризы комчатные зеленые, оплечье грезетовое красное. «В гризетном, да в выбойчатом, щеголять принуждена». Юбка *черная* грезетовая. Восточная Сибирь, Забайкалье: *грезет* (*грызет*), *-у, м.* 'шелковая однотонная материя с мелким тканым узором' [2]. *Грызет*: (Прост.) '«Пятьдесят аршинъ грызету нитного сандалной краски» (1726) «Грезету красного по примеру одинъ аршинъ (1773)», а также гризетовой (грызетовой), *-ая, -ое*. Сшитый из гризета. — «8 ар. лентъ грезетовых голубых <...> юбка *грезетовая черная* (1785) — «Шушун *грезетовый зеленый...*» (1786) [3].

Русск. *грезет* заимствовано из французского *grisette* (там же). Слово зафиксировано и в Словаре Академии Российской в значении 'шелковое истканіе (ткань. — *Т.Г.*) с травчатыми мелкими узорами одинакового всегда цвета с тканью бывающими'. «Купить грезета на платно», «Грезетовый кафтанъ», «Грезетовая юбка» [4].

В словаре современной диалектной лексики Сибири представлено также *грызет*, *-а, (-у)*, *м.* 'вид парчи, глазет': «Ежели любишь, милый, Купи яловый гризет» (из песни) [5].

В русском просторечии употреблялось устаревшее ныне слово *гризетка* в значении 'швейка' (собственно — носящая серое платье: *grisette*), середина между белым и черным, добрым и непохвальным. «Еще в первый мой приезд в Париж были гризетки, а теперь там все лоретки, а это разница большая. Писемский. Мешане» [6].

Слово *грезет* заимствовано из французского языка: *grisette* — уст. 'сорт легкой дешевой ткани', 'гризетка', уст. 'платье из гризета (серое)', 'серая славка, турпан, пастушок (виды птиц)', 'гриб-зонтик, поплавок (поганка)', 'словник виноградный', 'серая ночная бабочка', 'гнилое дупло', которое восходит к *gris, grise* [*gri, griz*] [7], значащему, в частности, 1. 'серый цвет', ~ *perle* 'жемчужно-серого цвета', ~ *souris* 'мышинного цвета', ~ *potadé* 'серый в яблоках цвет'. 2. 'серая лошадь, лошадь серой масти'. 3. 'серое (об одежде)'. 4. 'обычный, простой табак'; 'беличий мех'. Франц. *grisette* восходит, по Роберу, к *gris, grise* 'серый' [8].

В индоевропейских языках нередко одно и то же цветообозначение употребляется как название нескольких разных цветов, как мы видели выше. Переливы цветов характерны и для тканей, и для оперения птиц. Слова *грасетовый, грасовьё* и *грасовяк*, очевидно, связаны между собой. Даль дает последнее слово в значении 'лесная дичь: тетерева, рябчики и

пр.' (с вопросом). В числе этих промысловых птиц – «красной» дичи – он не упоминает самую крупную и яркую птицу – глухаря *Tetrao Urogallus* семейства тетеревиных. Вот как пишет о нем К.Б. Митителло в книге «Птицы. Краткий карманный определитель»: «Самцы окрашены ярко: черно-серая спина, грудь зеленоватая с металлическим оттенком, крылья серые» [9]. На груди глухаря явные переливы цветов зеленого и голубого. Возможно, *грасовяк* – название глухаря. Переливы имеет также и тетерев *Lagurus tetrix* – синоним: косач. Вот как описывает Митителло тетерева обыкновенного: «Взрослый самец имеет черное оперение со стальным отливом, ярко-красные брови, на крыльях длинные черные косицы» [Там же]. Возможно, словом *грасовяк* 'глухарь' стали называть всю лесную красную дичь.

Таким образом, в слове *грасовяк*, представленном в словаре В. Даля, следует усматривать не только иноязычное происхождение, но и мотивацию названия птицы по цвету ее оперения, а не по издаваемым ею звукам.

Литература

1. Словарь русских народных говоров. М.–Л., 1965 –. Вып. 7. 1972. С. 116.
2. Словарь русского языка XVIII века / Гл. ред. Ю.С. Сорокин. Л., 1989. Вып. 5. С. 227.
3. Словарь Академии Российской 1789–1794. В 6 т. М., 2002. Т. 2. С. 340.
4. *Майоров А.П.* Словарь русского языка XVIII века. Восточная Сибирь. Забайкалье. М., 2011. Вып. 4. С. 106.
5. Словарь русских говоров Сибири / Под ред. А.И. Федорова. Новосибирск, 1999. С. 286.
6. *Михельсон М.И.* Русская мысль. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. В 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 215.
7. Новый французско-русский словарь. М., 2006. С. 502–503.
8. Petit Robert / CD-ROM.
9. *Митителло К.Б.* Птицы. Краткий карманный определитель. М., 2013. С. 27.

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

*Устные предания
о московском святителе Алексии*

© А.А. МЕДВЕДЕВ,
кандидат филологических наук

В статье рассматриваются устные предания о московском митрополите Алексии, которые дополняют сведения о святом, помещенные в жития, различные сборники и летописи. Собственно фольклорные представления лежат в основе народного почитания святого митрополита Алексия, дополняя представление об этом государственном и церковном деятеле.

Ключевые слова: митрополит Алексий, устные предания, почитание святого, местная устная традиция, житие святителя.

DOI: 10.31857/S013161170001626-7

The article is devoted to the oral traditions of the Moscow Metropolitan Alexius, which supplement the information about the St. Alexius from the hagiographies, various collections and chronicles. In fact folklore ideas are the basis of national veneration of the St. Alexius, supplementing the idea of this state and church figure.

Keywords: Metropolitan Alexius, oral traditions, veneration of the Saint, local oral tradition, the hagiography of the Saint.

Фольклорные сведения о святителе Алексии использовались исследователями только лишь в случаях отсутствия материалов из рукописных источников или же для их дополнительной иллюстрации. Привлечение устных преданий в качестве материала изучения личности митрополита Алексия дает возможность более полно представить образ этого государственного и церковного деятеля XIV века.

Характеризуя предания, В.К. Соколова подчеркивает, что в этом жанре «...из событий об историческом деятеле берутся отдельные эпизоды, произошедшие в данном месте, рассказывается об отдельных случаях (действительных или вымышленных, но таких, какие могли произойти)», для преданий важно частное, а основная проблематика – социальная [1]. Предания о московском митрополите Алексии, зафиксированные в устной традиции в XVIII веке, сохранили немало сведений сказочно-легендарного характера, которые отсутствовали в житиях. Вероятнее всего, агиографы были знакомы с этими преданиями, но не включали их в свои произведения, предполагая, что достоверная информация о святителе помещалась в летописи, сборники и жития их предшественниками. Не исключено, что осмысление и интерпретация фактов, полученных из устных преданий, а также ряд собственно фольклорных представлений лежат в основе народного почитания святого митрополита Алексия.

Зафиксированные в рукописях XVI–XVII веков агиографические легенды описывают отдельные эпизоды из жизни митрополита Алексия. В Пинежском летописце XVII века нами была обнаружена легенда о чуде, которое произошло во время поездки святителя Алексия в Золотую Орду в 1357 году: во время пиршества святителю Алексию «принесе на стол ествы царьския, и принесе пред него на блюде кобылью голову скотиную. Алексей же огради глову крестом Христовым знамением и дуну из уст своих || духом святым, и явился глава на блюде щуки рыбы свежая». «...Страхом одержим и бысть трепетен» хан Бердибек не пожелал больше искушать нечистым и скверным, за столом попросил прощения у митрополита и пообещал не совершать походов на Русь. И с этого момента, как отмечает летопись, «злый гнев царя Бердебеня не ходит на Русь» [2].

Эта легенда не встречается ни в одной из редакций жития митрополита Алексия, нет этих сведений в летописях, которые могли послужить источником для создания Пинежского летописца. Так как Пинежский

летописец возник в простонародной среде Двинской области, а во включенных в него баснословных историях встречаются обороты фольклорного происхождения и просторечные слова, то мы можем говорить о сказочно-легендарном характере эпизода «искушения» святителя Алексия, бытовавшего в народной среде. Не исключено, что источником этого фрагмента Пинежского летописца служило устное предание.

Следующее предание сообщает о столкновении митрополита Алексия с сыном ордынского хана Моллагавзадина (Мола Гавзадина) Мунзи богатырем. В большинстве редакций жития святителя (в летописях, в пахомиевской редакции, в Степенной книге царского родословия, Великих Минеях Четых митрополита Макария, пространной редакции XVII века) такой рассказ не приводится. По всей видимости, для агиографов того времени он представлялся необязательным и маловажным. Единственный раз этот фрагмент в виде краткого сообщения появляется в сборнике начала 30-х годов XVI века. Здесь речь идет о том, что хан Золотой Орды был слепым, поэтому, зная, что святитель Алексий исцелил царицу Тайдулу от слепоты, пригласил его к себе, там и произошло прение о вере. Скорее всего, это случилось сразу же после исцеления Тайдулы от ее недуга, когда митрополит Алексий второй раз посетил Золотую Орду. Вот что об этом рассказывает рукопись: «Моллагавзадинъ слѣпъ былъ, а жена у него была царица, Барака царя сестра, а сынъ былъ у него Мунзи богатырь: тотъ прелся съ митрополитомъ съ Алексѣемъ въ Ордь предъ царемъ, коли царицу слѣпу просвѣтилъ Зенебекову въ Ордь» [3]. По мнению Е.Е. Голубинского, появление этого героя нужно было автору исключительно для реализации соответствующего композиционного мотива. Далее ученый утверждает, что запись эта была сделана на основе устного предания [4].

Следующие сюжеты характеризуют деятельность святителя Алексия, которая имела особенную значимость для конкретной местности. Народное почитание святого в этих преданиях большое внимание уделяет месту действия, а не времени.

На пути в Орду летом 1357 года, спускаясь на судах вниз по Волге, святитель Алексий неоднократно выходил на берег, где не только отдыхал и осматривал окрестности, но и узнавал о месте пребывания Золотой Орды, которая нередко передвигалась по Самарскому Заволжью. Одним из излюбленных мест остановок ханов было цветущее урочище Уртюпе, получившее свое название от имени круглой горы Уру-Тюпя, одиноко возвышающейся в окружении рек Сока, Волги и Курума (ныне Царев курган). Но хана здесь не оказалось. Поэтому после короткой остановки у родников, которые вытекали из горы Уру-Тюпя, выпив воды из родника и получив необходимые сведения от гонца Сарайского епископа Иоанна, митрополит благословил дальнейший путь.

С поездкой в Золотую Орду связано поволжское предание, в котором святитель Алексий навестил православного отшельника (его имя в

предании не приводится), проживавшего на берегу некогда существовавшего небольшого озера, где впоследствии возникнет городская площадь, которая носила имя Алексия (ныне в городе Самаре — площадь Революции). Обозрев окрестности, в беседе с пустынником митрополит Алексей предрек возникновение здесь русского города со славной судьбой: «Здесь будет город великий, в коем просияет благочестие, и никогда оный город разорению не будет подвержен...» Тогда же Алексей побывал у речников, которые трудились на пристани Самар в устье реки Самары. После этого события митрополит московский и всея Руси Алексей считается небесным покровителем города Самары.

На протяжении всей своей жизни святитель Алексей многое сделал для возвышения Москвы. Являясь небесным покровителем и заступником столицы, святой многое сделал для защиты ее от врагов. В связи с этим появляются устные предания, которые повествуют о чудесах митрополита. В 1522 году, во время нашествия крымского войска хана Мехмед-Гирея, святитель Алексей вместе с великими чудотворцами Петром, Ионой и Леонтием явился жителям Москвы в видении крестного хода с чудотворной Владимирской иконой Божией Матери, знаменуя небесное заступничество от врагов. Этот сюжет был зафиксирован в Степенной книге царского родословия, сообщающей о русско-татарской вооруженной борьбе в начале XVI века [5].

К московским преданиям относится легенда о запрете в XIV веке сорокам появляться в столице. Святитель Алексей, увидев одну ведьму в образе сороки, которая утащила частицу святого причастия, проклял и наложил запрет на всех сорок, чтобы они никогда не появлялись в Москве.

А.Н. Афанасьев в книге «Славянские колдуны и их свита» приводит рассказ историка В.И. Татищева, который в свою очередь зафиксировал его со слов простолюдинов города Лубны в 1714 году [6].

М.О. Скрипиль, рассматривая «Повесть о Петре и Февронии» по отношению к русской сказке, приводит легенду, в которой Феврония проклинает жителей деревни Ласково, высмеивающих святую, когда ее в санях в Петров день повез Петр на венчание: «...наши ласковские смеются над ней, кричат ей вслед: “Вон нашу дурочку в санях повезли с князем венчаться”. Она обернулась и говорит: “Ни бо’леть вам, и ни ме’неть”. Прокляла она наше Ласково, как стоит в нем шесть дворов, так и не убавляется и не прибавляется. Молодые, какие рождаются, помирают» [7. С. 156].

Слова проклятья «Ни бо’леть вам, и ни ме’неть» М.О. Скрипиль связывает с местной окской легендой, в которой фигурирует святитель Алексей. По словам исследователя, в середине XIII века митрополиту Алексю «дан на кормление город, получивший, очевидно, вследствие этого название “Алексин”». Вот что повествует легенда: «Алексей ехал в Орду, будучи вызван туда для исцеления жены хана. У города Алексина ему пришлось переправляться через Оку, и он обратился к помощи жителей пригородной рыбацкой слободы. Те перевезли его и за это потребовали платы. У Алексия не было денег, и

они сняли с него крест; тогда митрополит им сказал: “За то, что вы со мною так поступили, вы всегда будете жить ни бедно ни богато”» [Там же. С. 157].

М.О. Скрипилем была предпринята попытка связать эти два сюжета в один (проклятие святым местных жителей), а также установить местное окское распространение этого предания. По мнению А.Б. Мороза, нет никакой связи ни между святителем Алексием и Февронией, ни между использованием речевой формулы, ни между местом возникновения этой легенды, так как были обнаружены аналогичные слова-проклятия (святой Антоний Сийский проклинает крестьян, не давших ему построить монастырь и пустивших его на плоту по реке: «Жить вам ни серо, ни бело; ни голо, ни богато»; Геннадий Костромской и Любимоградский проклинает прогнавших его жителей Любимского уезда словами: «Живи ты, любим, не сыт и не голоден!»). Эта формула «является характерным средством характеристики сакрального персонажа» [8].

Еще одно предание связано с атрибутом верхней одежды архиерея – саккосом, который в настоящее время хранится в Музее Московского Кремля. Согласно одному из преданий, саккос был подарен митрополиту Алексию женой ордынского хана Тайдулой, исцеленной им от слепоты во время пребывания митрополита в Орде. Во второй редакции жития митрополита Алексия, написанной Пахомием Логофетом, сообщается, что, увидев во сне святителя Алексия в ярком церковном облачении, Тайдула повелела изготовить к приезду святого в Орду драгоценное одеяние, достойное святого митрополита. После исцеления ордынский хан Джанибек подарил святителю перстень, а Тайдула вручила саккос и ярлык, освобождающий Русь от всех даней и поборов. Согласно житию при обретении мощей святителя Алексия его тело оказалось нетленным, а одежды, в том числе и саккос, остались целыми.

Таким образом, рассмотрев устные предания о московском святителе Алексии, мы можем сделать вывод об общерусском характере культа святителя Алексия. Помимо известных в народе житийных текстов о московском митрополите параллельно существовали устные предания, которые содержат много сведений о статусе святителя, его роли в общественной, политической и религиозной жизни Древней Руси, не включенных агиографами в жития. Святитель Алексей благодаря устным преданиям являет собой образ великого чудотворца, небесного покровителя и заступника Руси, доброго целителя всех тех, кто обращается к нему.

Литература

1. Соколова В.К. Изображение действительности в разных фольклорных жанрах // Русский фольклор. Т. XX. Фольклор и историческая действительность. М., 1981. С. 40.

2. *Копанев А.И.* Пинежский летописец XVII в. // Рукописное наследие Древней Руси (по материалам Пушкинского Дома). Л., 1972. С. 73–74.
3. Российская Государственная Библиотека. Собр. Румянцева. Ф. 256. № 204. Л. 491.
4. *Голубинский Е.Е.* История русской церкви. Т. 2, первая половина тома. М., 1997. С. 131.
5. Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: Тексты и комментарий. В 3 т. / Отв. ред.: Н.Н. Покровский, Г.Д. Ленхофф, 2007. Т. 2. С. 308–309.
6. *Афанасьев А.Н.* Славянские колдуны и их свита. М., 2014. С. 161.
7. *Скрипиль М.О.* «Повесть о Петре и Февронии муромских в ее отношении к русской сказке» // ТОДРЛ. М.–Л., 1949. Т. 7. С. 156–157.
8. *Мороз А.Б.* Народная агиография: устные и книжные основы фольклорного культа святых. М., 2017. С. 135–136.

Московский педагогический государственный университет

Язычей

© Д.С. КУЛМАМатов,
доктор филологических наук

В статье на фактическом материале рассматривается семантическая структура тюркской реалии *язычей*, не получившей своей презентации в виде отдельной словарной статьи в русских лексикографических источниках.

Ключевые слова: *язычей, подъячий, мурза, тюркская реалья, семантическая структура, деловая письменность XVII века.*

DOI: 10.31857/S013161170001627-8

In the article, on the actual material, the semantic structure of the Turkic realities *yazichei* of the heathens is considered, which has not received its presentation as a separate dictionary entry in Russian lexicographic sources.

Keywords: *yazichei, scribe, murza, turkic reality, semantic structure, business writing of the XVII century.*

Изучение лексической системы русской деловой письменности является одной из актуальных проблем русистики. Обращение к словарному составу текстов русских деловых памятников важно ещё и потому, что дает возможность затронуть проблему определения семантической структуры лексических единиц, не получивших своей презентации в виде отдельных словарных статей в русских лексикографических источниках. Такими являются «реалии – слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического

развития) одного народа и чуждые другому, будучи носителями национального и/или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках, и, следовательно, не поддаются переводу на общем основании, требуя особого подхода» [1. С. 68]. Особый интерес в этом отношении представляет употребление тюркской реалии *язычей* в русских скорописных текстах восточных дел Посольского приказа XVII в., хранящихся в фондах Центрального государственного архива древних актов (РГАДА) в Москве.

В фонде 109 «Сношения России с Бухарой» РГАДА содержатся неопубликованные документы, связанные с приездом в 1671 г. бухарского посла Муллофора в Москву, где слово *язычей* обнаруживается во многих листах (написание сокращений здесь и далее дается в современной орфографии). Например: «В нынешнемъ во РОӨ [1671. — Д.К.] году генваря КЗ [27. — Д.К.] день пришел к великому государю и и великому князю Алексею Михайловичу всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу к Москве бухарского Абдулазис хана посланецъ Муллофаръ а с нимъ ево да язычей да людей ево кошеварах SI [16. — Д.К.] человекъ» (РГАДА. Фонд 109. Опись I. 1671 г. Дело I. Лист 16; *язычей* отмечается также на других листах данного дела: л. 17 — 2 раза, л. 26 — 2 раза, л. 27 — 2 раза, л. 28 — 4 раза, л. 51 — 4 раза, л. 73 — 2 раза, л. 101 — 2 раза, л. 113 — 2 раза, л. 120 — 2 раза, л. 122 — 2 раза, л. 131 — 2 раза).

В работах исследователей, занимавшихся изданием и изучением материалов указанного фонда (в связи с этим посольством), тюркская реалия *язычей* вызвала семантические затруднения. Например, в одном из документов, опубликованном в «Сборнике князя Хилкова» в виде приложения, *язычей* в контексте в скобках издателями пояснен словом толмач: «7179 (1671) генваря 27, приехать в Москву бухарский посланецъ Муллофоръ, а съ нимъ сынъ его, да язычей (толмач), да людей его и кашеваровъ 16 человекъ» [2. С. 514]. А в описательной же части данного документа издателями в контексте в скобках при помощи тюркской реалии *язычей* пояснено слово *переводчик*: «... бухарский посланник Муллофор приехал в Москву 27 генваря 1671 года с сыном, переводчиком (язычей) и 16 служителями и кашеварами» [Там же. С. 457]. С.В. Жуковский, сославшись на материал данного сборника, этот же контекст приводит в несколько измененном виде: «Моллофор прибыл в Москву 27 января 1671 года с сыном, переводчиком и 16 служителями» [3. С. 215].

Приведенные выше пояснения, к сожалению, ничем не обоснованы. Остается неясным, являются ли слова *переводчик* (лицо, занимавшееся письменными переводами) и *толмач* (лицо, занимавшееся устными переводами) эквивалентами или же синонимами тюркской реалии *язычей*. В любом случае оба объяснения представляются нам сомнительными.

Издатели «Сборника князя Хилкова» не обратили внимание на тот факт, что в части документов об этом посольстве, предшествующих изданной (причем неизданная часть — 1–15 листы документа написаны

другими чернилами и почерками), в том числе и в тексте указа царя Алексея Михайловича и царевича Иоанна Алексеевича тобольскому боярину и воеводе, князю Ивану Борисовичу Репнину, князю Ивану Федоровичу Щербатову, дьякам Михаилу Чирикову и Юрию Блудову от 30 ноября 1670 г., тюркской реалии *язычей* соответствует слово *подьячий*: «<...> государева жалованья поденного корму дано бухарскому послу от Тобольска до Верхотурья на две недели Муллофору и людем ево по шести алтынъ по две деньги денег да питья послу по три чарки вина и по полу четверти ведра меду по четверти ведра пива а сыну ево и подьячему и людем и кашеваром ево шестинатцати человеком по чарке вина по полу четверти ведра пива на день человеку а от Верхотурья до Москвы государева жалованья имать ему Ивану на того посла и на сына ево и на подьячего и на людеи и на кашеваров по городомъ у стольников и у воевод и у дьяков и у всяких приказных людеи от города до города против того по чему тому послу и сыну ево и подьячему и людем ево и кашаваромъ государева жалованья додано на кормъ денег и питья в Тобольску ...» (РГАДА. Ф.109. Оп. I. 1671 г. Д. I. Л. 6–7).

Сопоставление текстов, написанных разными писцами, показывает, что одни предпочитали в качестве эквивалента тюркскую реалию *язычей*, а другие – русское слово *подьячий*.

В составе этого же дела, но в его конечной части, в «переводе <...> с челобитной бухарского посла Муллофарука» к Алексею Михайловичу от 21 февраля 1671 г. *язычей* именуется *писарем*: «А ныне мне послу и товарищем моимъ тринадцати человекомъ и те хановы люди да сыну моему и писарю моему да тремъ человекомъ бухарского государства с любительными грамотами к вам великому государю приехали и ваши пресветлые очи видели пожалуй великии государь своим государским жалованьемъ» (Там же. Л. 100).

Язычей отмечен и в другом деле («Приездъ бухарского посланника Аджи Фарука и отпускъ его из Москвы обратно в Бухарию») вышеуказанного фонда: «А на Москве бухарскому посланнику Аджи Фаруку дают великого государя жалованье поденной кормъ и питья против бухарского посла Муллофора вдвое для того что он приехал з добрымъ деломъ язычею сукно кармазинъ да вместо денег пара соболеи въ S [6. – Д. К.] рублевъ» (РГАДА. Ф. 109. Оп. I. 1675 г. Д. I. Л. 159).

В составленной в 1744 г. на основе этих документов Н. Бантышем-Каменским рукописной «выписке о бывших в Росии бухарскихъ послахъ с обстоятельнымъ показаниемъ приезда их в Россию порученных имъ делъ, на оныя ответовъ, бывших имъ приемовъ и содержания в 1619 по 1744 годъ» восточная реалия *язычей* поясняется с помощью известного русского слова *подьячий*: «7179 (1671) года генв. 27 приехалъ в Москву бухарской посланецъ Муллофоръ а с нимъ сынъ его да язычей (то ез подьячей) да людеи и кашевровъ его 16 человекъ» (РГАДА. Ф. 109. Оп. I. 1619–1744 гг. Д. I. Л. 11).

Факт отождествления слов *язычей*, *подьячий*, *писарь* в документах, на что обратил внимание Н.Н. Бантыш-Каменский, не учитывался и позже, когда тюркская реалия *язычей* была отмечена издателями «Материалов по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР» в «расспросных речах возвратившихся в Астрахань русских торговых людей, ограбленных в Хиве августа в 12 день 154-го [1646] году: «А товаров де их осматривать и переписывать прислал Абыл-Газы царь язычей своего Шаум-Абыза, не допусая до города Хивы версты за две. А которого де дни они с товары своими в город Хиву приехали и на подворье стали, и того же дни Абыл-Газы царь прислал к ним того же своего язычей, и взял с них тот язычей с товаров их на царя пошлину по цареву приказу» [4. С. 328].

К данному изданию приложен «Словарь малопонятных слов», составленный А.С. Булгаковым, и в нем *язычей* отождествлен со словом *язык*: «язычей — то же, что язык», а последнему термину в другой словарной статье дано следующее толкование: «пленник, от которого расспросами выведывают сведения о неприятеле: обвинитель, обличитель перед судом» [Там же. С. 461]. На необоснованность приведенного толкования обратил внимание И.Г. Добродомов и при помощи этимологических соображений на базе тюркских соответствий (в частности, тур. ЙАЗЫДЖЫ, татар. ЙАЗУЧЫ «писец») установил правильную семантику тюркской реалии *язычей* [5. С. 60–65].

Тюркская реалия *язычей* со значением «писец» встречается и в русских письменных памятниках, связанных с Крымом, например, в конце старого русского перевода второй шертной записи посла крымского князя Велиши Слушева от 13 октября 1683 г., изданной в сборнике документов «Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв.» Ф.Ф. Лашковым: «У сей записи печати приложены разменного бея Кутлуши мурзы, Дербыша мурзы, а в печатех написаны имена их, а к записи руку приложил вместо разменного бея и мурз Селеметя мурзы, Ахмета мурзы, Кутлуша мурзы, Дербыша мурзы, Мустофы мурзы, Абдула азиса мурзы и вместо всех мурз язычей Абдул Гафар, для того — они ни х каким письмам сами рук не прикладывают и грамоте не умеют» [6. С. 197]. К сожалению, тюркскую реалию *язычей* Ф.Ф. Лашков оставил без объяснений. При внимательном рассмотрении приведенного контекста можно догадаться, что *язычей* действительно название какого-то должностного лица, не только умеющего писать, но и имеющего право подписывать документы за других, потому что не всякий грамотный человек имел право расписываться за мурз. Слово *мурза*, «употребляемое без собственного имени, как звание, значит: секретарь, писарь; поставленное после собственного имени, означает князя из шахской фамилии, царской крови, как некогда называли и потомков Тимура; в начале собственного имени — соответствует слову господин, всякий грамотный человек, редактор» [4. С. 119].

Вышеизложенный материал свидетельствует о том, что тюркская реалья *язычей* со значением «должностное лицо, занимающееся в восточных канцеляриях письменными делами», и соответствующее по рангу русскому *подьячему*, «помощнику дьяка, занимавшемуся письменными делами в царской канцелярии», было известно большому кругу лиц Посольского приказа.

Приведенные факты, в том числе дополнения, уточнения, которые на основе этих данных могут быть внесены в исторические словари и в материалы иных научных исследований, говорят о достаточно высокой историко-лексикологической информативности рассматриваемых материалов.

Литература

1. *Влахов С.И., Флорин С.П.* Непереводимое в переводе. М., 1986.
2. Сборник князя Хилкова. СПб., 1879.
3. *Жуковский С.В.* Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Петроград, 1915.
4. Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР (Труды Историко-археографического института и Института востоковедения...) Вып. 3. Ч. I. Л., 1932.
5. *Добродомов И.Г.* Этимологические маргиналии тюрколога по русской лексикографии // Этимологические исследования. Сб. научных трудов. Свердловск, 1984. С. 55–65.
6. *Лашков Ф.Ф.* Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв. Симферополь, 1891.
7. *Кулмаматов Д.С.* Мурза-мирза // Русская речь. 2014. № 5. С. 118–121.

Узбекский государственный университет мировых языков

Желтофиоль в художественных текстах и толковых словарях

© А.С. КУЛЕВА,

кандидат филологических наук

В статье на примере слова *желтофиоль* рассматривается проблема лексикографирования названий растений. Работа над современными толковыми словарями требует системного подхода к описанию определенных лексических групп. Корпусные методы позволяют судить об употребительности отдельной лексемы.

Ключевые слова: корпус, лексикография, лексикология, растения, словарная статья, толковый словарь.

DOI: 10.31857/S013161170001628-9

The paper studies Russian plant names, such as *zheltofiol* ‘wallflower’, and proposes to search for ways of their adequate lexicographic description, using systematic approach, and corpus methods.

Keywords: corpus, entry, explanatory dictionary, lexicography, lexicology, plants.

Название декоративного растения *желтофиоль* — яркий пример неполного совпадения языковых картин мира, представляемых лексикографическим описанием языка, языком художественной литературы и непосредственной языковой компетенцией современного носителя языка. Такое расхождение вполне естественно, поскольку толковый словарь по определению консервативен — он отражает сложившееся состояние языка, подтверждаемое примерами из образцовых (то есть обычно прошедших проверку временем) художественных текстов. Новые слова, актуальные для современного носителя языка, фиксируются толковыми словарями позднее, тогда как выпавшие из языка единицы переключиваются в лексиконы редких и устаревших слов. Однако в этом закономерном процессе происходят сбои, которые приводят к появлению своего рода «знакомых незнакомцев», агнонимов или словарных двойников.

Такие случаи интересны сами по себе, но более того, они позволяют проследить некоторые закономерности, системные сдвиги.

Так, слово *желтофиоль* явно не входит сейчас в активный словарный запас, но кажется относительно знакомым. Оно встречается в художественной

литературе — наряду с такими названиями не очень привычных сейчас растений, как *волькамерия*, *резеда* или *тубероза*, и до недавнего времени входило в авторитетные толковые словари. Согласно [Сводный словарь 1991, 1], лексема фиксировалась основными словарями: толковыми [СУ; БАС-1; МАС-1; Ожегов 1973] (а также [РСС]), орфографическим и орфоэпическим, энциклопедическими. Но из более поздних словарей эта лексема исчезает: ее нет в [МАС-2] и маловероятно ее включение в очередной том [АТОС], нет ее в одностомных толковых словарях [Ожегов, Шведова; Шведова; БТС]. «Литературность» слова *желтофиоль* подтверждается его фиксацией в словарях поэтического языка [Кожевникова, Петрова; СЯРП, II]. Ср. в [БАС-3]: ‘желтофиоль, и, ж. Комнатное и садовое травянистое растение сем. крестоцветных с желтыми или красновато-желтыми цветками и приятным запахом; лакфиоль’ (примеры из Тургенева и А.К. Толстого). В филологической литературе *желтофиоль* изредка упоминается в ряду цветочных образов, см., например, [Тарасова 2008; Бельская 2017], само же слово, как кажется, внимания исследователей не привлекало.

Обращение к НКРЯ подтверждает, что это слово малоупотребительно и область его употребления относится почти исключительно к прошлому, — таким образом, его исключение из толковых словарей вполне оправдано. Однако в различные словари редких и устаревших слов (типа [Рогожникова, Карская; Федосюк] и др.), этимологические словари, словари иностранных слов *желтофиоль* также не попадает.

В основном корпусе НКРЯ находим всего 10 документов, 12 вхождений лексемы (самые ранние примеры датируются 1795 годом — 4 контекста из журнальных статей), среди них следующие: «Агафья рассказывает ей не сказки: мерным и ровным голосом рассказывает она житие пречистой девы, житие отшельников, угодников божиих, святых мучениц; говорит она Лизе, как жили святые в пустынях, как спасались, голод терпели и нужду, — и царей не боялись, Христа исповедовали; как им птицы небесные корм носили и звери их слушались; как на тех местах, где кровь их падала, цветы вырастали. “Желтофиоли?” — спросила однажды Лиза, которая очень любила цветы...» [И.С. Тургенев. Дворянское гнездо (1859)]; «В огороде сад развел; на капустных грядках желтофиоли рассадил, да махровые розы» [Н.П. Вагнер. Сказки Кота-Мурлыки (1872)]; «Полы, окна и двери обеих комнат были вымыты самым тщательным образом; на окнах навешены белые кисейные занавески, несколько лет покоившиеся в сундуке бабушки, и наставлены горшки герани, роз и желтофиолей — подарок жены священника [А.Н. Анненская. Анна (1881)]; «Но в эту минуту в дверях показался сам барон Вестингауз, молодой старик с напудренным носом, нафабранными усами и желтофиолью в петлице [М.С. Шагинян. Месс-Менд, или Янки в Петрограде (1923–1924)]; «Все три пистолета я швырнул в ту сторону, где цвели персидские цикламены, желтофиоли и черт знает, что еще» [Венедикт Ерофеев. Проза из журнала «Вече» (1973)].

Более показательными для этого слова можно назвать поэтические употребления (11 вхождений в поэтическом корпусе НКРЯ) – часто в рифменной позиции, например:

Цветы у нас стояли в разных залах:
Желтофиолей много золотых
И много гиацинтов, синих, алых,
И палевых, и бледно-голубых <...>
[А.К. Толстой. Портрет (1872–1873)]

Я видела в окно: на маленькой гондоле
Он уплывал от стен монастыря,
И за кормой пурпурная заря
Дрожала в синеве цветком желтофиоли.
[В.Я. Брюсов. Анатолий (1894)]

Но урони, смеясь сквозь боль,
Туда, где облака-скитальцы, –
Ну, урони желтофиоль
В мои трясущиеся пальцы!
[Андрей Белый. Паук [Паутина] (1908)]

Пусть каждому приколет
Желтофиоль на грудь
И каждому позволит
Вздохнуть о чем-нибудь.
[В. Ф. Ходасевич. Серенада (1914)]

По деревянным антресолям
Стоят цветочные горшки
С левкоем и желтофиолем,
И дышат комнаты привольем,
И пахнут пылью чердаки.
[Б.Л. Пастернак. Земля (1947)]

«Желтофиоль» – похоже на виолу,
На меланхолию, на канифоль.
[Г. В. Иванов. «Желтофиоль» – похоже на виолу...»
(1943–1958)]

На сей раз обоняние и боль,
и зрение, пожалуй, не у дел.
Не видел, как цветет желтофиоль,
да, собственно, и роз не разглядел.
[И. А. Бродский. Чаша со змейкой (1964)]

Все это ерунда. Но далеко ль
уйдет он в познании украдкой?
Вот, например, герань, желтофиоль
ему уже не кажутся загадкой.

[И. А. Бродский. Феликс (1965)]

Можно заметить, что современные примеры очень редки и несут оттенки стилизации, кроме того, их отличает некоторая неопределенность: *желтофиоли и черт знает, что еще; не видел, как цветет желтофиоль*. Привлекает внимание и контекст из стихотворения Пастернака *Стоят цветочные горшки // С левкоем и желтофиолем*, где слово выступает в мужском роде, хотя ни в одном из словарей такой формы нет.

Действительно, для современного носителя языка слово *желтофиоль* оказывается загадкой: что это за растение, как оно выглядит и выращивается ли оно сейчас.

Более глубокий поиск по словарям позволяет выяснить, что это растение имеет и другие названия. Можно обратить внимание на определения из старых словарей (примеры из интернет-ресурсов):

ЖЕЛТЫЙ <...> Желтофиоль жен. лакфиоля, *Cheiranthus Cheiri*, сродное с левкоем; **ЛАКФИОЛЬ** — жен. желтофиоль, желтый левкой, растение *Cheiranthus cheiri*; **ФИОЛЬ** жен. растение *Cheiranthus cheiri*, желтофиоль, лакфиоль [Даль].

Cheiranthus Cheiri L. Желтофиоль, Лакфиоль. Оба вида называются у древних *Leucojon*, то есть белая Фиалка, отсюда и название Левкой (*Matt, annua*) и желтой фиалки или фиоли (*Viola lutea* Plin.) для этого вида. — *Польск.* Fiołki żółte. *Лак.* — *Чешск.* Fiala žlutá. — *Сербск.* Šeboi žuti. — *Немецк.* Gemeiner Lack od. Goldlack. Lackviole, Gelbe Viole. — *Франц.* Giroflee jaune, Ravenelle. Rameau d'or, Batou d'or. Muret. — *Англ.* Wall-flower. Bleeding-Hearth, Bloody-Warrior (Н. Анненков. Ботанический словарь (1878)).

Желтофиоль (*Cheiranthus* L.), лакфиоль — красивое и хорошо известное садовое растение из семейства крестоцветных (*Cruciferae*), очень близкое к левкоям, с которыми и смешивается беспрестанно у садоводов до того, что среди множества садовых пород и разновидностей как Ж., так и левкой часто нет возможности разобраться. <...> Наиболее известен вид *Cheiranthus Cheiri* L., или Ж. настоящая. См. Левкой (Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. (1890–1907)).

ЖЕЛТОФИОЛЬ (чешск.). Растение из сем. крестоцветных, развод. в оранжер. и садах. Цветы разл. желтых оттенков с сильным запахом. **ЛАКФИОЛЬ**, **ЖЕЛТОФИОЛЬ**, **ЖЕЛТЫЙ ЛЕВКОЙ** (от пер. *lak* — красный, и лат. *viola* — фиалка). Растение с желтыми, темно-бурыми или красно-бурыми цветами и приятным запахом [А.Н. Чудинов. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка (1910)].

Хейрантус хейри — *Cheiranthus cheiri*, Лактофиоль обыкновенный (!), Лакфиоль, Желтофиоль (Справочник по гомеопатии (1923)).

Лакфиоль, желтофиоль[2] или желтушник Чёри (лат. *Erysimum* × *cheiri*) – вид декоративных садовых растений рода Желтушник (*Erysimum*) семейства Крестоцветные (Капустные) (*Cruciferae*, *Brassicaceae*). <...> Устаревшее ботаническое название лакфиоли – *Cheiranthus Cheiri* L., или Лакфиоль настоящая [Википедия].

Таким образом, *желтофиоль* называется также *лакфиоль* (*фиоль*), *хейрантус* и *желтушник*, а также *желтый левкой*. Обращение к НКРЯ показывает, что эти варианты еще менее употребительны, чем *желтофиоль*. Ср. *лакфиоль* – 9 примеров в основном и 2 в поэтическом корпусе:

«А солнечные лучи крулыми яркими столбами текли из иллюминаторов, золотили местами скатерть, превращали краски пасхальных яиц в пурпур и сапфир и зажигали живыми огнями гиацинты, незабудки, фиалки, лакфиоли, тюльпаны и анютины глазки» [А.И. Куприн. Ленокча (1910)]; «Чтобы сделать ей приятное, он в первый выход в город, когда открыли магазины, купил ей синих и белых гиацинтов, несколько кустов цинерарий и три горшка лакфиоля. <...> Когда вслед за остальными цветами лакфиоль внесли в спальню, она раскапризничалась. Оказалось, лакфиоля она не любит. Непамятливость мужа ее обидела» [Б.Л. Пастернак. Начало прозы 1936 года (1936)]; здесь также в мужском роде; «К ней же всё летели орхидеи, магнолии, лакфиоли, примулы, гортензии, астры, гелиотропы, алоэ, маргаритки – словом, все цветы мира падали к ее замшевым белым туфелькам [Ю. Домбровский. Рождение мыши (1951–1956)]; «Широкие полосы синих ирисов обрамлял желтой лакфиолью» [Мария Великотная. Магия цвета и цветка (2002) // «Ландшафтный дизайн»];

Весна нас выгнала в убогий сквер,
Где небо призрачно, а воздух густ,
Где чудом кажется сирени куст,
Где не расскажет про тупую боль,
Вся в саже, бредовая лакфиоль,
Где малышей сажают на песок,
И где тоска вгрызается в висок.

<...> Я знаю, век, не изменить тебе,
Твоей суровой и большой судьбе,
Но на одну минуту мне позволь
Увидеть не тебя, а лакфиоль,
Увидеть не в бреду, а наяву
Больную, золотушную траву.

[И. Г. Эренбург. Монруж (1939)].

В НКРЯ *хейрантус* отсутствует; *желтушник* – 10 вхождений в основном корпусе, из них только 2 в значении ‘растение’ (а не ‘больной желтухой’ и пр.): «Цветет синий “бабог” – цикорий, желтушник, зелень травы и

молодых дубков осень еще не тронула» [Борис Екимов. На хуторе // «Новый мир», 2002]. В поэтическом подкорпусе примеров нет.

Обнаруживается в НКРЯ и *фиоль* — 11 вхождений в основном и 4 в поэтическом корпусе. Однако в прозаических примерах лишь несколько имеют отношение к цветам, а все поэтические контексты принадлежат И. Северянину. Ср.: «Подобных мест много в ваших повестях; я кстати вспоминаю, как Лаврецкий ночью в саду отыскал губы Лизы, как он смотрел на ленты ее шляпы, висевшей на ветке; вопрос Лизы: “желтый фиоль?” когда нянька рассказывала ей о мучениках христианства» [К.Н. Леонтьев. Письмо провинциала к г. Тургеневу (1860)]; «Песчаная дорожка отделяла балкон от длинной грядки лиловых ночных фиолей, душистого горошка и расписных турецких гвоздик, *окаймлявших зеленый лужок*» [Т.П. Пассек. Из дальних лет (1878—1889)];

О ты, чье сердце крылит к раздолью,
Ты, триумфатор, ты, властелин!
Приди, любуйся моей фиолью —
Моей печалью в снегах долин.

О ты, чьи мысли всегда крылаты,
Всегда победы, внемли, о ты:
Возьми в ладони меня, как в латы,
Моей фиолью святя мечты!..
[И. Северянин. Фиалка (1911)]

В современной ботанической литературе как наиболее точное приводится название *желтушник левкойный*. В популярных источниках по садоводству можно встретить практически весь ряд названий: *желтушник*, *лакфиоль*, *хейрантус* (*хейрантус чери* или *шери*), а также и *желтофиоль*, причем нередко несколько названий сразу, например: «Лакфиоль (другое название Хейрантус Шери или Желтофиоль)».

Таким образом, выясняется, что и в настоящее время *желтофиоль* продолжает выращиваться, однако довольно редко, и если это растение известно современному носителю языка, то скорее под другими названиями, а встречающаяся в языке классической литературы лексема постепенно переходит в разряд агнонимов.

Можно предположить, что слово *желтофиоль* стало уходить из языка, поскольку, с одной стороны, скромный цветок стал вытесняться более эффектными декоративными растениями (снижение оценки, вероятно, демонстрируютagramматичные примеры из произведений Пастернака), а с другой стороны, более официальные названия — *лакфиоль*, *хейрантус* и в особенности *желтушник* — для языка художественной литературы, поэзии оказались недостаточно благозвучными. Отчасти по этой же причине произошли изменения и в садоводческой терминологии: вместо устарелого названия *желтофиоль* и неблагозвучного *желтушник* в справочниках и

каталогах семян используются более звучное *лакфиоль* и «научообразное» *хейрантус*.

Особенно очевидно едва ли не маргинальное положение *желтофиоли* в сопоставлении с употребительностью названия близкородственного растения — *левкой*: в НКРЯ 230 вхождений в основном корпусе, 107 — в поэтическом, в том числе современные, причем *левкой* наряду с *розой*, *фиалкой*, *лилией*, *гиацинтом* выступает одним из ярких поэтизмов.

Похожая ситуация складывается и с другими названиями растений: за малопонятными сейчас словами, встречающимися в художественных произведениях, скрываются растения, вполне привычные и известные нам, но под другими именами; в других случаях одно и то же название употребляется по отношению к разным растениям (так, в приведенных выше определениях *желтофиоль* иногда соотносится с *фиалкой* (судя по всему, из-за душистых цветков), хотя эти растения даже из разных семейств). Иногда мы легко узнаем двойников (*календула* / *ноготки*), но нередко менее употребительные, устаревшие названия перестают соотноситься с растением и теряются для нас: *шпажник* / *гладиолус*, *шпорник* / *живокость* / *дельфиниум*, *волькамерия* / *клеродендрум*, *далия* / *георгин*, *желтофиоль* / *левкой* / *маттиола*. И простое устранение из современных толковых словарей таких вариантов перестает выглядеть оправданным. Представляется, что подобного рода лексемы стоило бы оставлять в словарях с отсылкой к более употребительным современным названиям, чтобы не терять эти крупницы языковой картины мира.

Источники и литература

1. АТОС — Академический толковый словарь русского языка. Т. 1: А — Вилять; Т. 2: Вина — Гяур / Отв. ред. Л.П. Крысин. М., 2016.
2. БАС-1 — Словарь современного русского литературного языка. Т. 1—17. М.— Л., 1948—1965.
3. БАС-3 — Большой академический словарь русского языка. Т. 1—. СПб., 2004—.
4. Бельская А.А. Ольфакторные и флористические знаки портретов в поэме А.К. Толстого «Портрет» и повести И.С. Тургенева «Фауст» // Вестник Брянского гос. ун-та. 2017. № 3 (33). С. 102—111.
5. БТС — Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.Н. Кузнецова. СПб., 1999.
6. Даль — В.И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1—4. М., 1998.
7. Кожевникова Н.А., Петрова З.Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX—XX вв. Вып. 3: Растения. М., 2015.
8. МАС — Словарь русского языка. Т. 1—4 / Под ред. А. П. Евгеньевой. Изд. 1-е. М., 1957—1961; Изд. 2-е. М., 1981—1984.

9. НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] // <http://www.ruscorgora.ru> (дата обращения 20.04.2018).
10. Ожегов С.И. Словарь русского языка. Изд. 10-е. М., 1973.
11. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997.
12. Рогожникова Р.П., Карская Т.С. Школьный словарь устаревших слов русского языка: По произведениям русских писателей XVIII–XX вв. М., 2005.
13. РСС – Русский семантический словарь / Под общ. ред. акад. Н.Ю. Шведовой. Т. I. М., 2002.
14. Сводный словарь современной русской лексики. В 2 т. / Под ред. Р.П. Рогожниковой. М., 1991.
15. Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс] // <https://dic.academic.ru/> (дата обращения 20.04.2018).
16. СУ – Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. I–IV. М., 1935–1940.
17. СЯРП – Словарь языка русской поэзии XX века. Т. I–VII – / Сост.: В.П. Григорьев (отв. ред.), Л.Л. Шестакова (отв. ред.), Л.И. Колодяжная (ред.), А.С. Кулева (ред.), В.В. Бакеркина, А.В. Гик, Т.Е. Реутт, Н.А. Фатеева. М., 2001–2017–.
18. Тарасова И. А. Метапоэтика Георгия Иванова. Заметки к теме // *Textus*. 2008. № 12–1 (12). С. 153–158.
19. Федосюк Ю.А. Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века. М., 1998.
20. Шведова Н.Ю. – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 2007.

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ
проект № 17-29-09063.

Как речь становится художественной?

В рецензии рассмотрена концепция художественной речи проф. В.И. Конькова и канд. филол. наук И.А. Митрофановой, изложенная в книге «Стилистика художественной речи» (М.: Издательский центр «Академия», 2016). Суть авторского подхода в синтезе идей функциональной стилистики, семантики, литературоведения, культурологии, семиотики, дискурсологии и отказе от разделения лингвистического и литературоведческого аспектов анализа эстетической речи как накопителя творческого потенциала национальной вербальной культуры. Авторы представляют свою, оригинальную концепцию. Рассмотрены категории языковой образности и ее лексические и синтаксические источники; ресурсы детализации; авторская и чужая речи как текстовая оппозиция; сравнение и концептуальная метафора с точки зрения семантических различий; интертекстуальность как проявление диалогичности языка. Заключительная глава посвящена анализу основных художественных стилей современности – реализму и постмодернизму.

Ключевые слова: образ, текст, значение и смысл, чужая речь, интертекстуальность, ориентированность на субъективный мир автора, точка зрения как категория композиции произведения, реализм, постмодернизм, интертекстуальность.

DOI: 10.31857/S013161170001629-0

The aesthetic speech concept of Professor V. I. Konkov and candidate. philol. sciences I. A. Mitrofanova presented in the book «Style of artistic

speech» (М.: Publishing center «Academy», 2016) is analyzed. The essence of the author's approach is in the synthesis of the functional stylistics, semantics, literary, cultural, semiotics, discourse studies ideas and the rejection of the separate linguistic and literary analysis of aesthetic speech. Authors present their own, original concept. The categories of the language imagery and its lexical and syntactic sources; resources of details; the author's and someone else's speech as a text opposition; comparison and conceptual metaphor from the perspective of the semantic differences; intertextuality as a manifestation of the language dialogicality are discussed. The final chapter analyzes the main artistic styles of our time – realism and postmodernism.

Keywords: image, text, meaning and sense, foreign language, intertextuality, orientation to the subjective world of the author, point of view as the category of composition of the work, realism, postmodernism, intertextuality.

В наше время искусство художественного слова внимание исследователей и преподавателей вузов привлекает мало. Медиатизация культуры, да и жизни в целом вытеснила его из центра к периферии общественного сознания, а следом и лингвистический анализ художественной речи ушел на окраину научных и преподавательских интересов. И сейчас по пальцам можно пересчитать новые работы, цель которых – анализ не прагматического, а эстетического слова. Но, сосредоточившись на очень важных объектах вроде политического дискурса, деловой и массовой коммуникации и почти забыв художественную литературу, не рискуем ли мы в очередной раз выплеснуть с водой ребенка?

Хотя художественное слово больше не оказывает такого сильного влияния на общественное сознание, как в XIX и даже в XX веке, но оно благодаря своей главной, эстетической функции по-прежнему в наиболее полной степени аккумулирует творческий, выразительный потенциал языка. И если ставить задачу максимально полно его раскрыть, то прежде всего на основе художественного стиля. Тем более значимым стал выход в свет книги В.И. Конькова, И.А. Митрофановой «Стилистика художественной речи» (М.: Издательский центр «Академия», 2016).

Авторы назвали ее учебным пособием и адресовали студентам-бакалаврам, обучающимся по направлению «Филология», правда, упомянув, что она может быть полезна еще студентам и аспирантам журналистам, а также их преподавателям. Это, с нашей точки зрения, очень скромно, поскольку работа эта может иметь куда более широкий читательский адрес: она будет интересна любому, кто следует совету И.С. Тургенева: «Не читайте что попало, а со строгим выбором... Воспитывайте свой вкус и мышление». А еще тем, кому интересно, почему «писать стихи – не значит быть поэтом» (В.Г. Белинский), а все книжные магазины по-прежнему, как продолжал свою мысль великий критик, «завалены доказательствами этой истины». И еще больше, чем во времена В.Г. Белинского.

Воспитывать художественный вкус, выбирая и круг чтения, и кино, и театр, в наше время, согласитесь, непросто. «Стилистика художественной речи» В.И. Конькова, И.А. Митрофановой кому-то поможет отделить зерна от плевел, хотя и не сделает из графомана маэстро, а из читателя, задушенного массовой культурой, знатока.

Вопреки традиции разделения литературоведческого и собственно стилистического анализа, авторы в описании предмета декларируют как свое кредо сращивание того и другого подхода. И, главное, они расширяют границы собственно стилистического анализа, который, по их мнению, подобно взгляду с высоты птичьего полета, дает возможность увидеть только общие очертания объекта. Раскрыть суть художественной речи с необходимой степенью детализации и в нужных аспектах позволяет сочетание стилистических концепций с идеями современной семантики, семиотики, прагматики, культурологи, дискурсологии, текстологии. Их исследовательский подход – это синтез семантических идей Н.Д. Арутюновой, эстетики М.М. Бахтина, стилистики и грамматики В.В. Виноградова, теории композиции Б.А. Успенского, семиотики и культурологи М.Ю. Лотмана, концепций Г.О. Винокура, В.Г. Костомарова, Д.Н. Шмелева, В.Е. Чернявской, А.Н. Васильевой, Ю. Кристевой, В.Н. Топорова и других исследователей разных гуманитарных направлений, одно перечисление которых, как представляется, говорит о том, что «Стилистика художественной речи» В.И. Конькова, И.А. Митрофановой сочетает, с одной стороны, традиционный предмет и несколько старомодное название с новаторским, многосторонним исследованием – с другой.

И это позволяет авторам не просто систематизировать ресурсы художественного стиля речи (подобных работ в рамках традиционной функциональной стилистики много). Такой многоплановый подход позволяет раскрыть внутренние ресурсы словесного творчества, выстроить систему речевых координат художественного текста, на которые ориентировано языковое сознание и следование которым и превращают слово в эстетическую ценность.

Книга построена традиционно – от общей характеристики русской речи как жизненной ценности и функционального стиля к рассмотрению основных категорий художественной речи и речевым особенностям современной русской литературы. Но на этом сходство с традиционным описанием ресурсов словесного творчества, пожалуй, и заканчивается. Во всем остальном структура книги отражает новаторский для работ такого плана, комплексный семантико-когнитивно-культурологический подход к предмету.

Центральная категория художественного произведения – образность – рассмотрена как языковая, семантическая. На очень простых, но убедительных и разнообразных примерах авторы показывают, как за счет изобразительных возможностей лексики с конкретным значением, но с

разной референцией, в предметном или характеризующем значении возникают разные смыслы и прочтения; как они опираются на жизненный опыт читателя и связаны со сферой знаний; как самые простые слова: *дом, собака, ломоть хлеба* — прорастает в тексте добавочными смыслами социальных категорий и жизненных ценностей.

Наконец, у авторов есть свой ответ на вопрос, почему одно словесное изображение обретает статус образа, а другое нет, что характеризует образ как категорию стилистики и какие функции он выполняет, когда и как образ поднимается на высоту философского обобщения (см., например, анализ отрывков произведений Г. Газданова «Вечер у Клер» и Ю. Казакова «Арктур — гончий пес»).

С другой стороны, прототип художественного слова — жизнь — авторы, следуя идеям М.Ю. Лотмана, описывают как текст, который существует в контексте, рассматривают жизнь как книгу, которую мы читаем (*...и с отращением читая жизнь мою* — А.С. Пушкин; *...пласты над пластами являются книгой с живыми листьями* — Г. Бенедиктин), *страницы* которой, *героические, печальнее, позорные*, мы перелистываем. И самые обыденные в предметы приобретают смысл художественного образа. Действительность и ее словесное отражение в таком когнитивно-метафорическом осмыслении, сама идея которого — результат развития письменной речи, сливаются воедино. Таким образом, круг *жизнь—художественное слово—жизнь* замыкается.

Изобразительные и выразительные возможности русской речи (гл.2) представлены в аспектах конкретизации образа, лексических и синтаксических ресурсов. Под художественной конкретизацией авторы понимают детализированность словесного изображения. Она может быть пунктирной, точечной. И тогда каждый читатель, опираясь на свой жизненный опыт, самостоятельно достраивает картину действительности по опорным деталям. Она может быть предельно подробной. И тогда остается опознать в словесном изображении прототип.

Из традиционных тропов авторы выбирают метафору. Начиная с идей Аристотеля и традиционной тропеистики о метафоре (это опора на знания аудитории), они далее анализируют ее в русле исследований Н.Д. Арутюновой не столько как изобразительное, сколько как когнитивное, концептуальное явление — отражение мировоззрения автора (*мраморная слизь — слава* у В.В. Маяковского). В их поле зрения попадают и сопряженные с метафорой выразительные средства — сравнение и эпитет.

Эпитет интересует авторов как производное метафоры, а сравнение рассмотрено в сопоставлении с ней с точки зрения семантической разницы (чаще указывают на сходство: метафора как подразумеваемое сравнение). Метафора, сравнение, эпитет выбраны авторами, видимо, потому, что наиболее полно представляет концептуальные образные ресурсы, но в этом ощущается некоторая фрагментарность.

Средства выразительности В.И. Коньков, А.И. Митрофанова рассматривают с точки зрения их ориентированности на выражение субъективного мира говорящего, личностного начала. В поле их внимания оказываются части речи. Среди знаменательных это личные местоимения, прежде всего *я* – семантическое средоточие личностного начала (*Я,я,я,! Что за дикое слово! / Разве вот тот – это я? / Разве мама любила такого?* – В. Ходасевич «Зеркало»), и глаголы в личной форме. Последние «интерпретируют по-разному одно и то же содержание в зависимости от отношения к участника коммуникативного акта» (С. 75).

Кроме того, и это совсем необычно для исследований художественного стиля, авторы останавливаются на служебных частях речи как ориентационных маркерах, а также как экспликаторах позиции и мировоззрения говорящего.

Отдельные разделы посвящены речевому портрету героя и повествователя. Авторы дополняют традиционную для художественного стиля тему сказа рассмотрением синтаксических форм речи: прямой, несобственно-прямой, несобственно-авторской и косвенной. А лексико-синтаксические формы выражения точки зрения говорящего рассматривают как категорию текста, как аспект композиции (перемена точек зрения повествователя и героя), в плане объективного/ субъективного изложения, идеологии, психологии – как выражение эмпатии, т.е. способности почувствовать себя на месте другого. В последнем случае текст реализует параллельно как минимум две точки зрения – говорящего и его визави.

Одна из центральных категорий образной речи – смыслопорождающие возможности – рассмотрена в ракурсе категорий значения языковой единицы и ее смысла в контексте речи. Их различие в различных стилях и ситуациях стремится к минимуму в научном и деловом стиле и может быть очень велико в художественном, поскольку в последнем случае оно переживается читателем (это способ его восприятия), а главное, оно, по М.М. Бахтину, диалогично, т.е. помнит все контексты, в которых «бывало и приобретало все новые и новые смыслы» (С. 111). Таким образом, смысловая глубина увеличивается за счет ассоциативных связей, в том числе и другими художественными текстами, которыми чрезвычайно богата русская литература.

Диалогичность как естественное свойство языка, как способность вбирать в себя традиции, идеи, выраженные и сохранившиеся в словесном облачении, становится основой интертекстуальности. Последняя рассмотрена с точки зрения формирования общего смысла и стилистики текста, а также выражения внутреннего мира персонажа.

Наконец, завершает обзор стилистических свойств, возможностей и особенностей художественной речи анализ художественных методов русской литературы – реализма и постмодернизма в их языковом выражении, в ракурсе рассмотренных ранее категорий. Постмодернизм, как следствие

кризиса доверия к научному знанию, скепсиса и разочарования, авторы противопоставляют реализму.

Если последний упорядочивает картину действительности, сосредотачивается на внутреннем мире героя и поднимается на высоту философского осмысления жизни, то постмодернизм принципиально изображает ее и внутренний мир героя искаженно, фрагментарно, как говорят авторы, «действительность, восстанавливаемая читателем сквозь призму этого сознания (сознания героя «Школы дураков» Саши Соколова. — Т.С.) как бы реанимируется, угадывается читателем в своем реальном существовании» (С. 211). «В центре внимания оказывается не анализ жизни, а актуализация того или иного приема и, соответственно, особенности формирования текста» (С. 210). Причем, достигая противоположных художественных эффектов, реализм и постмодернизм используют одни и те же категории художественного стиля и ресурсы языка, в частности конкретизацию, точку зрения, синтаксические формы речи автора и героя, интертекстуальность, которые были рассмотрены в предыдущих главах.

И последнее, что хотелось бы отметить: авторам действительно удалось избежать взгляда на предмет с высоты птичьего полета (этот недостаток они отмечали в традиционных взглядах функциональной стилистики) и представить его в той степени детализации, которая позволяет понять, как слово становится эстетической ценностью.

© Т.И. СУРИКОВА,

кандидат филологических наук

МГУ им. М.В. Ломоносова

Буслаевские чтения в МГУ имени М. В. Ломоносова

В обзоре представлена информация о научной конференции «Буслаевские чтения», проходившей в МГУ имени М.В. Ломоносова. На ней прозвучали доклады ведущих специалистов – литературоведов и лингвистов – о научном наследии академика Ф.И. Буслаева и значении его идей в современной филологии.

Ключевые слова: история культуры, словесность, языкознание, персоналогия, конференция.

DOI: 10.31857/S013161170001630-2

The review provides information about the scientific conference «Buslaev readings», held at Moscow Lomonosov State University. It presents the reports of leading experts – literary critics and linguists – about the scientific heritage of academician F.I. Buslaev and the importance of his ideas in modern philology.

Keywords: history of culture, literature, linguistics, personology, conference.

25 апреля 2018 г. исполнилось 200 лет со дня рождения Федора Ивановича Буслаева – замечательного филолога, искусствоведа, историка культуры, собирателя и знатока древнерусских рукописей и старинных книг,

мудрого педагога и щедрого наставника, открывшего новую веху в воспитании гражданина своей Отчизны словесным образом, любовью к историческим памятникам и древним глаголам, духовной сопричастностью к народным верованиям и живой тягой к прекрасному.

О поколении выдающихся мыслителей XIX века — Ф.И. Буслаеве, В.О. Ключевском, С.М. Соловьеве, Н.С. Тихонравове — «умов спокойных», как назвал их русский философ В.В. Розанов, сохранились пронзительные слова из его глубокого произведения «Уединенное»: «Это были люди верующие, религиозные, люди благочестивой жизни в самом лучшем смысле, — в *спокойно-русском*... Они... всю жизнь трудились, благородствовали, созидали» [1].

Теперь мало кто вспомнит «современную элегию» «Фанты» [2], написанную русским поэтом, переводчиком и критиком Д.Д. Минаевым и посвященную детям, начинающим учиться русской азбуке. Есть в ней и такое четверостишие:

Новая литера: Буки!
Кто, русский эпос прославив,
Сделался дивом науки?
Кто же?... — Б...

Таинственным «Б» был легендарный Федор Иванович Буслаев.

Его наследие и сейчас находится в центре внимания филологов и педагогов и активно используется в научной практике и в учебной деятельности как животворный источник созидательного знания.

17 апреля 2018 г. на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова в Пушкинской гостиной состоялась научная конференция, приуроченная к 200-летию со дня рождения академика Федора Ивановича Буслаева (1818–1897) — выпускника и затем ординарного профессора Императорского Московского университета. Конференция проходила по инициативе кафедры русской литературы и собрала исследователей разных школ и направлений, которые сфокусировали свои доклады на личности Ф.И. Буслаева и его достижениях в различных отраслях гуманитарной науки.

В программе конференции участвовали не только представители МГУ, но также ученые Историко-филологического факультета МГОУ, других учебных заведений Москвы и Санкт-Петербурга, давно и плодотворно занимающиеся «буслаеведением».

На утреннем заседании после приветственного слова заведующего кафедрой русской литературы д.ф.н. профессора В.Б. Катаева прозвучали доклады д.ф.н. профессора Е.А. Кузьминовой (МГУ) «Ф.И. Буслаев и история славянской грамматической традиции», д.ф.н. профессора Т.В. Пентковской (МГУ) «Псалтырь как объект исследования Ф. И. Буслаева», к.ф.н. доцента Н.В. Николенковой (МГУ) «Фрагменты церковнославянского перевода Атласа Блау

в “Хрестоматии” Ф.И. Буслаева», д.ф.н. профессора М.Ю. Сидоровой (МГУ) «Основы функционального подхода к лингводидактике в работе Ф.И. Буслаева «О преподавании отечественного языка», д.ф.н. доцента В.В. Кавериной (МГУ) «История, теория, кодификация графики и орфографии в “Исторической грамматике русского языка” Ф.И. Буслаева», к.ф.н. доцента А.В. Уржи (МГУ) «Представление о кратности в грамматике Ф.И. Буслаева и в современных функциональных исследованиях», А.С. Улитовой (Санкт-Петербург) «Взгляды Ф.И. Буслаева на порядок слов в атрибутивном словосочетании и их развитие в современной лингвистике».

Как видно из перечня тем, на утреннем заседании докладчики в основном обратили внимание на лингвистическую проблематику и осветили интересные идеи, содержащиеся в грамматических трудах академика Ф.И. Буслаева и до сих пор находящиеся в русле современных исследований.

Вечернее заседание вел д.ф.н. профессор А.А. Пауткин – тонкий, ироничный, глубокий исследователь, сумевший создать особую атмосферу буслаевского духа.

На сей раз ученые охватили биографическую, историко-культурную, эстетическую, литературоведческую проблематику творчества Ф.И. Буслаева. Так, д.ф.н. профессор О.В. Никитин (МГОУ) выступил с докладом «“...Он отдавался науке весь...” (К 200-летию со дня рождения академика Ф.И. Буслаева)», д.ф.н. профессор А.Н. Качалкин (МГУ) рассказал о влиянии трудов Ф.И. Буслаева на совершенствование текстов деловой речи, к.ф.н. доцент С.В. Алпатов (МГУ) свой доклад озаглавил так: «Второе Мерзбургское заседание: вопросы Ф.И. Буслаева и ответы современной фольклористики», к.ф.н. доцент Л.В. Фатеева (ГИИ) рассмотрела фигуры Ф.И. Буслаева и его ученика А.И. Кирпичникова как исследователей христианской иконописи и книжной миниатюры, Т.А. Алпатова (МГОУ – заочное участие) прислала интересную тему «Письма русского путешественника» в интерпретации Ф.И. Буслаева (“Мои досуги”)), д.ф.н. профессор А.А. Пауткин (МГУ) проник в лабораторию творческой мысли Ф.И. Буслаева и Э.Э. Виолле-ле-Дюка, к.ф.н. доцент А.В. Архангельская (МГУ) с дерзостью вдохновенного филолога осветила сюжет «исследователь женских хитростей» в интерпретации Ф.И. Буслаева.

Большой интерес у аудитории вызвал доклад профессора МГОУ О.В. Никитина, в котором были представлены малоизвестные факты из биографии Ф.И. Буслаева в контексте научной традиции XIX века: становление личности ученого в период его обучения в Императорском Московском университете, первые педагогические и лингвистические опыты, вхождение в передовые идеи компаративистики и др. Докладчик также продемонстрировал редкие архивные находки и публикации и рассказал о судьбе потомков Ф.И. Буслаева. Частично представленные материалы уже были обнародованы докладчиком в виде статей, вышедших к юбилею Ф.И. Буслаева [3; 4; 5].

В заключение конференции были подведены итоги и намечены перспективы дальнейшей работы по изучению и пропаганде наследия академика Ф. И. Буслаева. Материалы чтений опубликованы в журнале филологического факультета МГУ «Stephanos» [6; 7; 8] и других периодических изданиях [9].

Попутно необходимо отметить, что памятные мероприятия, связанные с юбилейной датой, также прошли на родине Ф. И. Буслаева, в Пензе, в Институте лингвистических исследований РАН. Осуществлен выпуск специальных «буслаевских» номеров «Вестника Вологодского государственного университета» (№3, 2018) и «Ученых записок Петрозаводского государственного университета» (№2, 2018). 25 апреля 2018 г. на могиле Ф. И. Буслаева был отслужен молебен. Но торжество филологии духа продолжается...

Литература

1. См.: <https://profilib.net/chtenie/28603/vasily-rozanov-uedinennoe-13.php>
2. См.: <http://libverse.ru/minayev/Fanty.html>
3. *Никитин О.В.* «Филология духа». Федор Иванович Буслаев как языковая личность (К 200-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2018. № 5. С. 79–86.
4. *Никитин О.В.* Фёдор Иванович Буслаев и язык Отечества (К 200-летию со дня рождения) // Русская речь. 2018. № 3. С. 48–56.
5. *Никитин О.В.* «Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков» Ф. И. Буслаева как памятник филологической культуры XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 2 (171). С. 98–104.
6. *Пауткин А.А.* Ф.И. Буслаев и Э.Э. Виолле-ле-Дюк // Stephanos. 2018. № 4 (30). С. 103–108.
7. *Кузьминова Е.А.* Ф.И. Буслаев и история славянской грамматической традиции // Stephanos. 2018. № 4 (30). С. 109–117.
8. *Пентковская Т.В.* Псалтырь как объект исследования Ф.И. Буслаева (рукопись РГБ, ф. 304.1, № 308) // Stephanos. 2018. № 4 (30). С. 118–124.
9. *Никитин О.В.* «Он указал новый путь» // Московский журнал. История государства Российского. 2018. № 10. С. 38–65.

© *О.В. НИКИТИН,*

доктор филологических наук, профессор

Московский государственный областной университет